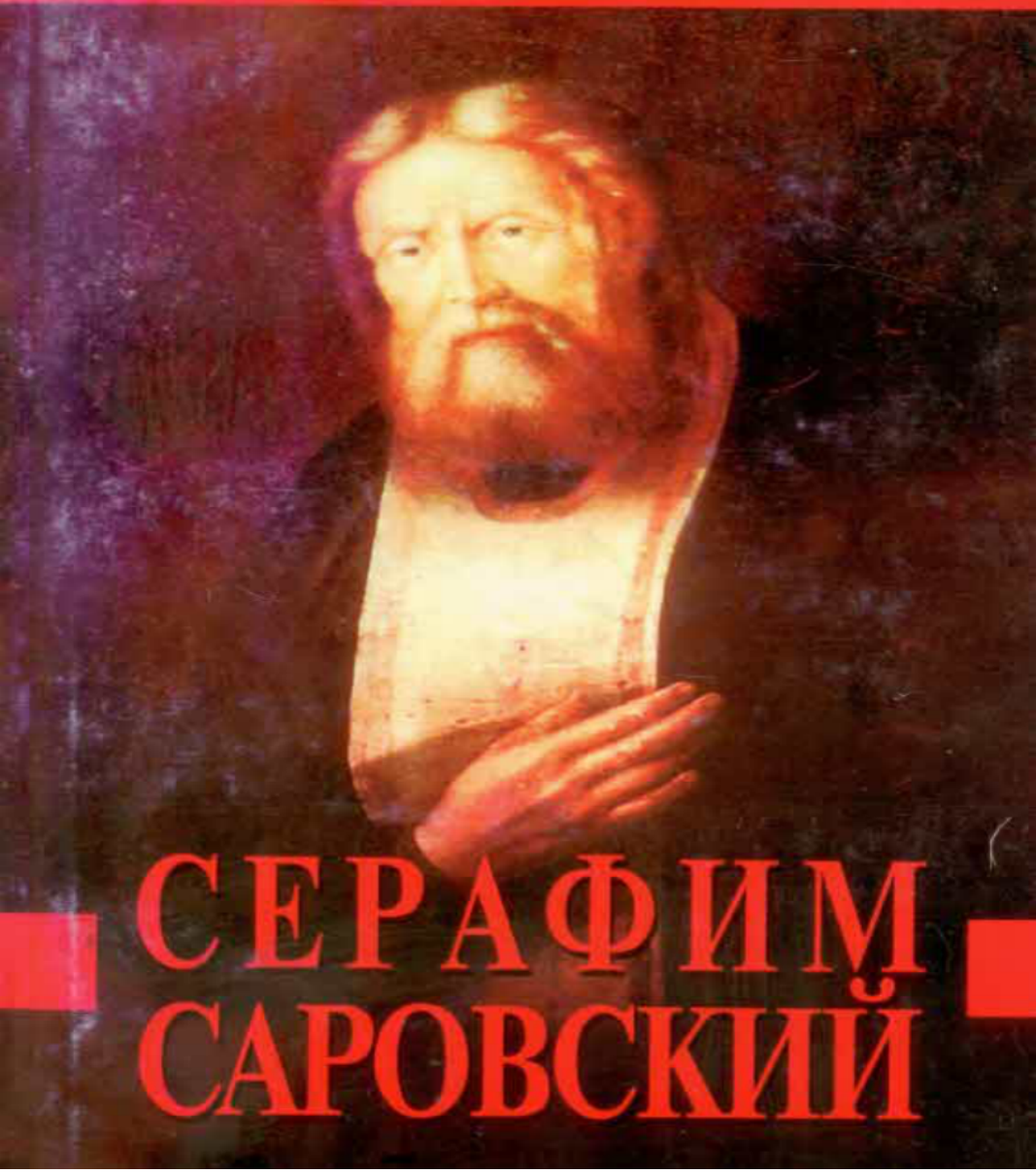
ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ



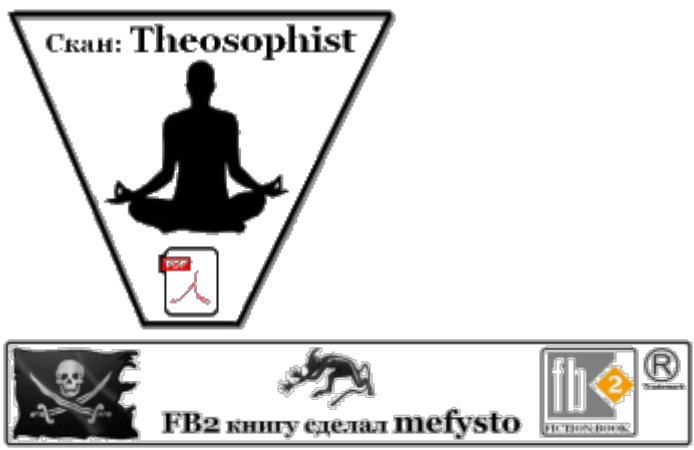
СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

Говорят, будущее известно только Богу и только святые могут пророчествовать. Отец Серафим, Саровский чудотворец, своей жизнью заслужил это право. Он предсказал Александру I, что его род продлится триста лет и три года, что начнется он в доме Ипатьева и закончится в доме Ипатьева; предрек мученическую гибель Николая II и его детей; пророчествовал о падении и помиловании России. Пламенный Серафим совершил множество чудотворений, о которых узнает читатель этой книги.



- Наталья Горбачева
  - ДВА СТАРЦА
  - ЖИТИЕ И ЧУДОТВОРЕНИЯ «УБОГОГО» СЕРАФИМА
  - ЧЕТВЕРТЫЙ ЖРЕБИЙ БОГОРОДИЦЫ
  - ПРОРОЧЕСТВА ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА О РОССИИ
  - _____
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10

Наталья Горбачева

СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

НАТАЛЬЯ ГОРБАЧЕВА

СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

АСТ
Издательство
ОЛИМП
Москва
1999

Он был и именем, и духом Серафим[1],
В пустынной тишине весь Богу

посвященный:

Ему всегда служил, и Бог всегда был с ним,

Внимая всем его моленьям вдохновенным.

И что за чудный дар в его душе витал!

Каких небесных тайн он не был созерцатель?

Завета вечного земным истолкователь!

Как много дивного избранным он вещал.

Куда бы светлый взор он только не вперял —

Везде туманное пред ним разоблачалось.

Преступник скрытый вдруг пред ним себя являл,

Судьба грядущего всецело рисовалась,

В часы мольбы к нему с лазурной высоты

Небесные друзья невидимо слетали

И, чуждые земной житейской суеты,

Его беседою о небе услаждали.

Он сам, казалось, жил, чтоб только погостить:

В делах его являлось что-то неземное,

Напрасно клевета хотела омрачить —

В нем жизнь была чиста, как небо голубое.

От подвигов устав, преклонившись на колени,

С молитвой на устах, быв смертным, умер он.

Но что же смерть его? — Вид смертной только сени[2].

ДВА СТАРЦА

Существует легенда, что царь Александр I посетил старца Серафима, и тот сказал ему: *«Продлится род твой триста лет и три года. Начался он в доме Ипатьева и кончится в доме Ипатьева»… «Россия будет затоплена кровью за грехи ее. Но Господь милостив. Он даст России восстать из руин».*

Так оно и случилось. Первый царь из рода Романовых Михаил был избран в 1613 году в Ипатьевском монастыре Костромской губернии. А через 305 лет династия прекратилась после убийства Николая II и его сына наследника Алексея в Ипатьевском доме в Екатеринбурге.

Таинственными подробностями сопровождалась и смерть Александра I.

Он взошел на престол в 1801 году после убийства его отца императора Павла I. Новый государь получил наименование Благословенный за то, что спас Европу от французов. После окончания наполеоновских войн Александр I был вознесен на самый верх возможной всемирной человеческой славы. В двадцатых годах прошлого века он говорил: «Я отслужил 25 лет, и солдату в этот срок дают отставку», мечтая о своей отставке с российского престола.

В Таганроге, куда император сопровождал свою жену для лечения, он внезапно заболел и умер 19 ноября 1825 года. За несколько дней до этого в Таганроге погиб фельдъегерь Масков, как говорили, внешне очень похожий на Александра I. В закрытом гробу умерший император был перевезен в Петербург. В течение семи дней гроб (опять закрытый) стоял в Казанском соборе. Для членов императорской семьи его открыли только однажды ночью, причем мать Александра I императрица Мария Федоровна заметила, как изменилось лицо сына.

Неудивительно, что все эти странные обстоятельства смерти и похорон породили легенду, что Александр I не умер, а вместо него в гроб положили фельдъегеря Маскова. Легенда тем более находила приверженцев, чем более таинственного открывалось.

Так, спустя несколько лет после смерти Александра I в Сибири появился неизвестный старец, называвший себя Федором Кузьмичом и говоривший о себе, что он «бродяга, не помнящий родства». Когда он впервые появился в Пермской губернии в 1836 году, на вид ему было лет шестьдесят (Александр I родился в 1777 г.), имел величавую наружность, был одет по-крестьянски, но отличался несвойственными этому званию мягкими, изящными манерами. Его арестовали, судили за бродяжничество

и приговорили к наказанию двадцатью ударами плетью и ссылке в Сибирь. Федор Кузьмич безропотно принял наказание, но своего настоящего имени и происхождения не открыл. В Сибири в скором времени он обратил на себя внимание строгой отшельнической жизнью и правдивостью, на него стали смотреть как на подвижника.

Стремясь к уединению, Федор Кузьмич старался жить в глухих местах, втайне. И так как всюду, где бы он ни поселился, к нему начинали стекаться посетители, ища духовной поддержки, то старцу неоднократно приходилось менять свое местожительство. Сначала он подвизался в Енисейской, потом в Томской губерниях. В 1858 году поселился у купца Хромова в городе Томске, где и умер в 1864 году.

Федор Кузьмич посещал Православную церковь, но, по свидетельству священника Георгия Белоусова, никогда не причащался, так как сам старец говорил, что он уже отпет. Про удивительного старца рассказывали, что он был человеком образованным, знавшим европейские языки и хорошо осведомленным в политической жизни России начала XIX века. Сам Федор Кузьмич не скрывал, что он очень высокого происхождения и некогда играл видную политическую роль, но, почувствовав отвращение к суете мира сего, решил отречься от него и принять вид бродяги «по обету».

Наружность, рост, возраст, глухота на одно ухо, мозоли на коленях, манера держаться Федора Кузьмича были слишком похожи на внешность Александра I. Вообще же знание петербургской придворной жизни и этикета старец обнаруживал необычайное. Он знал всех государственных деятелей и высказывал иногда довольно верные характеристики их. С большим благоговением отзывался Федор Кузьмич о митрополите Филарете (впоследствии причисленного к лику святых), архимандрите Фотии и др. Рассказывал об Аракчееве, его военных поселениях, вспоминал Суворова, Кутузова, но никогда не упоминал о Павле I и не давал характеристик Александру Павловичу. Только события, связанные с именем этого императора, вызывали у старца некоторые суждения.

Существует предание, что император Александр II, будучи наследником престола, во время своего посещения Сибири заезжал к Федору Кузьмичу. Несколько других высокопоставленных лиц приезжали к нему инкогнито и открыто.

После его смерти среди скромной отшельнической обстановки нашли небольшое резное из слоновой кости распятие прекрасной работы, цепь ордена св. Андрея Первозванного, нарисованный им самим вензель в виде буквы «А», с короной над

ней и летящим голубем вместо перечерка.

Сохранился печатный экземпляр молитвы, написанной старцем: «Отцу и Сыну и Святому Духу. Покаяние со исповеданием во все дни. О, Владыко Человеколюбче, Господи Отец, Сын и Св. Дух, Троица Святая, благодарю Тя, Господи, за Твое великое милосердие и многое терпение. Аще бы не ты, Господи, и не Твоя благодать покрыла мя, грешнаго, во вся дни и ночи, и часы, то уже бы аз, окаянный, погиб, аки прах пред лицом ветра, за свое окаянство, и любность, и слабность, и за вся свои преестественные грехи. А когда захочу придти ко отцу своему духовному на покаяние, отча лица устыдихся, грехи утаих, оные забых и не могох всего исповедать срама ради и множества грехов моих. Потому же покаяние мое нечисто есть и ложно рекомо, но Ты, Господи, сведущий тайну сердца моего, молчание мое разреши и прости душу мою, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

В молитве говорится о том, что множество «преестественных» (смертных) грехов не дают возможности молитвеннику даже рассказать их на исповеди. На совести Александра I было если не соучастие в заговоре против отца Павла I, то, во всяком случае, знание о предполагаемом перевороте. Отцеубийство относится к страшным смертным грехам. Что касается «любности», то известно также, что у него были незаконные связи с различными женщинами и даже незаконные дети от М. А. Нарышкиной.

У всех, общавшихся близко с Федором Кузьмичом, сложилось впечатление, что старец принял обет молчания относительно своей личности и что он удалился из мира в целях искупления какого-то тягчайшего греха, мучившего его всю жизнь.

Похоронен Федор Кузьмич на кладбище Томского Алексеевского мужского монастыря. На его могиле воздвигнута часовня, а на кресте надпись: «Здесь погребено тело Великого Благословенного старца Федора Кузьмича, скончавшегося 20 января 1864 г.». Слова «Великого Благословенного» были впоследствии замазаны белой краской по распоряжению томского губернатора.

Итак, если Александр Благословенный в действительности был тем самым старцем Федором Кузьмичом, то кто-нибудь из великих современных ему старцев должен был благословить его на сей подвиг отречения от мира.

Таким именно старцем мог быть отец Серафим, Саровский чудотворец.

По воспоминаниям учителя детей последнего императора Николая II Гиббса, встреча эта подтверждается.

В начале XX века Е. Поселянин опубликовал рассказ со слов людей, известных своей религиозной жизнью. Первым из рассказчиков был престарелый инок из Сарова, который оказался свидетелем события. Дело было так.

В 1815 году, или в один из ближайших к тому годов, старец Серафим однажды обнаружил какое-то беспокойство, замеченное монахом. Он точно ожидал какого-то гостя, прибрал свою келью, собственноручно подмел ее веником. Действительно, под вечер в Саровскую пустынь прискакал на тройке военный и прошел в келью к старцу. Кто был этот военный, никому не известно: никто не предупреждал о приезде незнакомца. Между тем великий старец поспешил навстречу гостю на крыльцо, поклонился ему в ноги и приветствовал его словами: «Здравствуй, великий государь!» Затем взял приезжего за руку и повел в свою келью. Они пробыли там вдвоем в уединенной беседе часа два-три. Когда они вместе вышли из кельи и посетитель отошел уже от крыльца, старец сказал ему вслед:

— Сделай же, государь, так, как я тебе велел!

Этот легендарный случай абсолютно не противоречит характеру венценосца. Александр I не только любил таинственность, но и был приучен к тому обстоятельствами своей молодости, когда ему одновременно приходилось общаться в двух различных обществах: в изысканном, остроумном, интригующем обществе бабушки Екатерины II, собиравшемся в Эрмитаже, и в Гатчинском дворце отца Павла I, который образовал там собственный двор, будучи в постоянной конфронтации с Екатериной.

Александр I вообще любил беседы со знаменитыми старцами. Он был у известного наместника Киева-Печерской лавры Антония. В Киеве же ночью царь посетил слепого, прозорливого старца Вассиана, который сразу назвал его по имени. Перед последним отъездом из Петербурга он беседовал со схимником Алексеем, жившим в Александро-Невской лавре.

В числе посетителей, упоминаемых в жизнеописаниях отца Серафима, находим довольно имен русской знати, некоторые из которых были на виду, другие, живя в поместьях, тем не менее имели связи, друзей или родных при дворе. Вопрос о том, каким образом Александр I мог узнать о старце Серафиме, проживающем в глухой, отдаленной пустыни, не кажется неразрешимым. Флигель-адъютант государя Михайловский-Данилевский имел имение неподалеку от Сарова в Пензенской губернии. Родственники его жены часто ездили в Саров, а впоследствии и дети Данилевского. Паломничали в Саров и Дивеево представители известнейших родов, таких, как

Голицыны, Енгалычевы, Ладыженские, Татищевы, Корсаковы, Извольские, Сипягины, Колычевы, Чемодановы, Муравьевы, Еропкины и многие другие.

Весть о дивном старце очень скоро разнеслась по всей России. В Саров ежедневно прибывало до двух тысяч человек в ожидании утешительного и прозорливого совета старца. Отец Серафим хоть и ослабил затвор, но полностью его не отменил. До 1825 года он никуда не выходил и принимал посетителей в своей монастырской келье. Сколько бы жаждущих ни приходило, старец никогда не тяготился количеством посещений. В кратких словах он объяснял каждому то, что ему именно было благопотребно, открывая часто самые сокровенные мысли обращавшихся к нему. Его любовь с такой силой грела всякого, что от ее воздействия плакали люди с самым твердым и огрубелым сердцем.

Однажды приехал в Саров заслуженный генерал-лейтенант Л. Целью его приезда было лишь праздное любопытство — много слышал о Сарове. Осмотрев монастырские здания, келью старца издалека, генерал понял, что удовлетворил свое любопытство, и решил уехать, не получив для души своей никакой пользы. Однако на подворье он встретился с помещиком А. Н. Прокудиным, который с большим трудом уговорил его все же зайти к старцу Серафиму.

Как только они переступили порог его кельи, увидели батюшку, спешащего им навстречу и кланяющегося генералу в ноги. Такое смирение поразило посетителя. Прокудин тихо вышел из кельи в сени, и генерал, украшенный орденами, около получаса беседовал с затворником. Затем из кельи послышался плач: плакал генерал, точно малое дите. Через некоторое время раскрылась дверь, и отец Серафим вывел генерала под руки: он продолжал плакать, закрыв лицо руками. Ордена и фуражка были забыты им от горести у старца. Ордена свалились с генерала во время беседы сами собой. Отец Серафим вынес ордена, надел фуражку, тихо сказал: «Это случилось потому, что ты получил их незаслуженно».

Впоследствии этот генерал многим рассказывал, что он прошел всю Европу, знает множество разных людей, но первый раз увидел такое смирение, с каким встретил его саровский затворник. И еще он говорил, что никогда не встречал такой прозорливости, старец раскрыл перед ним его жизнь до самых тайных подробностей.

Стоит ли после этого удивляться легенде о Федоре Кузьмиче. И Александру I старец мог открыть все тайные движения души императора и с властной, от Бога данной силой благословить прославленного царя на подвиг уничижения ради покаянных

трудов.

Какую жизнь прожил отец Серафим и за что был дан ему дар прозорливости?

Дар прозорливости — дар Сверхъестественный. И открывается он в человеке после величайших испытаний и искушений.

Вся жизнь старца Серафима, Саровского чудотворца, была преодолением своих человеческих немощей и слабостей. И в этом воля монаха-священ-ника была непреклонна. События всей его многотрудной жизни красноречиво свидетельствуют об этом.

ЖИТИЕ И ЧУДОТВОРЕНИЯ «УБОГОГО» СЕРАФИМА

«Этот нашего рода…»

Родиной великого старца был древний город Курск. Родился он в семье богатого и именитого купца Исидора Мошнина, имевшего кирпичные заводы и бравшего подряды на постройку каменных зданий, церквей и домов.

Главное его сооружение в Курске — воздвигнутый по плану знаменитого архитектора Растрелли храм во имя преподобного Сергия Радонежского. В 1762 году нижняя церковь с престолом была довершена, и в тот же год Исидор Мошнин скончался, передав все свои дела умной, распорядительной жене Агафье. Особенная черта ее, которая впоследствии отличала и великого сына, — милосердие. Она любила раздавать щедрую милостыню, особенно же по сердцу ей было заниматься судьбой девочек-сирот. Она готовила им приданое и выдавала замуж. Еще лет пятнадцать после смерти мужа Агафья вела строительство Сергиевой церкви и довела дело до конца. Все было исполнено так добросовестно, что и спустя сто лет позолота сохраняла первозданную свою свежесть. Семейство Мошниных приобрело особое уважение у жителей Курска.

Отец Серафим родился 19 июля 1759 года. Он был вторым сыном у Агафьи и Исидора и назван Прохором в честь апостола Прохора (день памяти которого 28 июля). Когда умер отец, Прохору было три года, поэтому несомненно, что своим воспитанием он целиком обязан матери. Она учила его более всего примером своей жизни, проходившей в молитве, посещении храмов и помощи бедным.

Однажды, когда Прохору было семь лет, Агафья взяла его с собой осматривать строительство церкви. Незаметно дошли до самого верха незаконченной в ту пору колокольни. Отойдя от матери, быстрый мальчик неосторожно перевесился за перила и упал на землю. Мать в ужасе сбежала вниз, но, к несказанной радости и великому своему удивлению, она увидела сына веселым, стоящим на ногах как ни в чем не бывало. Отслужили благодарственный молебен. Многим после этого случая запало в душу, что Прохор Мошнин охраняется особым Промыслом Божиим.

Прохор отличался крепким телосложением, острым умом,

прекрасной памятью и в то же время был кротким и послушным. Когда его начали учить грамоте, он принялся за дело с большой охотой, стал быстро успевать в учении, как вдруг его сразил тяжелый недуг. Домашние уже не надеялись на выздоровление. Помощь пришла неожиданно. Прохору явилась во сне Богородица и обещала исцелить его.

Вскоре из Знаменского монастыря в Коренную пустынь был крестный ход с чудотворной Курской-Коренной иконой Знамения (вспомните знаменитую картину И. Репина «Крестный ход в Курской губернии»). Шествие, застигнутое сильным ливнем, свернуло во двор Мошниных. Агафья воспользовалась этим и поднесла больного Прохора к иконе. Заметили, что с того случая Прохор стал быстро поправляться и вскоре выздоровел совсем.

По воспоминаниям, это произошло, когда Прохору было около десяти лет. В таком случае, следуя уже официальным документам, можно точно назвать дату этого крестного хода и привести в дополнение к чуду исцеления новую подробность.

Интересующий нас крестный ход состоялся в десятую пятницу после Пасхи 1767 года. Именно тогда в Коренной пустыни произошла публичная ссора представителей Знаменского и Коренного монастырей, связанная, как утверждают документы, с вопросом о доходах крестного хода. Дело быстро дошло до правительства. Обер-прокурором Синода тогда был протестант И. Мелиссино (1763–1768), не скрывавший своей враждебности к православию.

Злополучная ссора стала удобным предлогом, чтобы добиться «высочайшего» запрещения крестных ходов с Курской-Коренной иконой. С того времени крестные ходы прекратились до 1791 года, когда вновь были разрешены по ходатайству жителей Курска. Так что Прохор, как оказалось, получил исцеление при последнем крестном ходе с Курской-Коренной иконой перед самым запрещением ходов почти на четверть века.

Мальчик рос отнюдь не замкнутым, у него было много друзей. Прохор любил читать сверстникам вслух духовные книги и вести с ними беседы религиозного характера.

Старший брат Прохора, Алексей, занимался торговлей разным деревенским товаром: ремнями, дегтем, бечевками, дугами, шлеями, лаптями, железом. У него была своя лавка в Курске, и Прохора приучали торговать в этой лавке. Но к торговле не лежало его сердце. До этого он ежедневно ходил и к обедне, и к вечерне. Из-за работы в лавке приходилось по необходимости пропускать службы, и Прохор поднимался до света, чтобы отстоять заутреню. Он воодушевил «монашеским» настроением нескольких своих товарищей, и они сговорились

вместе отправиться к киевским святыням, а потом принять постриг.

В то время в Курске жил Христа ради юродивый, имя которого теперь забыто, но тогда все его чтили. Прохор всем сердцем привязался к юродивому прозорливцу. Тот в свою очередь полюбил отрока и своим влиянием еще более расположил его душу к благочестию и уединенной жизни.

Боясь огорчить мать, Прохор все же старался узнать, пустит ли она его в монастырь. Умная молитвенница-мать, приглядываясь к жизни сына, понимала, что мальчик ее — не жилец в мире, иная ждет его доля.

Отношение Агафьи Мошниной к своему сыну было полной противоположностью отношениям между преподобным Феодосием Киево-Печерским и его матерью. Та по-своему любила Феодосия, но всячески старалась удержать сына в миру и крайне недоброжелательно относилась к детским попыткам подвижничества. Она жестоко наказала сына, когда увидела на его теле вериги, избила и заковала цепями. Тогда он тайком ушел из дома со странниками, а она догнала и вернула домой. Даже из Киево-Печерского монастыря, когда после долгих поисков мать все-таки нашла Феодосия, она старалась вернуть его в мир — угрозами, упреками и мольбами.

Сохранилось воспоминание о том, как простился с матерью Прохор. Сперва, по русскому обычаю, все посидели. Потом Прохор встал, помолился Богу, поклонился матери в ноги. Она дала ему приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, благословила его большим медным крестом. Этот крест старец Серафим хранил всю свою жизнь как величайшую святыню, нося его поверх одежды открыто на груди.

Заранее было взято Прохором для пострижения в монастырь увольнение от курского градского общества. Оставалось только решить, куда идти. Саровская пустынь нравилась Прохору потому, что славилась истинной иноческой жизнью, тем более что там было уже много курян, а настоятельствовал отец Пахомий, курский уроженец, бывший строитель и хороший знакомый родителей Мошниных.

Но Прохору хотелось проверить свое решение советами людей опытных и духовных. И он надумал идти в Киев, чтобы посмотреть на труды киево-печерских иноков, испросить наставления и советы от тамошних старцев, утвердиться в своих мыслях, помолиться у святых мощей преподобных Антония и Феодосия (того самого, которого мать не пускала в Киево-Печерскую лавру, ставшего впоследствии вместе с Антонием основателем русского монашества в XI веке).

Вместе с Прохором отправились в Киев еще пять человек из купеческих детей. Шли пешком, по обычаю, с посохом в руках и котомкой за плечами. На месте прослышали, что недалеко от лавры, в Китаевской обители, подвизается схимонах старец Досифей, имеющий дар прозорливости. Прохор пришел к нему, открыл всю свою душу и, став перед ним на колени, умолял старца указать место, где он должен поселиться.

Уразумев намерения юноши и провидев в нем доброго подвижника Христова, Досифей прямо указал на Саровскую пустынь такими словами: «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие будет тебе во спасение с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твое. Только старайся стяжать непрестанное призывание имени Божия так: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!» В этом будет все твое внимание и обучение… В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни. Он последователь наших Антония и Феодосия».

После этого паломничества Прохор вернулся в Курск и прожил там еще около двух лет, даже ходил в лавку. Но торговлей уже не занимался, а вел духовные беседы, потому что многие стали приходить, чтобы поговорить о монастырях и о тех святынях, которые видел в Киеве молодой годами, но не разумом паломник.

Странным на первый взгляд могло показаться это двухлетнее пребывание Прохора в Курске, ведь он так стремился к иноческому житию. Благословения матери и старца были получены, а он чего-то ждал… Все разъяснится, если обратиться к документам. 22 октября 1778 года, на «Казанскую» произошло освящение верхнего храма, а 20 ноября Прохор прибыл в Саров. Стало быть, он ожидал завершения святого дела своей семьи: окончания строительства Сергиево-Казанского Курского храма. Прохор не хотел уйти, не помолившись в новом соборе.

Очень скоро после этого события род Мошниных по прямой линии прервался. У старшего брата Алексея Мошнина было два сына. Первенец Иван умер двадцати лет от роду в 1800 году. В том же году умерла и его бабка Агафья, в 72 года. Второй сын Семен имел двух дочек Пелагею и Екатерину и сына, умершего в годовалом возрасте. У Прохора был еще родной дядя Антон Мошнин, а у того — сын Петр (двоюродный брат Прохора), но у Петра детей не было.

Поучительны судьбы Пелагеи и Екатерины Мошниных. Они замуж не выходили, а ушли по прошествии времени в Дивеевский монастырь, взлелеенный их двоюродным дедом преподобным Серафимом Саровским.

Из преуспевающих купцов Мошнины превратились в беднеющих мещан после окончания строительства собора в Курске. Семен Алексеевич Мошнин умер на квартире дальнего родственника, у которого жил после того, как пришлось продать все имущество. Недолгий род Мошниных словно только для того и появился на свет, чтобы построить величественный храм и воспитать великого подвижника благочестия.

Итак, накануне праздника Введения Прохор Мошнин вступил в Саровскую обитель. Всенощное бдение, благоговение братии с первого же раза произвели на него сильнейшее впечатление. Настоятель обители, отец Пахомий, ласково принял юношу и поручил его казначею иеромонаху Иосифу, слывшему мудрым старцем. Поначалу послушник Прохор был келейником у него и с точностью исполнял все монашеские правила и уставы по его указанию. В келье он всегда служил не только безропотно, но и с усердием.

Такое смиренное поведение обратило на себя всеобщее внимание и приобрело ему расположение старцев Иосифа и Пахомия. Кроме келейного ему стали назначать послушания по порядку: в хлебне, просфорне, столярне. В ней он долгое время был будильщиком, то есть вставал ранее всех и будил братию. Постоянной деятельностью Прохор старался предохранить себя от скуки, уныния и печали — главных искусителей монахов.

До своего пострижения юный Прохор ежедневно в определенные часы приходил в церковь, стараясь быть там раньше всех, неподвижно, всегда на одном месте и до самого конца выстаивал все богослужение, глядя в пол, чтобы избежать рассеянности. В своей келье послушник упражнялся в чтении и физическом труде. Евангелие и Послания апостолов он читал всегда стоя. Из духовных книг любил читать: «Шестоднев» святого Василия Великого, «Беседы» святого Макария Великого, «Лествицу» преподобного Иоанна Лествичника, «Добротолюбие».

В часы отдыха Прохор искусно вырезал из кипарисного дерева крестики для раздачи богомольцам. Он вообще отличался большим искусством в столярном деле, поэтому получил прозвище Прохор-столяр. Участвовал он также и в общих трудах-послушаниях братии, состоявших в сплаве леса, в заготовке дров.

Узнал Прохор, что в Саровских лесах живут в отшельничестве несколько монахов. По их примеру и он стал в свободные часы укрываться в лесу для уединенной молитвы. Созерцание дивной природы наполняло его сердце любовью к ее Творцу. Кроме уединенной молитвы Прохор принял еще подвиг — усиленный пост. По средам и пятницам он вообще ничего не вкушал, в другие дни недели принимал пищу только раз в день.

Восемь лет прожил Прохор послушником. Несмотря на строгое воздержание и пост, у него в это время было полное белое лицо, выразительные и проницательные голубые глаза, прямой и острый нос, густые брови и густые светло-русые волосы, окладистая борода и усы, высокий рост в два аршина и восемь вершков (около 178 см). Он отличался огромной физической силой. Портрет Прохора, по описаниям современников, был очень привлекательным. Если добавить сюда свойства его натуры: смирение, счастливую память и способность вести увлекательную беседу, — то с несомненностью можно предположить, что сам облик будущего преподобного не мог не располагать к себе всякого.

Уже во время своего послушничества Прохор сумел преодолеть тяжелейшее испытание и был награжден сполна… В 1780 году он тяжко заболел, все тело его распухло. Ни один врач не смог определить болезнь. Недуг длился около трех лет, из которых не менее половины Прохор провел в постели. Тут открылось, каким уважением и любовью он уже пользовался в обители. За ним, простым послушником, ухаживал сам настоятель отец Пахомий и другие старшие иноки.

Больному становилось все хуже и хуже, и отец Пахомий настойчиво предлагал обратиться к врачу или хотя бы пустить кровь. Прохор решительно ответил: «Я предал себя, святый отче, истинному врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери. Если же любовь ваша рассудит, снабдите меня духовным врачевством». После этого старец Иосиф отслужил об исцелении болящего особо всенощную и литургию; братия с усердием стали молиться за него. Прохор, наконец, начал поправляться.

Много лет спустя старец Серафим рассказывал одной дивеевской инокине, что тогда, в болезни, после причащения Святых Тайн, явилась ему в несказанном свете Пресвятая Богородица с апостолами Иоанном Богословом и Петром. Указывая на Прохора, Богородица сказала: «Этот нашего рода». Потом Она возложила на голову Прохора правую руку и жезлом, который держала в левой руке, коснулась больного. У него на правом бедре образовалось углубление, из которого вся вода из тела и вышла. Это углубление — величиной с кулак — так и осталось на бедре старца Серафима до самой смерти.

Та келья, в которой произошло чудесное исцеление Прохора, вскоре была снесена, и на месте ее воздвигли больницу с двухэтажной церковью в честь преподобных Зосимы и Савватия Соловецких и Преображения Господня. Выздоровевший послушник отправился за сбором пожертвований на украшение

этой церкви.

Странствуя по ближайшим к Сарову городам, Прохор был и в Курске, посещал родных. Его старший брат Алексей сделал взнос в числе прочих купцов. Мать Агафья Фотиевна радостно встречала сына, которого и не чаяла уже увидеть живым. Но Прохор заговорил о смерти. Он сказал брату: *«Знай, когда я умру, и твоя кончина вскоре последует».* Так и случилось. В 1833 году Алексей Мошнин внезапно занемог. Когда из Сарова пришло сообщение о блаженной кончине младшего брата (2 января 1833 г.) и был получен его портрет, Алексей почувствовал, что пришел и его черед. Его пособоровали, после чего он мирно скончался.

13 августа 1786 года с соизволения Священного Синода отец Пахомий постриг послушника Прохора в сан инока. При посвящении ему дано было новое имя — Серафим. Через год монах Серафим был рукоположен в иеродиакона. С этого дня, храня чистоту души и тела, в течение почти шести лет беспрерывно находился в служении. Все ночи на воскресные и праздничные дни он проводил в бодрствовании и молитве — до самой литургии. После нее еще долго оставался в храме, потому что по обязанности священнодиакона должен был приводить в порядок утварь и заботиться о чистоте алтаря. Господь, видя ревность и усердие инока к подвигам, даровал ему силу и крепость, так что он совершенно не чувствовал утомления, не нуждался в отдыхе, часто забывал о пище и питье и, ложась спать, жалел, что человек, подобно ангелам, не может беспрерывно служить Богу.

Настоятель отец Пахомий еще более привязался сердцем к Серафиму и без него не совершал почти ни одной службы. Когда он выезжал из обители по делам или для служения, то обыкновенно брал его с собой.

Это дало случай отцу Серафиму познакомиться с великой подвижницей и принять от нее дело, которое впоследствии так изумительно разрослось через него. Речь идет о Дивеевской общине.

«Дивеевские сироты»

Основательницей Дивеевской общины была Агафья Семеновна Мельгунова. Имя ее и доныне чтится в Серафимо-Дивеевском монастыре, который находится в Нижегородской области. *Отец Серафим еще полтора века назад предсказал, что мощи ее будут почивать открыто и станет она одной из четырех*

святых Дивеевской женской лавры…

Урожденная дворянка, богатейшая помещица Ярославской, Владимирской и Рязанской губерний, осталась молодой вдовой после смерти своего мужа-полковника. После этого она прибыла в Киев с трехлетней дочерью, решив посвятить свою дальнейшую жизнь Богу. Во Флоровском монастыре она приняла постриг под именем Александры. Но подвижническая жизнь ее в этом монастыре продолжалась недолго. Однажды после продолжительного молитвенного бдения она сподобилась видеть Богородицу, которая повелела Александре идти на Север России и обходить все великорусские обители во имя Божией Матери, обещая указать место, где монахиня «окончит богоугодную жизнь свою».

Не сохранилось сведений, в каких местах странствовала матушка Александра, но в 1760 году она шла из Мурома в Саровскую пустынь. Не доходя до нее двенадцати верст, остановилась в селе Дивееве, избрав местом отдыха лужайку у стены небольшой деревянной церкви. Усталая, она уснула и в легкой дреме снова сподобилась видеть и слышать Богородицу:

«Вот то самое место, которое Я повелела искать тебе на Севере России… Живи и угождай здесь Господу Богу до конца дней твоих, и Я всегда буду с тобою, и всегда буду посещать место это и в пределе твоего жительства Я осную здесь такую обитель Мою, равной которой не было, нет и не будет никогда во всем свете: это четвертый жребий Мой во вселенной»[3]…

Когда видение окончилось, мать Александра проснулась, оглядела местность, начала молиться с горячими слезами и еле пришла в себя. Она дошла до Саровской пустыни в большой радости, потому что этот монастырь имел тогда великую славу.

Множество подвижников, постников, пещерников, старцев и затворников отличались в нем святостью своей жизни. Они могли помочь ей советами и наставлениями.

Общежительная Саровская пустынь произвела на матушку Александру сильное впечатление. Ничего подобного она не видела во всей России — монастырь стоял среди дремучего леса, на горе, омываемой с трех сторон речками Сатис и Саровкою. Это была настоящая пустынь, уединенная от людских жилищ и успокаивающая каждого входящего.

Основание Саровской пустыни было положено в 1706 году на месте татарского города Сараклыч.

Задолго до основания монастыря происходили чудесные явления, свидетельствовавшие о будущей великой святости места. Например, по ночам иногда наблюдали, как с неба сходил необыкновенный свет, нередко слышали колокольный звон, хотя

вся окрестность была покрыта густым непроходимым лесом.

Быт в пустыни был суровый; все нужное для жизни приобреталось трудами братии. Сами возделывали землю, сеяли хлеб, мололи на жерновах муку, занимались токарным и столярным делом, шили одежду, плели лапти. Зимой носили нагольные тулупы, летом — балахоны из сурового холста. Единственным лакомством братии долгие десятилетия служил настой из малины и мяты с медом.

Не имея еще святынь, кроме чудотворной иконы «Живоносный источник», Саров тем не менее очень скоро стал целью богомолий: народ шел полюбоваться красотой храмов его, насладиться стройным монашеским пением, получить наставления у старцев.

Матушка Александра застала в Саровской пустыни уже шестого от основания строителя, иеромонаха Ефрема. Старцы благословили ее поселиться не в самом Дивееве, а в двух верстах от него, в деревне Осиновке. Дивеево тогда было неподходящим местом для монахини, ищущей молитвенного покоя. Оно было слишком шумным из-за большого стечения рабочих на железнорудных заводах. Ссоры, драки, разбои случались очень часто.

Через три года в Осиновке скоропостижно умерла десятилетняя дочка матушки Александры. Порвалось последнее звено, связывавшее ее с миром. Тогда, по благословению саровских старцев, она решила действительно отказаться от всего имущества и окончательно распорядиться своим имением. Немало времени потребовалось ей для устройства дел. Она отпустила своих крестьян на волю за небольшую плату, а тех, которые не желали воли, продала за сходную и недорогую цену добрым помещикам, которых они сами себе выбрали.

Так матушка Александра совершенно освободилась от всех земных забот. Часть собранного капитала она вложила в различные монастыри и церкви на помин душ родителей, дочери и родных, часть ушла на обеспечение немалого количества сирот, вдов и нищих. На ее деньги было возобновлено и построено двенадцать новых церквей.

После возвращения она поселилась у дивеевского приходского священника, жившего с одной старухой женой. Матушка Александра выстроила себе келью на его дворе и прожила в ней двадцать лет, совершенно забыв свое происхождение и нежное воспитание. По своему смирению она не гнушалась самых трудных и черных работ: очищала хлев, ухаживала за скотиной, стирала белье, заготавливала дрова на зиму, жала хлеб в страдную пору.

В 1767 году матушка Александра приступила к строительству каменного храма в Дивееве во имя Казанской иконы Божией Матери — именно на том месте, где Она Сама явилась монахине. По окончании строительства церкви матушка Александра ездила в город Казань, где получила верный список с чудотворной и явленной Казанской Божией Матери. Из Москвы она привезла колокол весом семьдесят шесть пудов и всю необходимую утварь.

Милостыня матушки Александры была тайной, она всегда отказывалась, когда кто-нибудь «уличал» ее в благодеянии. Однако одно несомненное благодеяние она не могла скрыть. В 1775 году был страшный голод во всей округе. В Саровской пустыни игумен Ефрем кормил каждодневно по нескольку сот обнищавших и голодных. Матушка Александра привлекала к строительству Казанской церкви всех дивеевских и даже малолетним детям платила по пять копеек ежедневно. Таким образом местности удалось пережить голод, хотя кругом вымерли целые деревни.

Мать Александра провела всю свою жизнь в таких великих трудах и подвигах, что исполнилась благодатных даров прозорливости и духовного рассуждения. Она была так умна и образованна, как редко бывает образован мужчина, а все уставы и положения церковные знала так, что во всех наиважнейших случаях к ней обращались за разъяснениями. Со всех сторон к матушке стекалось множество народу — не только простого звания, но и высокопоставленные лица, купечество и даже духовенство, чтобы послушать ее наставления, получить благословение, совет и удостоиться ее привета. Если матушка соглашалась быть распорядительницей какого-либо особо важного церковного торжества, это считалось величайшей честью.

Духовниками великой старицы были казначей отец Исайя и отец Пахомий, седьмой строитель Саровской пустыни, принявший в обитель юного послушника Серафима. Отец Пахомий был особенно близок по духу матушке Александре. Однако, познакомившись с Прохором, она прозрела в нем будущего великого подвижника. И, несмотря на свой богатый житейский и духовный опыт, стала обращаться за советами к молодому годами монаху, чувствуя, что именно он в конце концов возьмет на себя труд духовного окормления только что родившейся Дивеевской общины.

Только за полгода до своей смерти матушка Александра решилась устроить общину. Одна из помещиц, узнав о предсказании о женской лавре в Дивееве, пожертвовала матери Александре 1300 квадратных сажен земли рядом с церковью. Та построила на этой земле три кельи и оградила пространство

деревянной оградой. Одну келью она заняла сама, другую предназначила для трех послушниц, третью предоставила для отдыха странников, идущих через Дивеево в Саров. Благодатное зерно было брошено…

Так случилось, что в июне 1789 года отец Пахомий с тридцатилетним отцом Серафимом отправились на похороны своего богатого благодетеля, а по дороге остановились в Дивееве, чтобы проведать матушку Александру. Она попросила приехавших пособоровать ее. Те отговаривались, что сделают это на обратном пути. Старица сказала, что на обратном пути они уже не застанут ее в живых, потому что она получила извещение от Господа о своей скорой кончине. Священники, не усомнившись в таком печальном пророчестве, пособоровали матушку Александру, и та передала отцу Пахомию, своему духовнику, последнее, что осталось у нее от огромного ранее капитала — мешочек с золотом, мешочек с серебром и два мешка меди, всего около сорока тысяч, прося выдавать ее сестрам все потребное в жизни. Матушка Александра умоляла отца Пахомия не покидать неопытных послушниц ее, а также не оставить своим попечением в будущем той обители, которая должна была возникнуть из Дивеевской общины. На это старец отвечал так:

«Матушка! Послужить по силе моей попечением о твоих послушницах не отрекаюсь; также и молиться за тебя и вся обитель будет, не забывая твоих к нам благодеяний. Впрочем, не даю слово, ибо я стар и слаб; как же и браться за дело, не зная, доживу ли я до того времени. А вот иеродиакон Серафим — духовность его тебе известна, и он молод — доживет до этого: ему и поручи это великое дело».

Старцы простились, уехали, а матушка Александра скончалась 13 июня. Отец Пахомий с братией как раз успел к ее погребению на обратном пути. Первоначальницу Дивеевской общины похоронили против алтаря Казанской церкви. Весь тот день шел проливной дождь, так что ни на ком и нитки сухой не осталось. Но отец Серафим даже не остался в женской обители обедать по своему целомудрию и тотчас после погребения ушел пешком в Саров.

Семь лет отец Серафим находился в чине иеродиакона — монаха-дьякона. Проходя это служение, он удостоился великих откровений. По временам на церковных службах он видел ангелов, сослуживших братии и воспевающих гимны. Ангелы имели образ молниеобразных юношей, облаченных в белые, златотканые одежды. А то, как они пели, по словам отца Серафима, невозможно было уподобить никакой гармонии на земле, выразить никакими словами. Вспоминая об этом, отец

Серафим говорил с умилением: «Было сердце мое, как тающий воск от неизреченной радости».

Особо великого откровения удостоился он в один Великий четверг на Страстной неделе, совершая литургию с отцом Пахомием. Когда иеродиакон Серафим возгласил: «Господи, спаси благочестивые и услышины» и, обратившись к народу, дал знак орарем[4], он вдруг весь изменился, не мог сойти с места и вымолвить ни слова. Служащие поняли, что ему было видение. Его ввели под руки в алтарь, где он простоял три часа, то весь разгораясь лицом, то бледнея, все еще не в состоянии говорить. Когда он пришел в себя, то рассказал старцам и наставникам, что он видел Господа Иисуса Христа — во славе, сияющего неизреченным светом, окруженного небесными ангелами, архангелами, херувимами и серафимами, как роем пчелиным. Господь был как бы стоящим на воздухе. Он благословил всех предстоящих и служащих и, вступив в местный образ свой — икону Спасителя, преобразился. Иеродиакон Серафим удостоился от Него особого благословения.

После этого случая он еще более стал искать уединения. Вечером уходил в свою лесную келейку и, проведя всю ночь в молитве, к утру возвращался в Саров.

В 1793 году отцу Серафиму исполнилось 34 года, и начальство, видя, что он по своим подвигам стал выше других братий и заслуживает преимущества перед многими, ходатайствовало о возведении его в сан иеромонаха (священника-монаха). 2 сентября в Тамбове состоялось рукоположение.

Сделавшись иеромонахом, отец Серафим возымел намерение совсем поселиться в пустынной келье. Такая жизнь считается одной из высших ступеней на пути восхождения человека к Богу. Это ничем не отвлекаемое, полное погружение человека в думу о Боге и постоянное молитвенное собеседование с Ним, ничем не ослабляемый порыв души в Вечность.

Из за непрестанного стояния в церкви с небо льшим отдыхом только во время ночи отец Серафим впал в недуг. У него распухли ноги и открылись раны на них, так что на некоторое время он даже лишился возможности священнодействовать. Болезнь эта стала видимой причиной к избранию пустыннического жития, хотя для отдыха ему следовало бы просить у настоятеля благословения удалиться в больничные кельи, а не в пустынь. Отец Серафим жаждал еще более тяжелейших трудов ради Бога.

Великий старец Пахомий благословил его. Это было последнее благословение, полученное отцом Серафимом от мудрого, добродетельного и почтенного старца, который заболел

смертельной болезнью. Отец Серафим, памятуя, как во время его болезни старец ходил за ним, сам стал с великим самоотвержением служить любимому наставнику. Заметив, что к тяжелому недугу примешивается еще какая-то душевная забота, отец Серафим начал допытываться:

— О чем, отче святый, так печалишься?

— Я скорблю о сестрах Дивеевской общины, — ответил старец. — Кто о них будет заботиться после меня?

В то время Дивеевскую общинку и общиной-то назвать было трудно. Несколько послушниц жили в одном доме, молились, трудились, чтили память матушки Александры. Сколько таких общинок возникало повсюду, а потом распадалось с годами. Нужно было поистине провидеть, что основанное матушкой Александрой дело стоит на твердом основании, а не на песке… Отцу Серафиму предстояло пробыть долгие годы в отшельничестве, затворе и молчальничестве. И тем не менее он пообещал старцу, что не оставит дивеевских сестер, которых называл всю жизнь дивеевскими сиротами.

Отец Серафим горько оплакал потерю старца Пахомия и с благословения нового, восьмого по счету настоятеля, также горячо любимого им отца Исайи, удалился в пустынную келью 20 ноября 1794 года — в день поступления ровно 16 лет назад в Саровскую пустынь.

Лесные подвиги. Саровский Афон

Келья, или так называемая пустынька, отца Серафима находилась в дремучем сосновом лесу, на берегу речки Саровки, на холме, в пяти верстах от монастыря. Она состояла из избушки, в которой была одна комната с печкой, маленькие сени и крылечко. Вокруг пустыньки отец Серафим устроил себе небольшой огород и обнес все занимаемое пространство забором. Одно время он имел даже пчельник, дававший ему вкуснейший мед.

На половине пути от пустыньки к монастырю жили другие отшельники в уединенных избушках: игумен Назарий, иеромонах Дорофей, схимонах Марк. Вся эта обстановка напоминала собой Афонскую гору в Греции (второй жребий Богородицы), состоящую из разных возвышений, усеянных лесом, монастырями и кельями отшельников. Отец Серафим и назвал свой пустынный холм Афоном, а другие места в лесу именами разных святых мест: Назаретом, Иерусалимом, Вифлеемом. Была у него гора Фавор, Кедрский поток, река Иордан и пр.

Несмотря на удаление отца Серафима в пустыньку, о нем уже прослышали в окрестностях как о монахе святой жизни. Народ стал беспокоить отшельника. Приходили и женщины. Великий подвижник, начиная свою строгую уединенную жизнь, счел неудобным для себя посещение женским полом. Это легко могло соблазнить и самих монашествующих, и мирян, склонных к злоречию и осуждению, — ведь ему было только 35 лет. С другой стороны, рассуждал отец Серафим, лишить женщин Духовного назидания, ради которого они и приходили к пустыннику, могло быть делом, не угодным Богу.

Отшельник стал молиться Господу, чтобы получить знамение преклонением ветвей, если женщин нельзя принимать. На праздник Рождества Христова он ходил в монастырь, на обедне причастился и к ночи вернулся к себе. На следующий день он снова пошел в монастырь и увидел, что вдоль тропинки с обеих сторон огромные сучья вековых сосен склонились до земли и даже завалили дорожку. Вечером накануне ничего подобного не было. Отец Серафим упал на колени и слезно благодарил Бога за данное, по молитве его, знамение.

Кое-как выбравшись из завала, отец Серафим поспешил в монастырь, едва поспел к Литургии и зашел в алтарь. Служил отец Исайя. Сразу после Херувимской, в самый важный момент службы, отец Серафим благоговейно приблизился к престолу и сказал отцу Исайе:

— Батюшка, отец настоятель! Благослови, чтобы на мою гору, на которой теперь живу, женам не было входа!

— В какое время и с каким вопросом подошел ты, отец Серафим… — укоризненно ответил отец Исайя.

— Теперь-то и благослови, батюшка!

— Как же я могу за пять верст смотреть, чтобы женам не было входа?

— Вы только благословите, батюшка, и никто из них не взойдет на мою гору.

Так и случилось — многие приметили, только о знамении узнали позже. Если отец Серафим встречался с кем-либо в лесу, то он смиренно кланялся и поспешно отходил в сторону. Но даже на не слыхавших слов его один вдохновенный вид подвижника в убогой одежде производил великое впечатление, трогал души, поучал, побуждал к добру.

В продолжение всего отшельничества отец Серафим постоянно носил одну и ту же одежду: белый полотняный балахон, кожаные рукавицы, кожаные бахилы — вроде чулок, поверх которых надевал лапти, на голове всегда была поношенная камилавка. На балахоне висел крест, тот самый,

которым благословила его родная мать, отпуская из дома, а за плечами висела сумка, в которой всегда лежало Евангелие.

В подражание древним святым отец Серафим носил вериги на обоих плечах, и к ним были привешены кресты — одни спереди по 20 фунтов (8 кг), другие сзади — по 8 фунтов (около 3 кг). Был еще железный пояс. Эту тяжесть будущий великий старец носил во все время своего пустынножительства. В морозы, чтобы железо не примерзло к телу, он накладывал на грудь тряпку, в баню не ходил никогда, но запах от него был чистый, как от младенца.

В холодную пору подвижник колол и рубил дрова, но иногда добровольно переносил мороз и холод. Летом он возделывал грядки на огороде и удабривал землю мхом, собирая его на болотах. Отец Серафим сажал семена лука, моркови, свеклы. Выращивал картофель. Телесный труд порождал в нем благодушное расположение души. Отец Серафим всегда работал с пением молитв, тропарей и канонов. Имея хорошую память, он заучил наизусть огромное множество церковных песнопений, которыми и услаждал свой слух.

Замечались иногда явления такого рода: во время занятий в огороде, или в пчельнике, или в лесу он вдруг на некоторое время прерывал работу. Руки его опускались, топор, нож или лопата падали на землю, глаза закрывались. Отец Серафим душой погружался в самого себя, умом и сердцем уходя на небо и витая в богосозерцании. Если кто-то случался при нем в это время, то благоговейно взирал на происходящее и отходил в сторону.

Молитвословия отца Серафима были весьма продолжительны, по строгому монашескому чину. При этом он читал много духовных книг для собственного назидания. Постоянным правилом его жизни в пустыни было прочитывать несколько глав Евангелия и Деяний апостольских, что будущий святой считал делом весьма важным в духовном совершенствовании христианина. Это он называл снабдением души и свои мысли о том изложил письменно. Там, в частности, говорится: «Душу снабдевать надобно словом Божиим: ибо

слово Божие есть хлеб ангельский, им же питаются души, Бога алчущие. Всего же более надо упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири… От чтения Св. Писания бывает просвещение в разуме, который от того изменяется изменением божественным. Надобно так обучить себя, чтобы ум как бы плавал в Законе Господнем, по руководству которого должно устроять и жизнь свою. Очень полезно заниматься чтением слова Божия в уединении и прочитать всю Библию разумно. За одно таковое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своей милостью, но исполнит его дара разумения. Когда

же человек снабдит душу свою словом Божиим, тогда исполнится разумением того, что есть добро и что есть зло»…

Все слова отца Серафима после долгого подвижничества и опытного испытания стали исполненными того самого *«духа* разумения», который исцелял, утешал, предсказывал. Как говорили древние святые отцы: «Без великих искушений не дается Богом великих дарований». Поэтому, несомненно, пророческий дар батюшки Серафима был от Бога. Мало кто из современных людей понимает, что дар частичного предузнавания будущего (он никогда не бывает полным) человек может получить и от беса, когда тот уловит его в гордыне. И тогда дар этот становится погибельным — и для самого обладателя, и для обманутых им вольно или невольно. Таких сейчас легион.

Чтобы хоть отчасти приоткрыть ту борьбу с бесами, которую вел подвижник во время своего духовного возрастания до истинной святости, опишем хотя бы некоторые из ужасных искушений отца Серафима. Такая борьба называется духовной бранью, она имеет свои законы, один из которых всегда предоставляет любому подвизающемуся множество опытов: чем ближе человек к Богу, тем сильнее на него брань, тем страшнее искушения и скорби. И когда человек молитвой, постом, силой крестного знамения и духовным мужеством преодолевает искушения, то наконец Господь дарует верующему настоящий мир душевный, который уже не омрачат никакие испытания, клевета, болезни.

Истинного подвижника можно узнать по его смирению — это тоже закон духовный брани. Таковой никогда и ни на что не гневается, не раздражается, никого не осуждает, все искушения принимает, как истинные врачевания от Бога. Таковой уже здесь, на земле, живет, как на небесах, и наслаждается таким покоем душевным, что невозможно и описать. Вот почему подвижники стремятся к дивному покою путем преодоления искушений. Это и есть стремление к святости. И когда человек достигает этого состояния, тогда Бог и открывает ему многоразличные дары — каждому свой. Истинный подвижник никогда не ставит целью получить этот дар. Он стремится лишь к одному — более полному общению с Богом.

Во время своих молений отец Серафим слышал страшный вой зверей, но никого вокруг не было. Однажды показалось, будто тысячи людей кричат и ломятся в дверь. Бесы выбили у двери косяк и бросили в келью огромный обрубок дерева, который потом с трудом могли вынести вон восемь человек. Иногда во время молитвы ему представлялось, что келья его разваливается начетверо и что со всех сторон с ревом к нему рвутся страшные

звери. Иногда он видел открытый гроб в воздухе, из которого вставал мертвец. Этим привидениям отец Серафим не поддавался, но прогонял их силою крестного знамения.

Бывало такое, что бесы, все более озлобляясь на подвижника, поднимали отца Серафима на воздух и с такой силой бросали его на пол, что не могло остаться ни одной целой кости, если бы не охраняла подвижника благодать Божия. Можно думать, что отец Серафим видел самих злых духов. На простосердечные вопросы некоторых мирян об этом батюшка отвечал: «Они гнусны. Как на свет ангела взглянуть грешному человеку невозможно, так и бесов видеть ужасно, потому что они очень уж гнусны».

Во всех искушениях и нападениях на отца Серафима диавол имел одну цель — удалить его из пустыни. Попытки оказались безуспешными, враг отступил, но в покое не оставил, придумывая новые козни…

Другие пустынножители имели при себе по одному ученику, которые и служили им. Отец Серафим жил в совершенном одиночестве. (Только представьте себе — в лесной чаще, населенной дикими зверями, без электричества и телефона — на дворе XVIII век.) Некоторые из саровской братии пытались сожительствовать с отцом Серафимом в пустыни и были приняты им, но ни один из них не смог вынести трудностей пустыннического жития, ни в ком не нашлось столько мужества и духовной крепости, чтобы стать подражателем подвигов старца и его учеником.

В начале своего поселения в пустыни отец Серафим питался хлебом, который он брал из монастыря на целую неделю. Из этой малой порции он уделял еще долю животным и птицам, приласканным старцем. Они любили его и приходили на место его молитвословий. Много раз видели, как он из рук кормил огромного медведя, свирепого на вид, но становившегося кротким, как ягненок, при виде старца. Потом отец Серафим отказался даже и от хлеба насущного, питался только овощами со своего огорода. Два с половиной года старец вообще не брал хлеба из обители.

Духовное начальство понимало, как полезно было бы для многих сделать такого мудрого подвижника, как отец Серафим, а в в о й (отцом) настоятелем в какой-нибудь обители. Открылась вакансия в Алатырском монастыре. Отца Серафима предназначили было туда настоятелем с возведением в сан архимандрита. Но он стал убедительно просить отклонить от него назначение. Настоятелю Исайе и всей братии было очень жаль отпускать отца Серафима, усердного молитвенника и мудрого наставника. К радости обеих сторон, другой старец

принял на себя тяжелое бремя настоятельства в чужом монастыре. Чуть позже предоставилась новая возможность сделать карьеру «по духовной линии», но батюшка наотрез отказался, и более ему того не предлагали.

12 сентября 1804 года подошли к старцу, рубившему дрова, три неизвестных крестьянина и дерзко потребовали от него денег, говоря, что «к тебе ходят мирские люди и деньги носят». Отец Серафим отвечал, что денег не берет. Не поверив ему, крестьяне напали на монаха. Один, кинувшись на него сзади, вдруг сам упал и оробел, но двое других не отступились. У отца Серафима в руках был топор, он был очень силен физически и вполне мог рассчитывать, что отобьется от злодеев. Подвижник уже замахнулся, но вспомнил слова Христовы: «Все, взявшие меч, от меча и погибнут». Тогда он опустил топор, сложил на груди крестообразно руки и сказал: «Делайте, что вам надобно».

Один из злодеев, схватив топор, обухом ударил страдальца по голове, так что у него из ушей и изо рта хлынула кровь, и старец упал в беспамятстве. Тогда крестьяне потащили его в келью, продолжая избивать, и даже хотели бросить в реку. Но когда увидели, что он точно мертвый, связали по рукам и ногам и бросили в сенях, а сами обшарили все углы в келье, сломали печь, надеясь отыскать деньги. Но ничего не нашли у старца: видели только святую икону и несколько картофелин. На разбойников вдруг напал страх, и они убежали.

Когда отец Серафим пришел в себя, то с невероятным трудом выпутался из веревок, помолился Богу об обидчиках и на другой день приплелся в монастырь в самом ужасном виде: волосы на голове и на бороде в запекшейся крови и грязи, выбито несколько зубов, череп проломлен, несколько ребер сломано, вся одежда в крови. Братия ужаснулась, но он никому ничего не стал рассказывать, кроме настоятеля и монастырского духовника.

Первые восемь дней страдания его были чрезвычайно сильны. Батюшка не мог ни есть, ни пить, ни на минуту забыться сном от нестерпимой боли. С минуты на минуту ожидали его смерти. На седьмой день болезни, не видя улучшения, настоятель послал за врачом в Арзамас. Приехали три врача и три фельдшера, осмотрели больного и были чрезвычайно удивлены, что старец еще жив при нескольких смертельных ранах. Они стали советоваться над постелью больного по-латыни, что предпринять.

Тем временем отец Серафим вдруг забылся во сне, и ему было новое видение. К его постели подошла окруженная славой в царской порфире Пресвятая Богородица с апостолами Петром и Иоанном Богословом. Она, обратясь Своим ликом в сторону врачей, произнесла: «Что вы трудитесь?» А затем, указывая

апостолам на подвижника, сказала, как это уже было: «Сей от рода нашего».

После видения старец отказался от помощи земных врачей, вверяя свое здоровье Врачу Небесному. Делать было нечего, — отца Серафима оставили в покое, уважая его терпение и удивляясь силе и крепости его веры. В течение четырех часов после благодатного посещения он пребывал в чрезвычайной духовной радости.

Потом успокоился, вошел в свое обычное состояние, почувствовав ощутимое облегчение от болезни. Батюшка встал с постели, к вечеру поел. С того дня он начал поправляться, но следы этого происшествия остались на нем навсегда. Еще раньше во время рубки леса батюшку придавило упавшим деревом, и если в молодости он был прямым и стройным, то теперь согнулся. От побоев же разбойников он еще больше сгорбился и не мог ходить иначе, как опираясь на палку или топорик. Так и изображается святой на некоторых иконах.

Обидчики подвижника были найдены. Ими оказались крепостные одного помещика из соседнего уезда. Отец Серафим просил настоятеля не преследовать их, о том же писал и помещику. Все настаивали на наказании. Тогда отец Серафим объявил, что в таком случае он оставит Саров и уйдет в другое место. Батюшка предоставил отмщение Господу. Гнев Божий действительно настиг крестьян. В скором времени огонь истребил их жилища. Тогда, раскаявшись, они пришли к отцу Серафиму и просили у него прощения.

Пробыв пять месяцев в монастыре, страдалец снова ушел в свою любимую пустыньку.

В 1807 году скончался второй со времени поступления отца Серафима в монастырь настоятель отец Исайя. Они были связаны истинно братской любовью и близки духом. Когда отец Исайя был бодр и здоров, то сам ходил в пустыньку к подвижнику, дорожа его беседами. В последний год настоятель по болезни сложил с себя звание, и по общему желанию братии жребий пал на отца Серафима. И на этот раз он отказался от предлагаемой чести. В настоятели был избран казначей Нифонт. А отец Исайя, доживая последние месяцы, не мог отказать себе в духовном утешении от беседы с отцом Серафимом, и братия возила его в тележке в пустынь к отшельнику.

Кончина отца Исайи тяжело отразилась на батюшке Серафиме. Три любимых старца, из которых отец Пахомий и отец Иосиф руководили его первыми иноческими шагами, лежали в могилах. Он сам уже прожил полвека. И новое поколение иноков не могло дать его привязчивой душе того, что давало общение с

тремя духоносными старцами. Как ни ограничивал отец Серафим своего общения с миром, но с уходом из жизни этих людей он точно осиротел.

Печаль души своей, которая не должна брать верха над человеком, отец Серафим решил смирить новым подвигом — молчальничеством. Он более не выходил из кельи, если кто-то навещал его. Встречаясь с кем-нибудь в лесу, падал лицом к земле и не вставал, пока не уходили от него, перестал даже ходить в монастырь по праздникам. Раз в неделю послушник приносил ему из Сарова пищу. Это было трудное послушание, особенно зимой, когда к келье батюшки дороги не было, приходилось брести по сугробам с тяжелой котомкой.

Но не было недовольных: взглянуть на молчальника почитали за честь. Послушник подходил к келье, произносил Иисусову молитву, а старец, отвечая про себя «аминь», отворял дверь сеней и ждал, опустив глаза в пол, когда пришедший выложит еду в специальный лоточек, на котором уже лежал или маленький кусочек хлеба, или щепотка капусты, обозначавшие то, что нужно принести в следующий раз. Послушник уходил, так и не услышав голоса старца.

Таково было внешнее выражение молчальничества. Значение же и сущность его состояли не в наружном удалении от общения, но в безмолвии ума, в отречении от всяких житейских помыслов для чистейшего посвящения себя Богу.

Подвиг молчальничества продолжался более трех лет. К нему отец Серафим присоединил и еще один из самых труднейших, на который и в древности решались весьма немногие подвижники и который казался невыносимо тяжек в последующие времена. То было столпничество.

На полпути от кельи к монастырю лежала громадная гранитная скала. На эту скалу отец Серафим стал восходить при наступлении всякой ночи. Он молился или на коленях, или стоя, воздев руки вверх и взывая словами мытаревой молитвы: «Боже, милостив буди мне, грешному!» В келье своей он поставил другой небольшой камень и в том же положении молился на нем весь день, сходя с него только для краткого отдыха и принятия пищи. В этом великом подвиге отец Серафим провел тысячу дней и тысячу ночей.

Чем вызван был такого рода подвиг? Подвижника стали одолевать хульные помыслы: худые мысли против тех святынь, которым он поклонялся с детства, которые вызывали страшное, томящее чувство, что Бога нет. Откуда сие? Может, вся предыдущая аскетическая жизнь была напрасна? Отнюдь нет.

Все кажется светлым, радостным, радужным в присутствии

любимого человека, все самое прекрасное без него представляется никчемным и ненужным. Те же ощущения переживает душа относительно Бога. Люди, живущие в Боге, всегда полны трепетного чувства Его вездеприсутствия, радуются Ему во всякую минуту своей жизни, — еще больше, чем радуется человек встрече с любимым в самые напряженные дни своей любви. Воспитать и развить в себе это реальное ощущение присутствия Божия составляет главнейшую задачу отрешившегося от мира сего.

Не был исключением и отец Серафим. Величайшие из подвижников переживали самую тяжелую борьбу в конце своего духовного подвига при восхождении на высочайшую ступень: по попущению Божию их начинала в сильной степени волновать мысленная брань — хульные помыслы против Бога. Преодолел это искушение великий старец Серафим Саровский тысячедневной молитвой на камне с воздетыми руками.

С тех пор начиналось ничем уже более не прерываемое, постоянное веселие духа. За периодом полной богооставленности — неизреченная вечная радость, не омрачаемая никакими искушениями и скорбями.

От стояния на камнях, от трудности этого молитвенного подвига в ногах снова появилась болезнь, которая до самой смерти не переставала мучить его. Подвиги сии он проводил в такой тайне, что ни одна душа человеческая не ведала о них и не догадывалась. Перед смертью, чтобы не остаться загадкой для людей, по примеру других подвижников, он в назидание слушателям рассказал и о своем трехлетнем столпничестве. При этом один из слушателей заметил, что подвиг этот выше сил человеческих. Старец ответил:

— Святой Симеон Столпник сорок семь лет стоял на столпе. А мои труды похожи ли на его подвиг?

Собеседник заметил, что старец, вероятно, в это время ощущал действие благодати.

— Да, иначе сил человеческих не хватило бы… Когда в сердце есть умиление, то и Бог бывает с нами.

Вообще же отец Серафим неохотно советовал другим поселяться в отшельнической келье, объясняя, что таковой должен быть как бы распятым на кресте; что в монастыре иноки борются со злыми силами — как с голубями, в пустыни же — как со львами. А потому, если и поддерживал чье-либо пустынножительство, то никого не благословлял уединяться одному, советовал проходить пустынные подвиги вдвоем или даже втроем. В доказательство приводил всегда слова из Екклесиаста (гл. 4): «Двоим лучше, нежели одному, потому что у

них есть доброе вознаграждение в труде их. Ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его. И если станет кто-либо преодолевать одного, то двое устоят против него. И нитка, втрое скрученная, не скоро порвется».

Тысячу раз стоит удивиться тому, какая сильная вера была у отца Серафима, если благодаря ей он преодолел наитруднейшие искушения. В награду за это Господь ниспослал ему дар прозорливости, действие которого обнаружилось первый раз именно в его пустыньке.

Саровские иноки рассказывали следующее. Один боголюбивый посетитель обители возгорелся желанием непременно стать монахом в Саровской пустыни. Какое-то время он жил в монастыре, приглядываясь к трудам монашествующих. Но, возвратясь домой, он увлекся мирской жизнью, потом вступил в брак и имел двоих детей. Совесть, однако, все время напоминала ему о его обетах. Этот человек снова прибыл в Саров как большой грешник, кланялся в ноги саровским старцам в церкви после богослужения, прося их обсудить его вину, дать совет и благословение на поступление в обитель. Один из старцев посоветовал ему обратиться к отцу Серафиму.

Приезжий отправился в пустыньку и увидел батюшку выходящим из кельи с заступом. Он бросился перед старцем на колени, умоляя дать совет в его душевном расстройстве. Отец Серафим, выслушав его длинную и горячую речь безмолвно, спросил: «Исполнишь ли ты по обету все иноческие правила?» Тот клялся до смерти быть верным исполнителем монастырских правил, жаждая, чтобы старец сейчас же наложил на него какую-либо епитимью.

Отец Серафим, провидя возможность исполнения обещания пришельцем, сказал: «Если ты точно по обету своему исполнишь все иноческие правила, то гряди с миром в путь твой». Затем он благословил этого человека и отпустил. Вскоре вдруг умерла его жена, а вслед за тем — дети. И не связанный более никакими житейскими узами, ушел он из мира, поступил в Саровскую пустынь, был пострижен в монашество и умер истинным иноком.

Возвращение в монастырь.

Начало старчества

Столпничество не было последним подвигом отца Серафима, и о нем еще ничего не знали. Молчальничество же его не всем

нравилось. Слабые роптали: зачем батюшка, наложив на себя молчание, лишает братию той духовной пользы, какую мог бы принести ей своими беседами. Кредо же отца Серафима было таково: «Святой Григорий Богослов рек: прекрасно богословствовать для Бога. Но лучше сего, если человек себя очищает для Бога».

Трудно понять это современному русскому человеку, почти на целое столетие отвергшего Бога и церковь Его. Иному покажется, что и десятой доли подвигов отца Серафима хватило бы для «полного и окончательного» очищения души. Но не так происходит все в жизни духовной, как видится из мира. Нет конца духовному совершенствованию человека, и вся проблема в том, сколько человек может вместить. Священники говорят, что душа грешного человека похожа на кусок черной материи. На нее какое пятно ни поставь — незаметно. Душа же праведного становится после многочисленных и многообразных трудов покаяния светлой материей, способной лицезреть Самого Господа. На светлой материи любая пылинка видна. Чтобы ее сдуть, еще и еще нужно потрудиться.

Сам отец Серафим, по своему глубокому смирению, не только не причислял себя к праведникам, но, часто размышляя у своего гроба в сенях о загробной жизни, плакал, потому что земной путь его казался великому подвижнику несовершенным.

В конце 1832 года, перед самой кончиной старца, кто-то из иноков спросил:

— Почему, батюшка, мы не имеем строгой жизни древних подвижников?

На это старец дал ответ, который объясняет всю его удивительную жизнь:

— Потому не имеем, что не имеем решимости. А благодать и помощь Божия верным и ищущим всем сердцем Господа ныне та же, что была и прежде. Ибо, по слову Божию, Христос «вчера и сегодня Тот же отныне и вовеки».

Так или иначе, но отец Серафим после своего пустынножительства принял на себя подвиг затворничества. Отчасти этому способствовало следующее обстоятельство. Не было известно, кто и как причащает отца Серафима с тех пор, как он, приняв на себя молчание, перестал ходить в монастырь. Собор старших иеромонахов решил предложить ему: или ходить в воскресные и праздничные дни для причащения в монастырь, или, если болезнь ног не позволяет этого, переселиться в Саров.

Монаху, носившему отцу Серафиму пищу, было велено передать ему это и узнать его мнение. В первый раз подвижник ничего не ответил, во второй молча пошел за монахом в Саров и

там остался. Это было в мае 1810 года.

Вступив в монастырские ворота после пятнадцатилетнего пребывания в пустыни, отец Серафим, не заходя в свою келью, отправился прямо в больницу. Когда ударили в колокол, батюшка явился на всенощное бдение. Братия удивилась, что отец Серафим решился жительствовать в обители. Удивление еще больше возросло, когда на следующий день, причастившись после ранней литургии, подвижник направился в келью настоятеля Нифонта и, приняв от него благословение, водворился в прежней своей монастырской келье: у себя он никого не принимал, сам никуда не выходил и не говорил ни с кем ни слова, то есть принял на себя подвиг затворничества.

В келье для отсечения своеволия батюшка не имел ничего даже из самых необходимых вещей. Икона, перед которой горела неугасимая лампада, и обрубок пня, служивший взамен стула, составляли все имущество. Он совсем не употреблял огня для своих целей.

В течение всех лет затвора старец в воскресные и праздничные дни причащался Святых Тайн, которые преподавались ему в его келье после ранней литургии.

На груди он теперь носил тяжелый пятивершковый (22 см) железный крест. Собственно же вериг, вероятно, не носил, рассуждая так: «Кто нас оскорбит словом или делом и если мы перенесем обиды по-евангельски — вот и вериги наши, вот и власяница». Пищей ему служила рубленая белая капуста и толокно. Воду и пищу относил батюшке сосед по келье монах Павел. Затворник, покрывшись полотенцем, чтобы никто не видел его лица, выходил из дверей и на коленях, как великий дар Божий, благоговейно принимал посуду с нехитрой пищей.

По-прежнему сложно и велико было «молитвенное правило» батюшки Серафима. Между прочим, в течение недели он прочитывал весь Новый Завет и, читая, толковал Писание вслух. Многие подходили к его двери и слушали с радостью мудрые словеса. В сенях у него стоял дубовый гроб, сделанный собственными руками. Чтобы не забывать о смертном часе, об исходе из этого мира, старец подолгу молился около гроба и просил похоронить его именно в нем.

По ночам он выходил иногда из кельи, чтобы подышать свежим воздухом, тихо читал Иисусову молитву, переносил дрова поближе к братским кельям.

После пятилетнего строгого затвора старец внешне несколько ослабил его. Каждый мог войти к нему, так как он отпер дверь кельи. Старец не стеснялся присутствия других людей при своих духовных занятиях, но на вопросы ответов не давал.

Тамбовские архиереи любили посещать Саровскую пустынь, как правило, делали это в храмовый праздник Успения Богородицы. В одно из таких посещений епископ Иона (впоследствии экзарх Грузии), желая видеть отца Серафима, пришел к его келье, но тот не нарушил своего затвора и не вышел к епископу. В этом случае отец Серафим руководствовался, видимо, примером из жизни Арсения великого (V век), которому подражал в подвигах затвора и молчания. Феофил, архиепископ Александрийский, желая прийти к Арсению, послал наперед узнать, отворит ли он ему двери. Арсений отвечал: «Если тебе отворю, то и для всех отворю»…

Для отца Серафима еще не настало время «отворить дверь», хотя теперь оно было близко. Через неделю после епископа Ионы в Саров прибыл тамбовский губернатор А. М. Безобразов с женой. Оба пожелали принять благословение отца Серафима. Ему никто не мог сообщить о приезде губернатора, однако, как только тот подошел с женой к келье, батюшка тут же отворил дверь и благословил их. Как видно, окончился срок строгого затвора и молчальничества подвижника, положенный им на сердце.

Батюшке было новое явление Божией Матери, которая повелела более не скрывать своего «светильника под спудом» и, отворив двери затвора, стать доступным и видимым для каждого. Это произошло в 1815 году. Сколько духовного опыта накопил отец Серафим за многотрудную подвижническую свою жизнь — за тридцать лет монашества в полном смысле этого слова. Он изучил малейшие движения человеческой души, познал все оттенки той борьбы, которую постоянно ведет диавол с человеком.

Жизнь отца Серафима приобрела новое направление. До сих пор он видимо заботился об одном себе и спасении своей души. Деятельность его о спасении ближних состояла исключительно в молении о всем мире («ради и одного праведника сохраню место сие», сказал Господь), о живых и усопших православных христианах. По правилам пустынножительства и затвора практическая польза и руководство ближними еще не входили в разряд его действий. Теперь настало такое время. Отец Серафим, став в духовной жизни выше великого множества христиан и чувствуя подкрепление благодати Божией, посвятил себя новому, возможно, высшему подвигу — старчеству, духовному руководству людей.

С окончания ранней обедни до восьми часов вечера келья старца была открыта для мирян, а для саровской братии — во всякое время дня и ночи. Его маленькая келья освещалась лишь лампадой и свечами, зажженными перед иконами. Печь в ней

никогда не топилась. Двумя маленькими оконцами она смотрела в широкую, привольную луговую даль. Мешки с песком и каменья лежали на полу в келье, заменяя старцу постель. Обрубок дерева служил стулом.

Обычно старец принимал посетителей таким порядком. Одетый в белый балахон и мантию, он надевал еще епитрахиль и поручи (части священнического облачения) в те дни, когда причащался. Ко всем он обращался «радость моя» и с особенной любовью принимал тех, в ком прозревал истинное раскаяние в грехах и желание исправиться. Побеседовав с таким человеком, старец накрывал его голову епитрахилью, клал на нее правую руку, произносил над ним: «Согрешил я, Господи, согрешил душою и телом, словом, делом, умом, помышлением и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, осязанием, волею или неволей, ведением или неведеньем». Затем произносил обычную разрешительную молитву, читаемую на исповеди. При этом посетитель испытывал необыкновенно отрадное чувство. Вслед за тем старец чертил на лбу посетителя крест елеем от иконы и давал, если все происходило утром, натощак, богоявленской воды. Наконец, целуя каждого, говорил одно и то же всегда, какой бы ни был праздник: «Христос воскресе!» и давал приложиться к образу Богоматери или ко кресту — материнскому благословению, висевшему у него на груди.

Если пришедший не имел нужды в особенном наставлении, то старец делал общехристианское назидание. Более всего он советовал непрестанно молиться и для этого всегда повторять одну и ту же молитву мытаря: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного».

Многие из посетителей старца винились в том, что мало молятся, не вычитывая даже положенных утренних и вечерних молитв, — по недосугу и по безграмотности. Отец Серафим установил для таких легко исполняемое правило, которое не потеряло своей актуальности по сей день:

«Поднявшись от сна, всякий христианин, перекрестившись на икону, пусть прочтет молитву Господню «Отче наш» — 3 раза. Потом песнь Богородице «Богородице Дево, радуйся» — 3 раза. В завершение Символ веры — раз. Совершив это правило, всякий православный пусть занимается своим делом, на какое поставлен или призван. Во время же работы дома или на пути куда-нибудь, пусть тихо читает: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного» (или грешную). Если его окружают люди или он занимается делом, пусть старается говорить в уме «Господи, помилуй», и так до обеда. Перед обедом пусть снова прочитает утреннее правило. После обеда всякий христианин пусть читает

так же тихо: «Пресвятая Богородице, спаси мя, грешного». Отходя же ко сну, всякий христианин пусть еще раз прочтет утреннее правило».

Отец Серафим объяснял приходящим, что, держась этого малого «правила», можно достигнуть меры христианского совершенства, ибо эти три молитвы — основание христианства. Первая, как молитва, данная самим Господом в Евангелии, есть образец всех молитв. Вторая принесена с неба Архангелом в приветствие Богоматери, Символ веры содержит в себе вкратце все спасительные догматы христианской веры.

В качестве посетителей к отцу Серафиму являлись и знатные государственные люди. Старец относился к ним с должной честью и с христианской любовью. С подобными людьми старец беседовал об обязанностях их звания. Бывало, со слезами на глазах он умолял их хранить верность Православной церкви, соблюдать ее уставы и защищать от различных нападок, служить верой и правдой царю и отечеству.

Еще более стремилось к старцу людей простого звания, которые иногда приходили к нему не за советом, а за скорой помощью. Однажды прибежал в обитель крестьянин с растрепанными волосами, без шапки, в отчаянии спрашивая всех подряд иноков: «Батюшка! Не ты ли Серафим?» Ему указали на его келью. Бросившись туда, он упал ему в ноги и вопиял: «Батюшка, родимый! У меня украли лошадь, и я теперь без нее совсем нищий, не знаю, чем кормить буду семью! А говорят, ты угадываешь».

Ответил ему старец ласково, обхватив его голову и приложив к своей: «Огради себя молчанием и поспеши в такое-то село (назвал его). Когда будешь подходить к нему, свороти с дороги вправо и пройди задами четыре дома, там увидишь калиточку, войди в нее, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча».

Крестьянин тотчас побежал в указанном направлении. После этого в Сарове был слух, что он точно нашел в обозначенном месте лошадь.

В другой раз отец Павел, инок саровский, привел к старцу молодого парня с уздою в руках, плакавшего о потере своих лошадей, и оставил их вдвоем. Через несколько дней парень вернулся в монастырь, спрашивал, куда свечку поставить. Отец Павел поинтересовался, нашел ли он лошадей.

— Нашел. Отец Серафим сказал мне, чтобы я шел на торг и там увижу их. Я вышел, увидал и взял моих лошадок. Вот хочу ему свечку поставить.

— Кому?

— Да отцу Серафиму. Он ведь святой у вас? А иконы не вижу.

Все вроде одинаковые — как он. С бородой и прямо душу выворачивают.

— Кто больше выворачивает, тому и ставь.

Парень *указал* на икону Христа Спасителя.

— Вот и правильно, — сказал отец Павел.

— Угадал?

— Угадал…

Хотя впереди будет описано много подобных удивительных происшествий, однако следует оговориться, что дар прозорливости, которым обладал отец Серафим, — это не «отгадывание» судьбы, не невнятное «прорицание» оракула, который часто изрекает то, что сам не в состоянии понять, и не шерлок-холмовская «дедукция», то есть совокупность умственных упражнений, позволяющих найти преступника или потерянную вещь…

После обнаружения прозорливости, на удивление одного из своих духовных чад, старец объяснил: «Он шел ко мне, как и другие, как и ты; шел как к рабу Божию. Я же, грешный Серафим, так и думал, что я грешный раб Божий, что мне повелевает Господь, как рабу своему, то я передаю требующему полезное. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только веруя, что так мне указывает воля Божия, Своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю».

Получая письма, отец Серафим часто, не распечатывая, знал их содержание и просил писать адресатам ответы, каждый раз говоря писцу: «Вот что скажи от убогого Серафима… После кончины старца в его келье обнаружили чуть не мешок нераспечатанных писем, авторы которых в свое время получили точные ответы.

Господь-сердцеведец доподлинно знает, что у каждого на душе. Он про каждого знал, с чем шел проситель к старцу. И кто за чем приходил — именно то и получал. Хотел узнать, где украденная лошадь, — узнавал. Приходил, чтобы разобраться в причинах своих жизненных неудач, — Господь через отца Серафима их открывал. И если человек впоследствии поступал по его советам, то вся жизнь постепенно правильно устраивалась. Старец никогда не обличал жестокими словами или укорами даже и самого закоренелого грешника, но всегда увещевал, уговаривал, советовал.

Но случалось, старец не принимал пришедшего. Так было, например, в годы, близкие «декабрьскому восстанию» 1825 года на Сенатской площади. Пришли к нему два брата — князья. Одного старец принял ласково, говорил с ним. Другому

решительно сказал: «Гряди, откуда пришел» и отказал в своем благословении. После этого *прозорливец подвел одного послушника к колодцу, вода в котором стала мутной и грязной, и сказал: «Так и этот человек, который приходил сюда, намеревается возмутить Россию».* Этим другим братом был князь С. Г Волконский, будущий участник открытого «бунта против русской монархии» (именно так отзывался о нем отец Серафим), сосланный царем в Сибирь.

Этот случай, как и многие другие, свидетельствует о том, что старец обладал не обычным даром прозорливости, перед которым раскрывается прошлое и будущее человека. Великий старец обладал прозорливостью пророческой, которой ведомы не только судьбы отдельных людей, но и России и даже всего мира. Об этом поговорим отдельно…

Доподлинно известно, что в 1826 году великий князь Михаил Павлович (брат двух императоров Александра I Павловича и Николая I Павловича), проездом из Тамбова в Пензу посетил (инкогнито) Саровскую обитель, заходил к старцу Серафиму и принял от него благословение. Именно этот период времени был для России чрезвычайно тревожным: только что умер Александр I, на престол взошел Николай I, эффект разорвавшейся бомбы произвело выступление на Сенатской площади отпрысков лучших дворянских родов русских. Великий князь Михаил Павлович был членом Следственной комиссии по делу о декабристах. Другими словами, существовало очень много причин для встречи представителя царствующего дома с великим старцем.

Духом своим отец Серафим знал и был в единении со многими подвижниками, которых никогда в глаза не видел и которые жили от него за тысячи верст.

К таким подвижникам, получившим известность святостью своей жизни и даром прозорливости, относился епископ Антоний, уроженец Полтавской губернии. Отец Серафим его особенно почитал и многих своих духовных чад благословил обращаться за духовной помощью к Антонию после своей смерти.

Преосвященный Антоний окончил Киевскую духовную академию, постригся в монахи в 1797 году и жил в лавре. Он был назначен начальником лаврской типографии, затем начальником Ближних пещер, а вскорости — наместником Киево-Печерской лавры, духовным руководителем для иноков.

Во время посещения Александром I лавры в 1816 году император беседовал с прозорливым слепым старцем схимонахом Вассианом и расспрашивал его о других истинных подвижниках лавры. Старец указал прежде всего на наместника Антония, своего духовного сына. По слову старца Александр I сблизился с Антонием, впоследствии произведенным в архимандриты, а потом в епископы.

Но до этого Антонию было видение, про которое сам он рассказывал так.

«Отслужив утреню, пришел я в свою келью в лавре и начал читать книгу. В 8 или 9 утра отворилась ко мне дверь и зашла великолепно убранная в бриллиантах царица и подошла ко мне. Я принужден был встать с кресла, а она, посмотрев на меня, сказала: «Отец Антоний! Идите за мною!» Мы вышли из ворот на улицу. Вдруг подъезжает в четыре лошади карета, и мы сели. Ехали по полю и большой дороге. Подъезжаем мы к церкви, вошли, встали против аналоя, и царица приказала священнику меня венчать. Она взяла меня за руку и водила вокруг аналоя. Затем вышли из церкви, сели в карету и приехали опять в лавру, прямо в наместнический дом, где нас встретили министры, генералы и поздравляли. Потом царица пошла в другую залу, и мне приказали следовать за ней. Войдя в нее, увидали мы держащую фрейлинами большую вощанку во всю залу, которая была ветха и совсем худая. Она, подошедши к ней, сказала мне: «Видишь, что она худая, так следует тебе ее исправить заново». По выходе оттуда, села в карету, уехала, а я по-прежнему остался в лавре. Когда очнулся я в своей келье, то вздумал пойти к своему

духовнику, отцу Вассиану, и рассказал ему все, какое происшествие со мной случилось. А он мне на оное сказал: «Это к тебе приходила Царица Небесная, а что повенчан ты с Нею браком, значит — благословение на тебе

Божие и будешь ты архиереем, то есть епископом, и дана тебе будет худая епархия, которую ты должен исправить непременно, это и означала большая ветхая вощанка».

Видение отцу Антонию было за полгода до назначения его епископом. В конце 1828 года умер воронежский епископ Епифаний, и в следующем году Антоний занял эту кафедру. Воронежская епархия тогда была в крайнем запустении. В нее входила вся область Войска Донского. Очень невыгодное впечатление произвела епархия на самого владыку Антония, и ему пришлось много потрудиться и в административном, и проповедническом, и в молитвенном духе.

При нем в 1832 году совершилось открытие мощей святителя Митрофана Воронежского. Епархия постепенно возродилась, и вся Россия приезжала поклониться новоявленным мощам святителя Митрофана. Многих приезжающих исцелял сам епископ, они смогли убедиться в его прозорливости. Он запрещал рассказывать об этих чудесах, но молву народную не остановишь…

Святитель Митрофан был первым епископом Воронежским. Задолго до его прославления, когда еще не было ни откровений, ни чудесных исцелений, ни явлений у гроба будущего святителя, отец Серафим Саровский собственноручно написал письмо в несколько строк епископу Антонию в Воронеж и поздравил его с открытием мощей и с церковным прославлением угодника Божия Митрофана.

После кончины старца Серафима архиепископ Воронежский Антоний говорил про него: «Мы как копеечные свечки. А он как пудовая свеча, всегда горит пред Господом как прошедшею своей жизнью на земле, так и настоящим дерзновением пред Святой Троицей».

Еще одним великим подвижником, с которым в духе общался отец Серафим, был старец из крестьян Даниил Ачинский, родом из Малороссии, скончавший свои дни в далекой Сибири. В молодости его отдали в военную службу, на войне с французами в 1812 году он был застрельщиком, его ранило. После войны были вызваны охотники учиться грамоте. Уже фельдфебелем Даниил, скопивший триста рублей денег, пошел учиться. Когда он научился грамоте, встретился с одним дьяконом доброй жизни, который дал ему изрядное понятие о Священном Писании. Фельдфебель начал читать священные книги и жития святых. Это ему понравилось, и он вознамерился во всем следовать их жизни.

Прослужив семнадцать лет царю, Даниил сказал полковому командиру, что хочет совсем оставить службу. Его стали уговаривать продолжить служить по данной царю и отечеству присяге, а в противном случае грозили наказанием.

Обвинили его в противлении власти или кто-то оклеветал Даниила — неизвестно, но посадили его под строгий арест. За это он день и ночь хвалил Бога. Долгое время страдалец находился под судом, потом ему сказали, что его должны расстрелять. Он ответил: «Буди воля Господня». Через несколько дней расстрел заменили на шпицрутены. Даниила должны были провести через строй в 2000 человек. Он сказал: «Мало мне этого за грехи». В конце концов, отменив все наказания, сослали в Сибирь, в Томскую губернию на винокуренный завод в вечные работы. Там над ним много издевались, направляли на самые тяжелые работы.

Даниил днем работал, ночи простаивал на молитве, за что дразнили его святошей. Но однажды случилось так, что за все издевательства смотрителя завода Афанасьева ему свернуло голову набок. Жена стала укорять его за неповинного старца. Тогда позвали Даниила, и смотритель просил у него прощения, после чего выздоровел. Были и еще подобные случаи, которые многим стали известны. Афанасьев написал губернатору, что старец неспособен к работе. Его уволили на собственное пропитание.

Даниил перебрался в Ачинск и построил себе наималейшую келью — совершенный гроб с окном в медный гривенник. Праведник много работал на огороде, иногда занимался рукоделием, шил простую одежду. Плату не брал, только хлеба на день. Милостыни не принимал и не давал, потому что нечего было подавать, жил в совершенном нестяжании, подобно птице, работал безвозмездно, ходил к бедным жать и косить — в ночное время, чтобы его мало видели.

Старец двадцать лет носил железные вериги, потом снял их. Когда его спросили, почему он это сделал, ответил: «Не стали они уже приносить пользы. Тело мое к ним так привыкло, что отнюдь не чувствует их тяжести, ни боли, потому и не стали они приносить никакой пользы моей душе. Пусть люди лучше говорят, что Даниил ныне разленился, вериги с себя скинул, это будет для меня полезней».

Начали стекаться к нему люди, заметив его прозорливость. Говорил он больше притчами и намеками, чтобы понятно было одному тому, с кем беседует. Но когда было полезно другим — говорил прямо.

Проездом по епархии был у старца преосвященный Михаил, архиепископ Иркутский. Владыка долго беседовал с ним о разных

духовных предметах. Старец рассказывал о великом его сане и о его духовных обязанностях, о том, как ему должно управлять своей обширной паствой, чтобы ни одна овца не погибла от нерадения или беспечности пастыря, и как он должен всех исправлять, наказывать бесчинников, которые подают соблазн прочим. Владыка рыдал, слушая его.

Архиепископ стал предлагать Даниилу деньги на его нужды и на масло для лампады, но он отказался. Когда они начали прощаться, владыка подал старцу просфору. Тот же, разделив просфору надвое, верхнюю часть оставил себе, а нижнюю вернул. От старца не скрылось, что в нижнюю часть архиепископ искусно вложил пятирублевую ассигнацию. Даниил сказал: «Владыка святый, на что мне деньги? Я их отнюдь не имею, пропитание получаю от рук своих, ты сам раздай, кому знаешь и кто имеет в них нужду. Равно и лампадку для чего мне иметь, когда в душе моей тьма? А когда бывает в душе моей свет, то кольми паче мне не нужна лампадка, ибо и без того светло и радостно».

В великих трудах ради Бога провел старец Даниил более тридцати лет. С этим-то тружеником батюшка Серафим был также в духовном общении. В доказательство приведем рассказ томской мещанки старицы Марии Иннокентьевны.

«Вот я, великая грешница, много по свету пространствовала, но без всякой душевной пользы. Раз пять была в Киеве, ходила и в другие российские монастыри и к святым мощам. Была и в Иркутске у святителя Иннокентия. Много слышала я доброго про старца Даниила, и вот по пути из Иркутска, бывши в городе Ачинске, зашла повидать и старца Даниила, принять от него благословение на будущее странствие. Он же, мой батюшка, взглянул на меня с самым гневным и сердитым видом и громким голосом упрекнул меня:

— Что ты, пустая странница, пришла ко мне? Я давно тебя ожидал, вот, будешь меня помнить!

А сам палкой грозил на меня. Я вся от страха затрепетала, чуть не упала, язык оцепенел, и не могу ни бежать, ни слова сказать, ибо знаю свою вину. Он же начал говорить следующее:

— Зачем ты бродишь по свету и обманываешь Бога и людей? Тебе дают деньги в Киев на свечку и на молебны, а ты их тратишь на свои прихоти.

И начал он обличать, что, мол, много станций ехала на подводах, нанимала их, тратя данные Богу деньги. А в таком-то месте вино пила и столько-то его купила. А в таком-то месте пустое празднословила. И так он, мой батюшка, рассказал мне то, что я и сама позабыла. Как будто со мной сам ходил и дела мои записывал. Я же стою ни жива ни мертва. Он сказал еще:

— Теперь уже полно тебе ходить по свету, ступай и живи в Томске. Питайся от своего рукоделия, вяжи чулки, а когда устареешь, тогда для пропитания собирай милостыню, да слушай же! Больше не ходи в Россию.

Потом он пошел в свою келью, а я поклонилась и ушла, не сказав ему ни слова. Пришедши в Томск, я отложила попечение о странствовании и начала жить дома и рукодельничать.

По прошествии полугода мои сродники и знакомые молодые люди начали собираться в Киев на поклонение и стали звать меня с собой, чтобы их про водить до Киева, потому что мне дорога была знакомая. Я долгое время не соглашалась, потому что старец Даниил не благословил больше странствовать. Но по усиленной просьбе родственников согласилась, и отправились мы в путь.

Пришли мы в Саровскую пустынь, сначала в гостиницу, а потом к батюшке Серафиму — принять на дальнейший путь благословение. Он всех моих спутников принял ласково и всех благословил и дал сухариков на дорогу, а меня не благословил и даже прогнал, ни слова со мной не сказал.

Прожили мы в Сарове с неделю. Ежедневно мои спутники к нему ходили, и он их наставлял душеспасительными словами, а меня и на глаза не пускал, сколько я к нему ни приходила. Наконец, мои спутники начали собираться в путь. Дело было только за мной. Посему я еще решила побеспокоить старца и, пришедши к его келии, закричала со слезами: «Батюшка Серафим, благослови меня в путь, товарищи мои уже собрались». Выйдя из кельи, он сурово взглянул на меня и громко сказал:

— Нет, нет тебе благословения. Зачем ты пошла в Россию? Ведь тебе брат[5] Даниил не велел больше ходить в Россию! Теперь же ступай назад домой.

Я ему сказала:

— Батюшка, благослови меня в последний раз, больше уж ходить не буду.

Он же ответил:

— Я тебе сказал: ступай назад, а вперед тебе идти нет благословения.

Я ему еще возражала:

— Батюшка, как же я пойду назад одна в такой дальний путь, а денег у меня ни копейки!

На это он сказал:

— Ступай, ступай обратно, и без денег довезут до самого Томска.

И тогда уже благословил меня и дал мне один сухарик, а сам затворил дверь.

Я пришла в гостиницу, поплакала и простилась со своими спутниками. Они пошли в Киев, а я — в Нижний Новгород. Там нашлись мне попутчики, наши томские купцы, которые и довезли меня до самого Томска. Вот и исполнилось слово самого отца Серафима. Так далеко видят и слышат один другого рабы Божии — за четыре тысячи километров. А я, по слову старца Даниила, собираю милостыню, но тогда, когда он говорил это, я того не предвидела, потому что имела детей богатых, а теперь давно уже всех похоронила».

Монахиня Знаменского монастыря Сусанна рассказывала о старце Данииле следующее:

«Была я, грешная, в его келии и видела, что она подобна гробу, выкопана в земле. Ширины вершков 12 (60 см), вышина и длина оной в его рост и окошечко на восток — самое маленькое. А как он в келье подвизался — не знаю. Вид его был ангелоподобным. Беседа казалась для меня, недостойной, столько усладительной, что я забывала и сама себя, хотя и сама много читывала божественных книг. Он говорил, как мне казалось, не читаное, а виденное, при озарении благодатию все самим им, чувственно или духовно. И тогда я так думала, и поныне так помышляю, ибо невозможно так коротко вразумить, сказать и изъяснить красоты небесные, как он начнет рассказывать о праведниках, кому за какие подвиги уготованы венцы и награды вечные и что ожидает грешников.

Подобных рассказов о действии бесед на приходящих много и о батюшке Серафиме. И эти два великих праведника знали друг о друге, прозревая один другого единым духом!

Известно и еще об одном подобном общении душ. Когда затворник Богородицкого монастыря Георгий задумал переменить свое место и никто, кроме него, не знал этого тайного смущения, пришел вдруг к нему какой-то странник от отца Серафима и сказал: «Отец Серафим приказал тебе сказать; стыдно-де, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтоб оставить свое место. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться».

Старик сказал это и вышел…

Окончание затвора.

Беседы старца с монашествующими и мирянами

Около пятнадцати лет отец Серафим пробыл в затворе, поначалу — в строгом, потом ослабив его для приема

посетителей. В 1825 году он стал молиться, чтобы Господь благословил его окончить затвор. Здоровье старца ухудшилось. Подвиги и изнурение всей жизни: стояние на камнях, затвор — все отозвалось и на его крепкой, выносливой натуре. У него болели ноги и голова. Были необходимы свежий воздух и движение.

25 ноября 1825 года, в день памяти святителя Климента, папы Римского и Петра Александрийского, в сонном видении Матерь Божия в сопровождении этих святых явилась отцу Серафиму и разрешила выйти ему из затвора. С этого же дня, взяв благословение у настоятеля, старец начал ежедневно ходить на то место, которое стало называться «ближней пустынькой» (в отличие от его прежней кельи в лесу, названной «дальней пустынькой»).

В двух верстах от Сарова издавна находился родник, неизвестно кем вырытый. По стоявшей около него на столбике иконе Иоанна Богослова он назывался Богословским. На горке, в четверти версты от источника, подвизался в своей келье отшельник иеромонах Дорофей, скончавшийся в сентябре 1825 года. Место это отец Серафим посещал, когда еще жил в «дальней пустыньке» до затвора, очень любил его. Здесь забил новый источник — по преданию, от удара жезла Богоматери, явившейся старцу. Вода этого источника, называемого Серафимов, обладает свойством не портиться целые годы, и множество больных, с верой омываясь в этом чудотворном источнике, получили исцеления от болезней. Так было во времена Серафима, так и поныне совершается для тех, кто с верой и благоговением приезжает в Серафимо-Дивеевский монастырь.

Поскольку в келью отца Дорофея за четверть версты ходить утружденному годами и болезнями старцу было тяжело, ему устроили сруб на холме, близ родника. Сам он, собирая камешки по берегу речки Саровки, выложил ими весь бассейн Богословского родника. Уже заросший, он вновь труда ми старца был восстановлен.

Первоначально «ближняя пустынька» имела такие размеры: высотой и длиной три аршина (210 см) и шириной в два аршина (140 см). У нее не было ни окон, ни дверей. Вход же был земляной, под стенкой. Подлезши под стенку, старец отдыхал в этом убежище после трудов от зноя. Около этого сруба отец Серафим снова завел огород, сажал лук и картофель. Через два года ему устроили на этом месте новую келью — с дверями, но без окон. Внутри была печь, снаружи — сени. Теперь старец проводил в своей «ближней пустыньке» целый день, приходя сюда во второй половине ночи, а к следующей возвращался в

монастырь.

В монастыре он оставался по воскресным и праздничным дням, а по будням уходил из обители в своем ветхом белом холщовом балахоне, в убогой камилавке, с топором или мотыгою в руках. На спине у него была котомка, набитая камнями и песком, поверх песка лежало Евангелие. Его спрашивали, зачем он удручает себя этой тяжестью. Он же отвечал словами св. Ефрема Сирина: «Томлю томящего меня».

Он не имел покоя ни в пустыни, ни в дороге, ни в монастыре. Стечение народа, желавшего взглянуть на него, принять благословение или спросить совета, все увеличивалось. Кто ждал его в Сарове, кто надеялся увидеть его на дороге, кто спешил застать его в пустыньке и быть свидетелем трудов его.

Особенно велико было стечение народа вокруг старца, порой до десяти тысяч в праздничные дни, когда он возвращался после принятия Святых Тайн из храма. Он шел, как подходил к чаше, — в мантии, епитрахили, поручах. Шел медленно, среди теснившегося вокруг него народа, и всякому хоте, — лось взглянуть на него, протиснуться поближе. Но в это время он ни с кем не говорил, никого не благословлял, ничего не видел. Светлое лицо его выражало глубокую сосредоточенность. Он весь был полон неизъяснимой радости от соединения в причастии со Христом. И никто не смел прикоснуться к нему.

Войдя же в келью, старец принимал посетителей. К каждому он теперь обращался со словами «радость моя!», убеждал изречениями из Писания, примером святых. И всегда говорил то, что в данных обстоятельствах было самое важное, самое нужное для человека. Речь его еще потому имела такую силу, что сам он первый исполнял все, чему учил других. Однажды он сказал одному ученому богослову: «Учить других — это как с высокой колокольни бросать камни вниз; а самому исполнять — это как с мешком камней на спине подниматься на высокую колокольню».

Свои благодатные дары старец таил, не открывал их без крайней нужды. Вообще он был сторонником сосредоточенной жизни и находил, что и мирским людям следует быть сдержанными и не открываться легко другим людям. Отец Серафим говорил: «Не должно без нужды другому открывать сердца своего. Из тысячи можно найти только одного, который бы сохранил твою тайну. Когда мы сами не сохраним ее в себе, как можем надеяться, что она будет сохранена другим? Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно, особенно когда в них не примечается и желания к слушанию. Всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований: в противном случае потеряешь и не

найдешь. Когда же надобность потребует или дело до того дойдет, то откровенно во славу Божию действовать должно».

Старец был великий ревнитель православия. Он особенно благоговел к памяти тех святых, которые выяснили и установили сущность правой веры: Климента, папы Римского, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Афанасия Александрийского, Кирилла Иерусалимского, Амвросия Медиоланского. Отец Серафим любил поминать их твердое стояние за веру. Убеждая хранить догматы веры, старец приводил в пример блаженного Марка Эфесского, который с непоколебимым мужеством защищал православие от унии на Флорентийском соборе. Высоко чтил подвижник и наших русских святых, говорил о жизни их, брал у них примеры для подражания. Вообще же жития святых были для него живыми письменами, по которым он поучал народ.

Яснее всего вырисовывается образ отца Серафима из сохранившихся воспоминаний его посетителей, людей разнообразного звания и положения. Вот что ответил он однажды четырем старообрядцам из села Павлова Горбатовского уезда Нижегородской губернии, которые хотели поговорить с ним о двуперстном старообрядческом сложении. Едва переступили они порог кельи и не высказали еще, для чего пришли, как старец подошел к ним, взял одного из них за правую руку, сложил пальцы его по чину православной Церкви троеперстно и сказал:

— Вот христианское сложение креста. Так молитесь и прочим скажите.

Прошу и молю вас: ходите в Церковь греко-российскую. Она во всей славе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие ее — учители Церкви, архипастыри — они преемники апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и весел. Она привязана вервием к кораблю нашей Церкви, плывет за ней, заливается волнами и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю.

Кавалерийский офицер И. Я. Каратаев в 1830 году проезжал мимо Сарова. Слыша по дороге рассказы о старце, он хотел заехать к нему, но не решался, боясь, что старец обличит его перед другими в его грехах, особенно же в отношении к иконам. Ему казалось, что произведение рук человека, часто грешного, не может вместить благодати и быть предметом почитания. Так он и не заехал.

Случай снова привлек его в Саров, когда полк Каратаева мобилизовали на польскую кампанию. И теперь, по совету отца, он решил побывать у старца. Когда он стал подходить к его келье,

страх вдруг сменился тихой радостью, и офицер заочно возлюбил отца Серафима. Вот что произошло дальше. «Около кельи стояло уже множество народа, пришедшего к нему за благословением. Отец Серафим, благословляя прочих, взглянул и на меня и дал знак рукой, чтобы я прошел к нему. Я исполнил его приказание, со страхом и любовью поклонился ему в ноги, прося его благословения на дорогу и на предстоящую войну, и чтоб он помолился о сохранении моей жизни. Отец Серафим благословил меня медным своим крестом, который висел у него на груди, и, поцеловав, начал меня исповедовать, сам сказывая мои грехи, как будто бы они при нем были совершены. По окончании этой утешительной исповеди он сказал мне: «Не надобно покоряться страху, который наводит на юношей диавол, а нужно тогда особенно бодрствовать духом и помнить, что хотя мы и грешные, но находимся все под благодатию нашего Искупителя, без воли Которого не упадет ни один волос с головы нашей».

Вслед за тем он начал говорить и о моем заблуждении относительно почитания святых икон: «Как худо и вредно для нас желание исследовать таинства Божии, недоступные слабому уму человеческому, например, как действует благодать Божия через святые иконы, как она исцеляет грешных, подобных нам с тобой, и не только тело их, но и душу, так что и грешники, по вере в находящуюся в них благодать Христову, спасались и достигали Царствия Небесного». Слушая отца Серафима, по-истине я забыл о земном своем существовании.

Солдаты, возвращавшиеся со мной в полк, удостоились также принять его благословение, и он, делая им наставления, предсказал, что никто из них не погибнет на войне, что и сбылось действительно: ни один из них не был даже ранен.

Уходя от отца Серафима, я положил подле него на свечи три целковых. Но враг вложил мне такую мысль: «Зачем святому отцу такие деньги?» Эта мысль смутила меня, я поспешил снова с раскаянием к старцу. Но он, предупреждая слова мои, сказал мне следующее: «Во время войны с галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки, но эта рука дала какому-то пустыннику на святой храм, и молитвами святой Церкви Господь спас ее. Ты это пойми хорошенько и впредь не раскаивайся в добрых делах. Деньги твои пойдут на устроение Дивеевской общины, за твое здоровье».

Потом отец Серафим опять исповедал меня, поцеловал, благословил и дал съесть несколько сухариков, выпить святой воды. Он влил мне ее в рот и сказал: «Да изженется благодатию Божией дух лукавый, нашедший на раба Божия Иоанна». Старец дал мне и на дорогу сухарей и святой воды и напутствовал так:

«Положи упование на Бога и проси Его помощи. Да умей прощать ближним своим, — и тебе дастся все, о чем ни попросишь».

В продолжение польской кампании я был во многих сражениях, и Господь везде меня спасал за молитвы праведника».

Генерал П. Я. Куприянов пришел к старцу благодарить за его молитвы. При этом он рассказал ему: «Вашими молитвами я спасся во время турецкой кампании. Окруженный многими полками неприятеля, я сам оставался с одним только полком и видел, что мне ни укрепиться, ни двинуться — ни взад, ни вперед. Не было никакой надежды на спасение. Я только твердил непрестанно: «Господи, помилуй молитвами старца Серафима», ел сухарики, данные мне вами в благословение, пил воду, и Бог охранил меня невредимым». Старец на это отвечал: «Великое средство ко спасению — вера, особенно же непрестанная сердечная молитва».

Из рассказов многих верующих воинов известно, что после благословения их старцем Серафимом ни один из них не пострадал во время военных действий.

«Серафимов служка» Мотовилов описал, какое значение отец Серафим придавал горящим лампадам и свечам: «Я, видевши у батюшки много лампад, многие кучи восковых свеч, больших и малых, на разных подносах, на которых от таявшего много лет и капавшего воска образовались целые восковые холмики, подумал про себя, зачем отец Серафим возжигает столько свеч, от которых в келье его нестерпимый жар… Он же на помыслы мои ответил: «Я имею, как вам известно, многих особ, усердствующих ко мне и благотворящим сиротам моим. Они приносят мне елей и свечи и просят помолиться за них. Вот когда я читаю правило свое, то поминаю их сначала единожды. А так как, по множеству имен, я не могу повторять их на каждом месте правила, как следует, то я ставлю все эти свечи в жертву за них Богу…

А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка, то приведу вам в подкрепление слова Божественного писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголившего к нему: «Моисее! Моисее! рцы (скажи) брату твоему Аарону, да возжигает предо мной кандилы (лампады) во дни и в нощи — сие бо есть угодна предо мною и жертва благоприятна Ми есть». Так вот почему, ваше боголюбие, Церковь Божия прияла в обычай возжигать во святых храмах и в домах верных христиан лампады перед святыми иконами». К этому отец Серафим добавлял, что падение какой-либо свечки говорило ему о том, что некий человек впал в смертный грех, и батюшка с особой ревностью молился об его восстании от греха».

Высоко ставя пятую заповедь, старец не позволял детям

говорить против родителей, даже имевших несомненные недостатки. Один человек пришел к старцу с матерью, которая была предана пороку пьянства. Сын только хотел заговорить об этом, как отец Серафим зажал ему рот и не дал произнести ему ни слова. Потом, обращаясь к матери, сказал: «Отверзи уста свои». Когда она открыла рот, трижды дунул на нее. Отпуская ее, старец сказал: «Вот вам мой завет. Не имейте в дому своем не только вина, но и даже посуды винной, так как (предсказал он матери) ты отселе не потерпишь более вина».

Если кто, спрашивая совета старца, впоследствии не исполнял его совета, тому приходилось горько в том раскаиваться.

Один рязанский помещик, служивший офицером, просил у старца благословение на вступление в брак. Старец указал ему невесту, назначенную ему Богом. Она жила неподалеку от него, и старец назвал ее по имени. Но тот объявил старцу, что женится на другой. «Тебе сия не принадлежит в радость, а в печаль и слезы», — ответил отец Серафим. Он женился по своему выбору, но не прошло и года, как овдовел. Вдовцом он опять был у старца, потом женился на особе, указанной в первый раз, и жил с ней долго и счастливо.

Не один несчастный брак батюшка разрушил своим предвидением. Приехал к нему один дворянин, вознамерившийся жениться на девице, которая по своему званию никак ему не соответствовала, да и родители не соглашались на этот брак. Но дворянин тот, зная, что родители уважают мнение отца Серафима и не в состоянии будут противиться этому браку, если он его одобрит, хотел склонить старца на свою сторону. Для этого заранее приготовил он доказательства законности своего намерения и даже подобрал по такому случаю для убедительности тексты Священного Писания. С тем и прибыл к старцу.

И вдруг, к величайшему своему изумлению, дворянин услышал из уст старца и имя той девицы, и те доводы, которые сам приготовил, и даже тексты Писания, которые заготовил. Пораженный этим неожиданным предупреждением своих мыслей, дворянин пал на колени перед старцем, лишившись дара речи. Отец Серафим поднял его и сказал: «Богу, и Божией Матери, и твоей матери не угодно это намерение, и не будет».

Брак тот не состоялся, а дворянин впоследствии сознавался, что он до того случая все же не верил в существование истинных праведников, но отец Серафим совершенно изменил это мнение.

Московский мещанин В. А. Плетминцев был убежденным холостяком и не собирался жениться, всегда удивляясь людям,

которые принимают на себя супружеские обязанности. Однажды пришлось ехать ему из Рязани в Арзамас. Дорогой он заехал в Саровскую пустынь и там впервые услышал об отце Серафиме. «Дай, зайду к нему, — подумал Плетминцев, — не скажет ли он и мне что-нибудь…» Пришел он к старцу, тот прежде всего благословил его, а потом подал три сухарика, говоря: «Вот это тебе, это жене твоей, а это сынку». Плетминцев удивился и не поверил старцу, но, приехав в Арзамас, действительно скоро женился и, по предсказанию святого старца, имел сына.

У одной женщины было много детей, но все они умирали на первом году своей жизни. Бедная мать была в отчаянии и попросила свозить ее к старцу Серафиму, о котором она знала от своей знакомой. С новорожденной девочкой женщина приехала в Саров и принесла девочку к отцу Серафиму, рыдая, просила помолиться о ней, чтобы дети не умирали. Старец возложил руку на головку младенца и сказал: «Утешайтесь ею». Девочка осталась жива, а после нее рождавшиеся дети снова умирали.

Старец не однажды воссоединял разошедшихся супругов. В частности, муж и жена Тепловы разъехались вследствие семейных неприятностей. Муж жил в Пензе, жена — в Таганроге. Муж приехал в Саров. Старец только взглянул на него и заговорил: «Зачем не живешь с женой? Ступай к ней, ступай!» Слова старца тотчас образумили мужа, он съездил за женой, был с ней на богомолье в Киеве, потом поселился в деревне. Супруги стали жить мирно и счастливо. Известная своим благочестием госпожа Колычева писала знаменитому затворнику Георгию: «Я видела письма их после известия о смерти старца. Они исполнены великой горести, что умер отец их и благодетель».

Однажды приехала к старцу несчастная мать, которая потеряла из виду своего сына и долгое время не имела никаких от него вестей. Старец сказал ей, чтобы она подождала в Сарове своего сына три дня. Каждый день она переходила от отчаяния к надежде, но на четвертый истомившаяся женщина снова пошла к отцу Серафиму, чтобы проститься с ним. Каково же было ее удивление, когда в эту минуту обнаружила в келье старца своего пропавшего сына. Батюшка взял его за руку и ласково вручил его матери.

Прозорливость старца Серафима простиралась очень далеко. Он давал наставления на такое далекое будущее, которое обыкновенному человеку никогда не предусмотреть.

Однажды его посетили две девицы, духовные дочери схимонаха Саровской обители Стефана. Одна из них была молодая, из купеческого сословия, другая — из дворян, пожилых лет. Именно пожилая от юности желала стать инокиней, но

родители не давали ей на то благословения. Обе девицы пришли за советом к старцу, а пожилая благородная просила благословить ее на вступление в монастырь. Старец же, наоборот, стал советовать ей вступить в брак, говоря: «Брачная жизнь благословлена самим Богом. В ней нужно только с обеих сторон соблюдать верность, любовь и мир. В браке ты будешь счастлива, а в монашество нет тебе дороги. Монашеская жизнь трудная, не всеми выносимая». Купеческая молодая девица о монашестве совсем не думала. Однако отец Серафим, по своей прозорливости, благословил ее вступить в иноческий сан и даже назвал монастырь, в котором она будет спасаться.

Обе остались очень недовольны беседой старца, а пожилая даже оскорбилась советом отца Серафима и изменила свое отношение к нему. Сам духовный отец девиц был в недоумении, почему старец пожилую и ревностную к иноческой жизни девицу отвлекает от монашества, а юную деву, не желающую того, благословляет на путь сей? Последствия подтвердили слова отца Серафима. Благородная девица уже в преклонных летах вступила в брак и была счастлива. А юная действительно пошла в монастырь, и именно в тот, который назвал прозорливый старец.

Благочестивая вдова П. И. Шкарина, проживавшая в Арзамасе, свидетельствовала, что с молодости хотела стать монахиней. Но отец Серафим, узнавший ее девушкой лет за пять до своей кончины, предсказал, что она будет сиротой, выйдет потом замуж, будет иметь семерых детей, назвал и имена всем им, потом лишится мужа. Как ни далеки были эти предсказания, но все исполнилось в точности.

Была у отца Серафима в прихожанках и одна мещанка из г. Балахны, по фамилии Заяева. Старец советовал ей непременно поступить в монастырь, та отказывалась. Он открыл ей причины: «Ты будешь несчастлива замужеством, много будет у тебя детей, а мужа лишишься, останешься вдовой и будешь терпеть еще большую бедность, чем при муже». Заяева не послушала советов старца, вышла замуж и потом горько жалела о том, ибо все слова отца Серафима исполнились.

А. А. Т — я, будучи еще лет двенадцати, ездила со своей матерью в Саров, чтобы повидать знаменитого старца. По приезде в Саров девочка узнала от своей няни о каком-то бедном, изнуренном колоднике, который в тяжелых цепях шел мимо монастыря и был очень жалок на вид. Девочка побежала за ограду и действительно увидела колодника. Сердце ее сжалось от сострадания, и она дала ему монету пятьдесят копеек серебром за неимением более мелкой.

Когда же пришли они к отцу Серафиму, то прозорливый

старец, никогда их не видевший, тотчас подозвал девочку к себе и, благословив ее, ласково сказал: «Это хорошо, что ты полтинничек подала бедному, ваше превосходительство». Мать ее, удивленная таким приветствием, стала объяснять, что они не имеют такого титула, но старец во время беседы еще несколько раз назвал девочку «превосходительством». Так и возвратились они домой, не поняв почему… Девочка выросла и вышла замуж за генерала. Вот когда оправдались пророческие слова старца, который задолго предвидел будущее по данной ему благодати.

Перед батюшкой Серафимом людские души были как открытые книги, его невозможно было провести, надев личину благочестивого христианина. Старцу не нужно было и видеть человека, он читал сами мысли в голове. Однажды в Саров приехал помещик, желая на обратном пути из Крыма получить благословение отца Серафима. Он умиленно объяснял всем, как он любит старца и как жалеет, что, уже раз побывав в обители, не сподобился принять от него благословение. Все видели, как во время литургии он молился со слезами перед иконой Богоматери, а потому заранее сочувствовали этому благочестивому человеку.

Отец Серафим был в пустыньке, и помещику дали провожатого послушника, который, благословясь, и доложил старцу, что такой-то помещик дожидается, чтобы принять от него благословения. Но батюшка ответил послушнику: «Умоляю тебя именем Господним, чтобы ты и впредь бегал таких людей. Этот человек — притворщик. Он самый несчастный, самый потерянный человек». Делать нечего, послушник вернулся к помещику с отказом и объяснил нежелание старца видеть его. Тогда помещик зарыдал и признался, что действительно душа его исполнена самых нечистых чувствований и помышлений.

Вскоре после этого помещика пришел в «ближнюю пустыньку» другой странник, из простого сословия, с этим же послушником. Старец жал голыми руками осоку и как только услышал, что какой-то странник из Киева желает получить его благословение, тотчас сказал: «Приведи его!» Когда они подошли, благословились и сели около отца Серафима, старец стал говорить страннику, чтобы тот оставил избранный путь, снял бы с себя вериги, обулся бы и возвратился домой, потому что там жена и дети очень тоскуют о нем, а дома занялся бы хлебной торговлей. «Мню, что весьма хорошо торговать хлебом, у меня же есть знакомый купец в Ельце. Тебе стоит только прийти к нему, поклониться и сказать, что тебя прислал к нему убогий Серафим, он тебя и примет в приказчики». С тем странник и ушел, а по дороге в монастырь рассказал послушнику, что действительно он мещанского сословия, всегда занимался хлебной торговлей, чем и

содержал свое семейство. Но из любви к Богу — без рассуждения, без наставления и старческого благословения — пожелал странствовать. И поэтому, оставив безо всякой помощи свое семейство и выпросив от общества годовой паспорт, босиком и в веригах отправился в Киев на поклонение святым мощам.

Саровской обители святой старец не раз предсказывал события, так или иначе касающиеся общественной жизни.

Отец Серафим предсказал холеру в России и открыто предвозвещал, что ее не будет ни в Сарове, ни в Дивееве. И действительно, во время страшной эпидемии не умерло в монастыре ни одного человека.

С *1831 года старец возвещал о предстоящем голоде.* Встречаясь с отцом Нифонтом, настоятелем монастыря, он ему твердил: *«Голод будет, голод будет».* Для предотвращения бедствия он советовал сделать запас хлеба в шесть годовых потреб, заметив, что при его жизни четвертый раз наступает голод, а обитель Саровская никогда не имела недостатка в хлебе. Маловерные и ропотливые братия стали порицать старца. Но обстоятельства оправдали его слова. В скором времени после предсказания действительно начался голод. Цены на хлеб за несколько недель возросли до невероятных пределов, а потом иссякли и источники, из которых голодающий край получал хлеб.

Саровский лес при игумене Нифонте приносил много пользы монастырю. Все стали смотреть на него как на источник дохода для обители. *Между тем отец Серафим предугадал и предсказал бурю, которая действительно спустя некоторое время прошлась по лесу, переломав много деревьев,* о чем монастырское начальство весьма сожалело.

Однажды пришел к отцу Серафиму генерал-майор А. Е. М., чтобы вместе с женой, имевшей большую веру в старца, получить благословение и наставление. Это случилось в пятницу. Старец спросил пришедших после беседы, долго ли они собираются пробыть в монастыре, и советовал им не раньше воскресенья после поздней литургии выехать, потому что «в воскресенье у нас в обители будет торжество и молебствие». Генерал спрашивал о причине этого торжества у монахов и даже у самого отца Нифонта. Все отвечали, что никакого торжества не будет и не предвидится. Но когда игумен говорил с генералом, вошел монастырский служитель и подал с почты пакет с письмами, среди которых неожиданно для всех был указ о рождении великой княжны, по которому на следующий день, в воскресенье, в соборном Саровском храме было отслужено благодарственное молебствие и весь день раздавался колокольный звон в обители. Даже игумен Нифонт удивился предсказанию, еще не веря в

прозорливый дар старца Серафима.

Некоторым людям он предсказывал смерть, желая, чтобы они задумались над своими грехами и не перешли в Вечность без покаяния. Пришла однажды к старцу одна женщина из г. Кадома Тамбовской губернии. Старец принял ее с особенной любовью и между прочими советами и наставлениями просил поговорить со своим мужем, избранным в члены городского общества, о том, чтобы тот исправил свои дурные привычки невоздержанности, дерзкого и несправедливого, немилосердного отношения к ближним. «Если муж твой не оставит этих страстей, то он непременно будет наказан Богом неожиданной смертью», — сказал старец напоследок, взял с печки пучок спичек, подал женщине и прибавил: «На, возьми эти спички, храни их».

Предсказание о смерти мужа сильно смутило женщину, и она не раз потом рассуждала с домашними и знакомыми о странном подарке отца Серафима, но никто не мог растолковать его значение. Наконец, наступил тот страшный час, когда предсказание исполнилось. В один несчастный для этого семейства день над городком собралась ужасная гроза. Раньше в таких случаях благочестивые люди усердно молились от избавления от напасти. Стали молиться и та женщина со своим мужем. Двое их маленьких детей уже спали недалеко от окна. Вдруг над их домом разразился сильный удар грома, и в одно мгновение, вслед за сверкнувшей молнией, оторвался от окна деревянный карниз и расщеплен был в мельчайшие спички, большая часть которых вонзилась в лицо мужа. Пораженный этим ударом, он жил недолго и вскоре умер. Но ни дети, спавшие рядом с окном, ни их мать, молившаяся около мужа, совершенно не пострадали. Вот когда бедная женщина вспомнила слова отца Серафима и поняла значение его странного подарка.

Жизнь — сложная штука. Иные и не думали, что, живя чинно и благородно, могут внезапно впасть в постыдную страсть. Старец и такое предсказывал и объяснял, почему это произойдет. «Необычен случай с племянником княгини Г. из Нижнего Новгорода. Княгиня очень почитала старца Серафима и при случае послала к нему своего племянника, подполковника В. Ф. Островского. Батюшка принял его милостиво и среди наставлений вдруг сказал: «Ах, брат Владимир, какой же будешь пьяница!»

Можно представить, как огорчили подполковника слова прозорливца, — ведь у него имелось столько прекрасных талантов и пользовался он ими во благо ближних: своих подчиненных подполковник любил как отец родной. Он сильно смутился, потому что предсказание было будто не ему — себя он

знал, пьянство было неприлично и его званию, и образу его жизни. Старец, прозрев смущение подполковника, прибавил: «*Впрочем, ты не смущайся и не будь печален: Господь попускает иногда усердным к нему людям впадать в такие тяжкие пороки. И это для того, чтобы они не впали в еще больший грех — высокоумие. Искушение твое пройдет,* по *милости Божией, и ты смиренно будешь проводить остальные дни своей жизни, только не забывай своего греха».*

Дивное предсказание старца сбылось потом в самом деле. Вследствие разных дурных обстоятельств подполковник впал в несчастную страсть — пьянство, и, к общему прискорбию своих родных, провел несколько лет в этом жалком состоянии. В конце концов, по молитвам отца Серафима, за свое простосердечие несчастный оставил порок, но при этом и весь образ жизни переменил совершенно, стараясь жить по евангельским заповедям.

Приходили к старцу на беседу и такие люди, которые не искали себе назидания, а хотели лишь удовлетворить свою пытливость.

С подобными посетителями отец Серафим был особенно кроток, и сама кротость его служила назиданием таким людям. Один саровский инок решил, что близок конец мира и вот-вот наступит великий день второго пришествия в мир Иисуса Христа. Он отправился к отцу Серафиму, чтобы спросить его мнение на сей счет. Его помысл уже был известен старцу, но вышел навстречу иноку и смиренно сказал: «Радость моя! Ты много думаешь о Серафиме убогом. Мне ли знать, когда будет конец миру сему и наступит день, когда Господь будет судить живых и мертвых, и воздаст каждому по делам его? Нет, сего знать невозможно».

Инок в страхе упал к ногам прозорливого старца, тот поднял его и продолжал говорить: «Господь Сам сказал: о дне том и часе никто не знает: ни ангелы небесные, только Отец Небесный». Он вздохнул тяжело: «Мы, на земле живущие, сильно заблудились от пути спасительного: прогневляем Господа нехранением постов. Ныне христиане разрешают себе мясо и в святую четыредесятницу (Великий пост), и во всякий пост, среды и пятницы не блюдут. А Церковь имеет правило: несоблюдающие постов и постных дней в году в среду и пятницу много грешат. Но не до конца прогневается Господь, еще помилует. У нас вера православная, Церковь, не имеющая никакого порока. Этих ради добродетелей Россия всегда будет славна и для врагов непреоборима — имеющая веру и благочестие…

Целую книгу можно составить из известных случаев, которые

подтвердили слово прозорливого старца. Но невозможно не сказать и о его другом, не менее чудодейственном даре исцеления.

Старец имел обычай приходящих к нему больных мазать маслом от лампады, горевшей перед его любимой иконой Богоматери «Умиление», которую он называл «Радость всех радостей». Когда недоверчивые люди хотели испытать его, отчего он так лечит, отец Серафим ответил: «Мы читаем в Писании, что апостолы мазали маслом и многие больные от сего исцелялось. Кому же следовать нам, как не апостолам?»

Об источнике, названном Серафимовым, старец говорил: «Я молился, чтобы вода сия была целительной от болезней». Многих отправлял к нему, чтобы через омовение получить исцеление.

Четыре столба — четверо мощей

Известно имя первого человека, которого исцелил отец Серафим. Это Михаил Васильевич Мантуров, помещик Ардатовского уезда Нижегородской губернии. После своего исцеления он стал вернейшим, преданнейшим соработником в деле святого старца, устроителем земных судеб Дивеевской общины, предназначенной стать четвертым жребием Богородицы, первой женской лаврой. Он стал истинным доверенным лицом отца Серафима, и подобных ему не было. Оттого имя Михаила Мантурова навеки связано с житием Саровского чудотворца Серафима, который называл его ласково «Мишенька».

Мантуров был из дворянского сословия, много лет служил в Лифляндии, там женился на лютеранке А. М. Эрнц. И затем так сильно заболел, что вынужден был оставить службу и переехать в свое имение-село Нуча, недалеко от Сарова. Болел он в высшей степени странно и необъяснимо. Лучшие доктора не могли ни понять, ни объяснить болезнь. Когда начали выпадать кусочки костей из ног, он, движимый последней надеждой, решился ехать к отцу Серафиму. С огромными усилиями его привезли в Саров и дотащили до кельи затворника. Старец вышел к нему и ласково спросил:

— Что пожаловал? Посмотреть на убогого Серафима?

Мантуров рухнул прямо ему под ноги и стал слезно просить исцелить его. Отец Серафим трижды спросил болящего, верует ли тот в Бога, и трижды получил горячее уверение в совершенной пламенной вере. Тогда старец сказал:

— Радость моя! Если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему все возможно от Бога. А потому веруй, что и тебя

исцелит Господь. А я, убогий, помолюсь.

Посадив Мантурова в сенях у гроба, отец Серафим удалился для молитвы к себе в келью, через некоторое время вернулся, неся освященное масло. Он приказал Мантурову обнажить ноги и, приготовившись помазать их маслом, произнес: «По данной мне от Господа благодати я первого тебя врачую!» Помазав больные ноги и надев на них чулки из посконного холста, старец вынес из кельи большое количество сухариков, всыпал их в фалды сюртука Мантурова и велел идти так с ношею в монастырь. С сомнением попробовал исполнить Мантуров приказание отца Серафима. Но внезапно почувствовал в ногах силу и крепко, смело встал на ноги. Удостоверившись в совершенном с ним чуде, пришел в невыразимую радость и какой-то благоговейный ужас, бросился в ноги исцелителю, стал их целовать. Но отец Серафим приподнял Мантурова и строго сказал:

— Разве Серафимово дело живит и мертвит? Что ты, батюшка! Это дело Единого Бога, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает. Господу Всемогущему да Пречистой Его Матери даждь благодарение!

Прошло некоторое время, Мантуров чувствовал себя столь хорошо, что начал забывать о недавней, так мучившей его болезни. Он решил еще раз съездить к старцу. По дороге стал раздумывать над его словами о благодарении Господа. Только он приехал в Саров и дошел до отца Серафима, как тот сам вышел ему навстречу и сказал:

— Радость моя, а ведь мы обещались поблагодарить Господа, что он возвратил нам жизнь.

— Я не знаю, батюшка, чем и как прикажете, — отвечал Мантуров, удивляясь тому, что отец Серафим читал все его мысли.

Взглянув на исцеленного, он сказал:

— Вот, радость моя, все, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!

Мантуров смутился — он никак не ожидал такого предложения со стороны старца. Ему вспомнился евангельский юноша, которому Христос предложил также добровольную нищету ради Царствия Небесного, и тот не смог на это решиться. У него, Мантурова, есть молодая жена, и, отдав все, нечем будет жить, а ведь он дворянин.

Зная его мысли, старец сказал:

— Не пекись, о чем думаешь! Господь не оставит тебя ни в сей жизни, ни в будущей. Богат не будешь, но хлеб насущный у тебя будет.

Всего второй раз видел Мантуров отца Серафима, но он уже

завладел всецело благородным, чистым, привязчивым сердцем Михаила Васильевича. Слово старца было уже для него святыней. Он сказал:

— Согласен, батюшка… Что же благословите мне сделать?

В тот раз мудрый отец Серафим не дал Мантурову определенного указания и отпустил его с благословением приехать позже.

Впоследствии, по слову старца, Мантуров отпустил своих крепостных на волю, продал имение и, сохраняя пока капитал, купил в селе Дивееве на указанном отцом Серафимом месте пятнадцать десятин земли. Старец велел ему хранить землю, никому не отдавать и не продавать и завещать ее после своей смерти Дивеевской общине. На этой земле и поселился пока Михаил Васильевич и стал терпеть недостатки, насмешки от знакомых и друзей и горькие упреки от лютеранки-жены, совершенно не подготовленной к духовным подвигам. Но он переносил все безропотно, молча, терпеливо, смиренно, с благодушием по любви и необычайной своей вере к святому старцу, во всем беспрекословно его слушаясь, не делая ни шагу без его благословения, предав себя и всю свою жизнь в его волю. «Мишенька» стал наиближайшим, наилюбимейшим другом отца Серафима и все, касающееся устройства Дивеева, поручал только ему одному. Все знали это и чтили Мантурова, повинуясь ему беспрекословно, как распорядителю самого батюшки.

До чего доходила нужда и что переживали Мантуровы, неся крест добровольной нищеты, можно судить по рассказу самой Анны Михайловны, жены «Мишеньки», который она записала, будучи уже вдовой и сделавшись тайной монахиней. «Часто и почти непрестанно я роптала и негодовала на покойного мужа за произвольную нищету его. Говорю, бывало: ну можно почитать старца, можно любить и верить ему, но не до такой же степени… Михаил Васильевич все слушает, вздыхает и молчит. Меня это еще больше раздражало. Один раз, когда мы до того дошли зимою, что нечем было осветить комнату, а вечера длинные, тоскливые, холодные, темные, я разворчалась, расплакалась без удержу, сперва вознегодовала на Михаила Васильевича, потом на самого батюшку Серафима, стала жаловаться на горькую судьбу свою… Вдруг слышу треск. Смотрю… Господи! Страх и ужас напал на меня. Боюсь смотреть и глазам своим не верю. Пустая, без масла лампада у образов вдруг осветилась белым огоньком и оказалась полною елея. Тогда я залилась слезами, рыдала и все повторяла: батюшка Серафим, угодник Божий, прости меня, Христа ради, роптунью, недостойную, окаянную, никогда более не буду! И сейчас без страха не могу вспомнить это. С тех пор я

никогда не позволяла себе роптать, а все терпела».

Надо сказать, что отец Серафим за всю свою жизнь только единожды побывал в Дивееве, когда ездили с отцом Пахомием соборовать умирающую матушку Александру, основательницу Дивеевской общины. Все последующее устроение четвертого удела Богородицы отец Серафим делал заглазно, никогда не бывал в Дивееве. По этому поводу он всегда говорил, что своей воли никогда не творил, а был исполнителем воли Царицы Небесной, которую

Она возвещала ему во время частых Своих явлений. Всех явлений за жизнь старца было двенадцать.

В 1823 году, когда отец Серафим ослабил свой затвор, он вызвал к себе Мантурова и, взяв колышек, перекрестился, поцеловал его и, поклонившись своему Мишеньке, сказал: «Ступай ты, батюшка, в Дивеево, стань там напротив среднего алтарного окна Казанской церкви, отсчитай столько-то шагов, и, как отсчитаешь их, батюшка, тут будет межа. От нее ты отсчитай еще столько-то шагов, и будет пахотная земля, потом еще столько-то шагов — будет луговина. Тут уже по своему глазомеру рассчитай, батюшка, где будет самая середина, да в серединке-то этой и поставь колышек и вбей. И чтоб хоть немного, а видно было его».

Мантуров приехал в Дивеево и, очутившись на указанном батюшкой заочно месте, пришел в ужас от удивления. Это было просто поле, но все шаги сошлись с размерами отца Серафима. Мантуров исполнил все в точности. Целый год старец не вспоминал об отмеренном поле в Дивееве, так что Мантуров, совершенно ничего не поняв в притче его, решил, что отец Серафим давно все забыл. Как вдруг он вызвал его к себе и дал на этот раз уже четыре больших колышка, велев снова ехать в Дивеево и на равном расстоянии по углам от того колышка вбить четыре новых. Чтобы они не затерялись, старец просил положить на тех местах по куче камней. Сделал и это Михаил Васильевич, теряясь в догадках, зачем, а у старца спросить не осмеливался. Наконец в 1826 году на том самом месте возникла мельница-питательница дивеевских сирот.

У Михаила Васильевича была сестра Елена, гораздо моложе своего брата, которая мечтала только о светской жизни и замужестве. В 1822 году, на восемнадцатом году от роду, Елена стала невестой, не помышляя ни о чем духовном. Мантуров же, наоборот, успокоенный перспективой брака своей сироты-сестры, не видел больше препятствий к удалению от мира и служению Богу. Но вдруг жизнь Елены Васильевны непонятным образом изменилась. Искренне и горячо любя своего жениха, она отвергла

его, сама не понимая почему, говоря, что он ей вдруг страшно опротивел, не подавая совершенно к тому повода. Свадьба расстроилась, и близкие не ожидали ничего хорошего, боясь, что Елена увлечется рассеянной светской жизнью.

Вскоре скончался богатый дедушка, который давно потерялся из виду, но желавший перед смертью увидеть внуков и оставить им свое состояние. К нему ездила Елена Васильевна.

На обратном пути в уездном городе Княгинине Нижегородской губернии пришлось остановиться на почтовой станции. Елена Васильевна решила напиться чаю. Она послала людей распорядиться, а сама осталась сидеть в карете. Когда все было готово, лакей вышел из дому и при виде своей госпожи вскрикнул и остановился как вкопанный. Елена Васильевна стояла во весь рост, запрокинувшись назад, едва держась за дверцу кареты, и на лице ее был написан такой ужас, что словами передать невозможно.

Немую, с расширенными донельзя глазами, бледную, как смерть, ее внесли в гостиницу. В комнате она долго находилась в ужасном оцепенении.

Горничная уже подумала, что Елена Васильевна умирает, спрашивала у нее несколько раз, не позвать ли священника. Эта мысль постепенно привела ее в чувство, и когда пришел священник, смогла тотчас исповедаться и причаститься запасными дарами. После этого она целый день не отпускала от себя священника, в страхе держалась за его одежду.

Потом Елена Васильевна рассказала брату и невестке: «Оставаясь одна в карете, я немного вздремнула. Когда вздумала выйти из нее, открыла дверцу и невольно почему-то взглянула вверх. Я увидела над своей головой огромного страшного змея. Он был черен и страшно безобразен, из пасти у него выходило пламя, и пасть эта была такой большой, что я чувствовала, что змей меня сейчас полностью поглотит. Видя, как он надо мной вьется и спускается все ниже и ниже, даже ощущая уже его дыхание, я в ужасе не имела сил позвать на помощь, но наконец вырвалась из охватившего меня оцепенения и закричала:

— Царица Небесная, спаси! Даю тебе клятву никогда не выходить замуж и пойти в монастырь!

Страшный змей в то же мгновение взвился вверх и исчез…

После этого случая Елена Васильевна совершенно изменилась в характере — сделалась серьезной, духовно настроенной, начала читать священные книги. Мирская жизнь стала ей невыносима, она жаждала совсем затвориться в монастыре, страшась гнева Божия за неисполнение обета.

Вскоре Елена Васильевна поехала в Саров к отцу Серафиму

просить благословения на поступление в монашество. А он сказал:

— Нет, матушка, что это ты вздумала! Нет, радость моя, ты выйдешь замуж!

— Ни за что не пойду замуж, — обиделась Елена Васильевна.

— Нет, радость моя, отчего же тебе не выйти замуж? Жених у тебя будет хороший, благочестивый, матушка, и все завидовать тебе будут.

— Что это вы говорите, батюшка, да я не могу, не хочу замуж!

— Нет, нет, радость моя, тебе уже никак нельзя, ты должна и непременно выйдешь замуж!

Вернувшись домой, Елена Васильевна много плакала, молилась, просила у Богородицы помощи и вразумления. И все сильнее и сильнее становилось в ней желание посвятить себя Богу. Много раз проверяла она себя, но все более убеждалась, что светское мирское ей не по духу и что она совершенно изменилась. Несколько раз Елена Васильевна ездила в Саров, но отец Серафим все твердил, что она должна выйти замуж, а не идти в монастырь.

Так целых три года готовил ее батюшка к предстоящей перемене в жизни и к поступлению в Серафимову общину, которую он начал устраивать в 1825 году, заставлял работать над собой, упражняться в молитве и приобретать необходимое терпение. Она этого сначала не понимала и чуть не дошла до отчаяния, когда однажды отец Серафим сказал следующее:

— И даже вот что еще скажу тебе, радость моя! Когда ты будешь в тягостях-то, так не будь слишком на все скора: ты слишком скора, радость моя, а это не годится, будь ты тогда потише. Вот как ходить-то будешь, то не шагай большими шагами, а все потихоньку, потихоньку! Если так-то пойдешь, благополучно и снесешь! — Старец даже показал, как нужно тихонько ходить. — Во, радость моя! Также и поднимать, если тебе что случится, не надо так вдруг, скоро и сразу, а вот так — сперва понемногу нагибаться, а потом точно так же понемногу и разгибаться. Тогда благополучно снесешь!

Сильно негодуя на старца Серафима, Елена Васильевна после этого разговора решила больше к нему не обращаться, а съездила в Муромский монастырь и даже купила там себе келью. Настоятельница наговорила ей много приятного. Перед окончательным своим водворением в Муромскую обитель она все же не выдержала и снова поехала к отцу Серафиму проститься с ним. Каково же было ее изумление, когда старец сам вышел навстречу ей и, ничего не спрашивая, строго сказал ей:

— Нет тебе дороги в Муром, матушка, никакой нет дороги и нет тебе моего благословения.

Прозорливость старца во многих случаях была суровым обличителем действовавших по своей воле, она обезоруживала и смиряла таковых. Сердце человека невольно привязывалось к этому праведнику. То же самое почувствовала и Елена Васильевна. Она поняла, что без старца ей не жить, а в Муромском монастыре не у кого будет спросить совета и наставления. Отец Серафим приказал ей пожертвовать Муромскому монастырю деньги, отданные за келью, и больше не ездить туда.

На этот раз Елена Васильевна в отчаяние не пришла, а вполне смирилась со своей участью и возвратилась домой.

Она снова заперлась в своей комнате, из которой почти не выходила, ведя жизнь совершенно отшельническую, отрешенная от всех и вся. Что она делала и как молилась, никому не было известно, только однажды во время страшной грозы над домом Мантуровых обнаружилось, что ее духовное преуспеяние столь велико, что она сподобилась дара запрещать бесам. Во время этой грозы из угла вдруг стал доноситься истошный дикий крик, так что все находившиеся в комнате в испуге бросились к иконам, где молилась Елена Васильевна. Она же спокойно перекрестила угол, и визг пропал.

— Не бойтесь, братец, — сказала она. — Это дьявол. Вот и нет его, разве он может что-либо сделать без воли Божией?

Через полгода после последнего свидания с отцом Серафимом Елена Васильевна снова поехала в Саров и стала неотступно просить его благословить ее на монашескую жизнь. На этот раз старец сказал:

— Ну что ж, если уж тебе так хочется, то пойди за двенадцать верст отсюда, там есть маленькая община матушки Александры, полковницы Мельгуно-вой, погости там, радость моя, и испытай себя!

Елена Васильевна поехала в Дивеево там и осталась, заняв крошечный чуланчик. Было ей тогда, в 1825 году, двадцать лет.

Через месяц вызвал ее отец Серафим к себе и сказал:

— Пора тебе уже и с женихом обручиться.

— Не хочу я замуж, батюшка! — закричала девушка.

— Ты все не понимаешь меня, матушка! Ты только скажи начальнице Ксении Михайловне, что отец Серафим приказал с женихом тебе обручиться, в черную одежку одеться… Ведь вот тебе какой жених-то, Сам Господь! Виден мне весь путь твой боголюбивый. Тут тебе и назначено жить. Тут матушка Александра в мощах почивает, ты ходи к ней каждый вечер и подражай ей так же. Будь голубем, и все будьте между собой как голубки. Вот и поживи-ка ты тут три года голубем.

Отец Серафим сделал ей наставление, как жить в общине: никогда не быть в праздности, ни с кем без нужды не говорить, беречься от любой худой мысли. И правило молитвенное дал и сказал: «Так молись, чтобы никто того не видал, даже бы и не подумал, и будешь ты, аки ангел!» Три года предрек старец для того, чтобы Елена Васильевна смогла приготовиться к принятию иночества — так, как случилось со св. Екатериной-великомученицей, отвергшей всех земных женихов и сподобившейся от Господа принять обручальное кольцо. Отец Серафим просил Елену Васильевну до времени никому не говорить о его заповедях и пророчествах.

Она прожила на свете всего лишь двадцать четыре года, и о блаженной кончине Елены Васильевны расскажем отдельно.

Старец Серафим предсказал: *«Дивное Дивеево будет! Одна обитель будет лавра, а другая киновия*[6]*! И есть там у меня церковь, а в церкви той — четыре столба, и у каждого-то столба будут все мощи! Четыре столба и четверо мощей! Во радость-то какая!»*

Пророчество начало сбываться. В Серафимо-Дивеевском монастыре теперь уже открыто почивают первые мощи самого святого старца. Второй чтимой святой должна стать основательница Дивеевской общины матушка Александра — Агафья Семеновна Мельгунова. Неоднократно и разным людям это предсказывал старец: *…матушка Александра святая была… Как Бог благословит, в мощах она у вас будет».*

После смерти Елены Васильевны отец Серафим утешал своих «сирот»: «Какие вы глупые, радости мои! Ну что плакать-то! Ведь это грех! Мы должны радоваться: ее душа вспорхнула, как голубица, вознеслась ко Святой Троице. Фрейлина Царицы Небесной она, матушки! Лишь радоваться надо, а не плакать. Со временем ее мощи и Марии Семеновны будут почивать открыто в обители, ибо так угодили Господу, что удостоились нетления…

Третьей чтимой святой старец Серафим предрек быть Елене Васильевне Мантуровой. Мария Семеновна — четвертая. «Четыре столба — четверо мощей!» Кто такая Мария Семеновна и чем она заслужила будущую свою славу?

К отцу Серафиму было близко одно крестьянское семейство Мелюковых из деревни Погибловой Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Название деревни никак не оправдало себя. Семейство Мелюковых состояло из брата Ивана Семеновича и двух сестер — Прасковьи Семеновны и Марии Семеновны. Прасковья Семеновна уже поступила по благословенью отца Серафима в общину матери Александры. И вот однажды в 1823 году она привела с собой к старцу свою тринадцатилетнюю сестру

Марию Семеновну.

Прозорливец, провидев путь девочки, не позволил ей возвращаться домой, велел оставаться в общине. Это была необыкновенная, невиданная доселе отроковица — ангелоподобная девочка, сущий ангел Божий. С малых лет она вела подвижническую жизнь, превосходя по суровости даже старших сестер общины, начиная с самой начальницы Ксении Михайловны. Мария Семеновна была совершенной молчальницей, только на самые необходимые вопросы она отвечала с небесной кротостью. Отец Серафим особенно нежно и исключительно любил ее, посвящая во все откровения свои, будущую славу обители и разные тайны, заповедуя не говорить о том до времени, что и выполнила она свято, невзирая на просьбы и мольбы окружающих сестер и родных. Когда она возвращалась от отца Серафима, то вся сияла неземной радостью.

Эта чудная отроковица была всегда погружена в ничем не рассеивающуюся молитву и во всем руководима самим святым старцем. Примером ее безусловного послушания является следующий случай.

Однажды сестра ее спросила о каком-то саровском монахе. Мария Семеновна удивленно и ребячески невинно спросила: «А какие видом-то они, эти монахи, Параша? На батюшку, что ли, похожи?» Удивленная в свою очередь вопросом сестры, Прасковья Семеновна ответила ей: «Ведь ты так часто ходишь в Саров, разве не видала, что спрашиваешь?» — «Нет, Парашенька, — смиренно сказала Мария Семеновна, — ведь я ничего не вижу и не знаю. Батюшка Серафим мне приказывал никогда не глядеть на них, и я так повязываю платок на глаза, чтобы только видеть у себя под ногами дорогу».

Вот каков был этот ребенок-подвижник, проживший всего шесть лет в Дивеевской общине и девятнадцати лет от рождения мирно и тихо отошедший ко Господу. Духом предузнав час кончины Марии Семеновны, старец отец Серафим вдруг заплакал и с величайшей скорбью сказал отцу Павлу, своему соседу по монастырской келье: «Павел! А ведь Мария-то отошла, и так мне ее жаль, так жаль, что, видишь, плачу».

Старец пожелал дать ей от себя выдолбленный из дуба гроб. За ним приехала очень опечаленная сестра Прасковья Семеновна. Отец Серафим приободрил ее и сказал, что перед смертью он постриг Марию Семеновну в схиму (высший монашеский чин, образ полного отречения от мира) и что весь род Мелюковых через Марию (в схиме Марфу) спасется.

Всех, кто приходил в эти дни августа 1829 года к отцу Серафиму, он посылал в Дивеево на похороны Марии Семеновны.

Даже саровских монахов и целую толпу народа, шедшего к нему, старец отправил на погребение, говоря, что, кто сподобится быть там в это время, получит отпущение грехов.

Во время отпевания Прасковья Семеновна, родная сестра почившей, явно увидела в царских вратах алтаря Богородицу и Марию Семеновну, стоящих на воздухе. Старец не был на погребении. Услышав о видении, сказал: «Это Господь и Царица Небесная захотели прославить мать нашу Марфу и Госпожу Марию. И если бы я, убогий Серафим, был бы на погребении ее, то от духа бы ее было бы многим исцеление».

Дивеевская обитель и при отце Серафиме, и много позже его кончины была в очень стесненных материальных обстоятельствах. Старец говорил Марии Семеновне: *«Убогий Серафим мог бы обогатить вас, но это не полезно. Я мог бы и золу превратить в золото* (такие случаи известны из житий святых, например, Спиридона Тримифунтского. — *Н.* Г.), но *не хочу. У вас многое не умножится, а малое не умалится. В последнее время будет у вас изобилие во всем, но тогда уже будет и конец всему».* Это предсказание святого старца о конце света.

Приехал к старцу после похорон Иван Семенович. Старец посмотрел на него и спросил: «Ты родной брат Марии?» Тот ответил: «Да, батюшка».

После этого старец долго-долго думал и еще раз пристально взглянул на стоящего перед ним Ивана. Вдруг он сделался так радостен и светел, что от лица его как бы исходили солнечные лучи, и Иван должен был закрыться от отца Серафима, будучи не в состоянии смотреть на этот свет. Батюшка воскликнул: «Вот, радость моя! Какой она милости сподобилась от Господа! В Царствии Небесном у престола Божия, близ Царицы Небесной со святыми девами предстоит. Она за весь ваш род молитвенница! Она схимонахиня Марфа, я ее постриг. Бывая в Дивееве, никогда не проходи мимо, а припадай к могилке, говоря: «Госпоже и мати наша Марфо, помяни нас у престола Божия во Царствии Небесном!»

Брат Иван Семенович ходил работать в Дивеево, закончил дни свои монахом в Саровском монастыре. Три его дочери поступили в Дивеевскую общину. Сам Иван Семенович вспоминал: «Будучи еще мирским крестьянином, я часто работал у батюшки Серафима, и много-много чудного он предсказывал мне про Дивеево и всегда говорил: *«Если кто моих сирот-девушек обидит, тот большое от Господа получит наказание, а кто заступится за них и в нужде защитит и поможет, изольется на того большая милость Божия свыше. Кто даже сердцем воздохнет да пожалеет их, и того Господь наградит. И скажу тебе,*

батюшка, помни: счастлив всяк, кто у убогого Серафима в Дивееве пробудет сутки от утра до утра, ибо Матерь Божия каждые сутки посещает Дивеево».

И сегодня паломники, зная это предсказание, стараются пробыть в Серафимо-Дивеевском монастыре хотя бы сутки: отстоять положенные службы, причаститься, приложиться к мощам святого и пройти по канавке, прочитав 150 раз архангельскую песнь Богородице «Богородице Дево, радуйся»… Сейчас самой канавки нет, недавно в монастыре вдоль ее периметра поставили железную ограду. По слову Серафима Саровского, эта канавка была прорыта там, где прошла Своими стопами по земле Богородица в одно из своих явлений святому старцу. Теперь каждый день после всенощной выстраивается вереница верующих парами друг за другом и сосредоточенно, читая «Богородицу», следуют вдоль канавки: сначала монахини, за ними миряне. Батюшка Серафим говорил: кто так сделает, тому здесь и Афон будет, и Киев, и даже Иерусалим…

Далеко ездить не надо — вот какую святыню имеем мы в самом центре России. Безбожная советская власть хотела стереть с лица земли само название Сарова. Этот городок, ставший одним из ядерных научных центров СССР, строго засекретили и назвали Арзамас-16. Совсем недавно название вернули, но в Саровский монастырь без специального пропуска пройти нельзя. К святым нужен пропуск. Отец Серафим говорил про Саровскую обитель, что там множество святых монахов почивает, но прославлены они не будут.

Близкий отцу Серафиму священник Казанской Дивеевской церкви отец Василий Садовский однажды пришел к старцу, и тот его спросил:

— Как, батюшка, думаеть, хорош ли Саров?

— Как не хорош, батюшка, чего же еще лучше? — ответил отец Василий.

— Во, во! Ведь Саров только рукав, а Дивеево-то целая шуба! А хорош ли собор-то у нас, батюшка? (Речь шла о Саровском соборе. — *Н. Г.)*

— Хорош, батюшка.

— Хорош, батюшка, как не хорош, очень хорош, — воскликнул отец Серафим. — А я тебе говорю, что у нас *в Дивееве еще лучше того собор будет! И в этом соборе, в Дивееве, все иконы, какие только ни есть на всем свете и даже на Афоне, всех явлений Божией Матери, у меня-то в соборе все они, батюшка, будут. И ты не гляди, какой теперь Дивеев. Скажу тебе, тогда Дивеев будет диво, когда убогий Серафим ляжет в Сарове, а плоть свою перенесет в Дивеево. Много в Сарове почивает святых, батюшка, а*

открытых мощей нет и никогда не будет, а у меня же, *убогого Серафима, в Дивееве будут.*

Так и случилось, что «убогий Серафим», похороненный в Сарове, был перенесен в Дивеево своими мощами в день прославления в 1903 году. В 1920 году рака с его мощами была вскрыта, и останки великого старца исчезли, и их след затерялся. Через семьдесят лет после исчезновения мощи были вновь обретены, выставлены для всеобщего поклонения в Александро-Невской лавре Санкт-Петербурга и в Елоховском соборе Москвы, а затем снова перенесены в Дивеево и положены в Троицком соборе Серафимовой обители. Знаменательно, что со дня кончины старца до первого обретения его мощей прошло тоже семьдесят лет.

В свое время, когда трудами и молитвами старца Дивеевская обитель только еще расцветала, ее великий покровитель однажды в незначительном на первый взгляд разговоре в праздник Рождества Богородицы сказал: *«Придет время, и мои сиротки в Рождественские ворота, как горох, посыплются».* Никто ничего не понял.

Пророчество объяснилось в 1927 году, когда на Рождество Богородицы монастырь закрыли, а монахинь выгнали. Но теперь монастырь вновь возрождается, приобретая былую красоту и славу. Ждут, по неложному слову святого старца, ждут в обители прославления трех монахинь: схимонахини Александры (Агафьи Семеновны Мельгуновой, основательницы Дивеевской общины), схимонахини Марфы (Марии Семеновны Мелюковой), монахини Елены (Мантуровой). Они и лежат все вместе — около Казанской церкви. Христиане теперь могут поклониться этим святым могилам.

Рядом с ними есть еще одна могила — Николая Александровича Мотовилова, «служки Серафимова», человека, с чьим именем связано пророческое слово святого старца к последнему российскому императору.

«Служка Серафимов»

Рассказ о Мотовилове начнем с необычного предсказания одной девочке. Одну из трех дочерей Ивана Семеновича Мелюкова звали Елена. С шестилетнего возраста она жила у своей тетки Прасковьи Семеновны в Дивееве и изредка бывала у батюшки Серафима, который любил заниматься с ней, играл и пророчески говорил, что *она будет «великая госпожа», благодетельница Дивеева.* Приходившим с ней сестрам отец

Серафим приказывал кланяться малютке и благодарить за будущие благодеяния…

Николенька Мотовилов тоже в раннем детстве увидел отца Серафима в первый раз. Мать его, молодая вдова, приезжала к старцу за утешением. Это было в 1816 году. Старец только что отворил двери своей затворнической кельи для посетителей, и вдова богатого помещика Мотовилова с сыном были одними из первых посетителей. Обстановка кельи поразила мальчика настолько, что он и много лет спустя помнил ее во всех подробностях. Особенно запомнилось ему обилие горящих свечей в семи больших подсвечниках перед иконой Божией Матери. Смысла бесед своей матери со старцем мальчик не понимал и заскучал, начал бегать по келье, насколько позволяла теснота. Мать стала упрекать сына, но отец Серафим остановил родительницу:

— С малюткой ангел Божий играет, матушка! Как можно ребенка останавливать в его беспечных играх… Играй, играй, деточка! Христос с тобою!

Достигнув определенного возраста, Мотовилов поступил в Казанский университет. Но в 1826 году умерла мать, оставив Николая семнадцатилетним «действительным студентом», наследником имений в Нижегородской, Симбирской и Ярославской губерниях и попечителем своей пятнадцатилетней сестры.

В те времена дворянская честь требовала обязательной службы государству. Молодой человек, закончив обучение, должен был определиться на службу, уклонение от которой считалось таким позором, что ни одна девушка из порядочного семейства не пошла бы замуж за того, кто не прослужил в военной или гражданской службе царю и отечеству.

А сердце Николая уже было охвачено «страстью нежной» к Катеньке Языковой из старинного рода дворян, живших по соседству с симбирскими деревнями Мотовиловых. Еще двенадцатилетней девочкой приметил он Катеньку, сироту без отца, преданно ухаживающую за своей больной матерью. Нравился ли ей Мотовилов — неизвестно, но надежда видеть любимую девушку своей женой не покидала Николая Александровича долгие годы.

«Чтобы получить руку Языковой, надо служить», — так думал Мотовилов. Через подругу своей покойной матушки Н. И. Саврасову семнадцатилетний молодой человек познакомился с симбирским губернским предводителем князем Баратаевым и вскоре так с ним сблизился, что тот открыл Мотовилову, что он — гранметр ложи Симбирской и великий мастер Иллюминатской

Петербургской ложи, иными словами, масон. Вот слова самого Мотовилова:…Он пригласил меня вступить в число масонов, уверяя, что если я хочу иметь какой-либо успех в государственной службе, то, не будучи масоном, не могу того достигнуть ни под каким видом. Я отвечал, что батюшка, родитель мой, запретил мне вступать в масонство, потому что это есть истинное антихристианство, да и сам я, будучи в университете и найдя книгу о масонах, в этом совершенно удостоверился и даже видел необыкновенные видения, предсказавшие судьбу всей жизни моей и возвестившие, что мне идти против масонства, франкмасонства, иллюминатства, якобинства, карбонарства и всего с ними тождественного и противящегося заповедям Господним. Это так разозлило и еще больше — мое простодушно открытое намерение ехать в С.-Петербург для определения на службу в Собственную Его Императорского Величества канцелярию, что он поклялся мне, что я никогда и ни в чем не буду иметь успеха, потому что сетями масонских связей опутана не только Россия, но и весь мир.

Вскоре после этого вышел закон, чтобы молодые люди, хоть и окончившие курс учения, не имели бы права отправляться на службу в столицу, а должны были бы послужить три года в губернии для ознакомления с процедурой провинциальной службы».

Уверенность князя Баратаева, что Мотовилову за его отказ вступить в члены масонской ложи ни в чем не будет успеха, оправдалась вскоре на деле. На открывшуюся вакансию почетного смотрителя Корсунского уездного училища Мотовиловым была выставлена своя кандидатура. Но когда ему дали знать от совета Казанского университета, что он избран на эту должность, Баратаев вызвал его к себе и сказал:

— Этой должности вам не видать как своих ушей. И не только этой должности вы не получите, но и не попадете ни в какую другую государственную должность, ибо Мусин-Пушкин (тогдашний попечитель Казанского учебного округа. — *Н. Г.)* и министр князь Ливен — подчиненные мне масоны. Мое приказание — им закон!

С этого момента началась травля Мотовилова, со временем превратившаяся в гонение, которое довело его в конце концов до такого нервного расстройства, что он был прикован к постели и в тяжких страданиях промучился более трех лет. Распространяли слухи, что он сумасшедший, и тем помешали браку с Языковой. Во времена губернатора Загряжского его ухитрились даже подвергнуть личному задержанию по обвинению в государственной измене. От ареста он избавился только после

вмешательства министра юстиции Д. В. Дашкова.

Тяжелая болезнь, не поддававшаяся никаким врачам, продолжалась у Мотовилова с девятнадцати до двадцати двух лет. Измучив его тело, она укрепила дух. За исцелением он поехал к отцу Серафиму. Вот как он сам описывает случившееся.

«За год до пожалования мне заповеди о служении Божией Матери при Дивеевской обители великий старец Серафим исцелил меня от тяжких и неимоверных, великих ревматических и других болезней, с расслаблением всего тела и отнятием ног, скорченных и в коленках распухших и язвами пролежней на спине и боках, коими я страдал неисцельно более трех лет.

9 сентября 1831 года батюшка отец Серафим одним словом исцелил меня от всех болезней моих. Велел я везти себя, тяжко больного из своего нижегородского имения к батюшке отцу Серафиму.

5 сентября я был привезен в Саровскую пустынь, 7-го и 8-го — в день Рождества Богородицы, удостоился я иметь две первые беседы с батюшкой в монастырской келье его, но исцеления еще не получал. А когда на другой день, 9 сентября, привезен был я к нему в ближнюю его пустыньку близ его колодца, и четверо человек, носившие меня на своих руках, а пятый, поддерживающий мне голову, принесли меня к нему, находившемуся в беседе с народом, и посадили около очень толстой сосны. На просьбу мою исцелить меня он сказал:

— Да ведь я не доктор. К докторам надобно относиться, когда хотят лечиться от болезней каких-нибудь.

Я подробно рассказал ему бедствия мои и что я все три главные способы лечения испытал, а именно: аллопатией лечился у знаменитых в Казани докторов, гидропатией — на Сергиевских минеральных серных водах Самарской губернии, взял полный курс лечения гомеопатией у самого основателя и изобретателя сего способа Ганнемана через ученика его, пензенского доктора Питерсона. Но ни от одного способа не получил исцеления болезней моих и теперь ни в чем уже не полагаю спасения, кроме только лишь благодатию Божией.

И он сделал мне вопрос:

— А веруете ли вы в Господа Иисуса Христа, что он есть Богочеловек, и в Пречистую Его Божью Матерь, что Она есть Приснодева?

— Верую, — отвечал я.

— А веруешь ли, что Господь, как прежде, исцелял мгновенно и одним словом Своим, и прикосновением Своим все недуги, бывшие на людях, так и ныне так же легко и мгновенно может по-прежнему исцелять требующих помощи одним же словом Своим,

и что ходатайство к Нему Божией Матери за нас всемогуще, и что по сему ходатайству Господь Иисус Христос и ныне также мгновенно и одним словом может исцелить вас?

Я отвечал, что истинно всему этому всей душой моей и сердцем верую и, если б не веровал, не велел бы везти себя к нему в Саров.

— А если веруете, так вы уже и здоровы.

— Как здоров? — спросил я. — Люди мои и вы держите меня на руках.

— Нет, вы совершенно всем телом вашим теперь уже здравы вконец. — И он приказал державшим меня на своих руках людям отойти от меня, а сам, взявши меня за плечи, приподнял от земли и, поставив на ноги мои, сказал: — Крепче стойте, тверже утверждайтесь ногами на земле… вот так! Не робейте! Вы совершенно здравы теперь! — и потом прибавил, радостно глядя на меня: — Вот видите, как вы хорошо теперь стоите.

— Поневоле хорошо стою, потому что вы крепко держите меня.

И он, отняв руки свои от меня, сказал:

— Ну вот я уже теперь и не держу вас, а вы и без меня крепко стоите, идите же смело, батюшка мой. Господь исцелил вас!

Взяв меня за руку и подталкивая, повел меня отец Серафим по траве, по неровной земле, говоря:

— Вот, ваше боголюбие, как вы хорошо пошли.

— Да это потому, что вы меня вести изволите, — отвечал я.

— Нет! — сказал он, отняв от меня свою руку. — Не ушибетесь, твердо пойдете. Что, теперь удостоверились ли вы, что Господь исцелил во всем совершенно? Отъял Господь беззакония ваши и грехи ваши очистил? Веруйте же всегда несомненно в Него, всем сердцем возлюбите и прилепитесь к Нему всей душой вашей и всегда крепко надейтесь на него и благодарите Царицу Небесную за Ее к вам великие милости. Но, так как трехлетнее страдание тяжко изнурило вас, то вы теперь не вдруг много ходите, а постепенно и берегите здоровье, как драгоценный дар Божий.

И довольно еще побеседовав со мной, отец Серафим отпустил меня в гостиницу совершенно здоровым. Люди мои пошли одни из леса, я же сел безо всякой поддержки в экипаж и возвратился в гостиницу. А так как многие богомольцы были со мной при исцелении моем, то прежде меня возвратились в монастырь, всем возвещая о великом чуде этом. Лишь только приехал я, игумен Нифонт с 24 старцами иеромонахами саровскими встретили меня на крыльце гостиницы, поздравляя меня с милостью Божией через великого старца Серафима мне во дни их дарованную. И сим

благодатным здоровьем пользовался я восемь месяцев настолько, что никогда такого здоровья и силы не имел во всю мою жизнь. Часто в течение этого времени и подолгу бывал я в Сарове и неоднократно беседовал с сим великим старцем Серафимом и в одну из бесед[7] его в конце ноября 1831 года имел счастье видеть его светлее солнца в благодатном состоянии наития Святого Духа, а потом слушать многие тайны о будущем состоянии России».

Совершившееся чудо произвело на Мотовилова потрясающее впечатление и определило всю его дальнейшую деятельность на Божьей ниве. Мир между тем все же врывался в его душу, не уставая в борьбе с устремлениями духа, увлекая своими соблазнительными приманками. Из самых обольстительных призраков была возгоревшаяся любовь к Языковой. Истерзанная душа Мотовилова в ней и только в ней стала искать полноты земного счастья. Эта тайная душевная борьба не могла утаиться от прозорливости старца, и когда она стала величайшей сердечной мукой, он спросил, почему Мотовилов все как будто хочет спросить, но как будто не смеет…

«Я сказал, — писал в своих записках Мотови-лов, — что я чрезвычайно люблю одну девицу дворянку и хотел бы, чтобы батюшка Серафим помолился о ней, чтобы Господь нарек мне ее в невесты.

— А разве она так хороша собой, — спросил он, — что вы ее так усердно и крепко любите, ваше боголюбие?

Я отвечал, что она хоть и не красавица в полном смысле этого слова, но очень миловидна. Но более всего меня в ней прельщает что-то благодатное, что просвечивается в лице ее.

— А почему же не красавица? — спросил меня отец Серафим. — По вашему описанию она должна быть таковою!

— Потому, что для полноты типичной красоты надо иметь большой рост, стройность корпуса, царственность взгляда и многое другое, чего она не имеет. Но в замену того у нее есть нечто столь затрагивающее душу человека, чего и многие красавицы не имеют.

— Да что же это такое?

— Это то, что она как монастырка воспитана.

— Как? — переспросил старец. — Как монастырка? Я не вник хорошенько в ответ ваш!

— Я вот что разумею под этим. Отец рано оставил ее сиротой — пяти или шести лет, и она росла в уединении при больной своей матери, как в монастыре, всегда читывала ей утренние и вечерние молитвы, а так как ее мать была очень религиозна и богомольна, то у одра ее часто бывали и молебны, и всенощные.

Воспитываясь более десяти лет при такой боголюбивой матери, и сама она стала как монастырка. Вот это мне в ней более всего и нравится.

— Что же, ваше боголюбие, разве монастырки лучше воспитаны, чем светские девушки?

— Конечно! В большем страхе Божием, с большей любовью и благоговением, чем мы, мирские!

Великий старец глубоко внимательно слушал мой ответ и как бы в забытьи спросил меня:

— А много ли лет вашей преднареченной невесте?

— Думаю, что ей теперь не больше 16–17, — ответил я.

— Что вы, ваше боголюбие! Нет! *Вашей, от Бога вам тгреднареченной невесте теперь 8 лет и несколько месяцев,* а ведь по новому постановлению Синода мужчине моложе 18 лет, а девушке — 16-ти нельзя вступать в брак. Так не подождать ли вам вашей преднареченной Богом невесты этак лет 8 или 10? Никак нельзя — молода еще очень.

— Да помилуйте, батюшка отец Серафим! Как же молода. Ведь и по новому закону мне на ней жениться можно!

— Да о ком вы говорите мне, убогому Серафиму?

— О Языковой, Екатерине Михайловне.

— А! О Языковой… Ну, я не о ней говорю вам. А я, убогий Серафим, о преднареченной вам от Бога невесте говорю, а ей, ваше боголюбие, уверяю вас, не больше 8 лет!

Помолчав немного, батюшка продолжал:

— Ведь иное, ваше боголюбие, просить Бога, чтоб Он преднарек кому невесту, о чем вы сейчас просите меня, убогого Серафима, а иное, когда Господь уже Сам кому какую невесту преднаречь соизволил, как вот, например, для вашего боголюбия. Невесте вашей теперь не более 8 лет и 5 месяцев. Уж это, поверьте, в точности верно. А о судьбах Божиих и непостижимой их неисповедимости я, убогий Серафим, вам вот что сказать имею. Известны вам из Библии Товит и сын его Товия? Вот сын Товита и молился, бывало, чтоб Господь ему такую-то именно невесту дал. А Сарра, дочь Рагуила, в то же время, бывало, также молится Богу, чтоб Он ей такого-то жениха дал. А ангелы-то их молитвы обоих и возносят к престолу Бога Вседержителя… Вот Господь, видевши, что оба они одного просят у Него, и решил по Своей благости соединить их обоих узами святого брака. А ведь между ними было несколько сот верст и они друг друга не знали. Но Совет Божий столь тверд был в соединении их, что Господь даже бесу попустил быть около Сарры, который убивал всякого другого жениха, кроме Товии, который дерзнул бы прикоснуться к ней. Хотя она была и за семерых женихов отдаваема, но все

семь были поражены смертью, ибо не им она была уготована от Бога. Когда же Провидению Божьему благоугодно было соединить Товию и Сарру, то Товии Господь послал в спутники архангела Рафаила, и он на пути к селению Рагуилову поймал в реке Тигр рыбу и велел Товии изъять из нее желчь, как потом оказалось, для прогнания духа злобы от Сарры. Вот, ваше боголюбие, каковы-то судьбы Божии! Кто бы мог подумать, чтобы разделенные таким дальним расстоянием Товия и Сарра вступили между собой в брак! Но невозможное человеку возможно Богу!

Тут батюшка отец Серафим приостановился и как бы задумался и, вдруг свернув речь на другое, внезапно спросил:

— А что, ваше боголюбие, вы сделали с девушкой вашего дворового человека, что у вас жила?

Я обмер, испугавшись прозорливости старца. Вместе с тем он как бы не стал бранить меня за мой грех. Но старец, не дождавшись моего ответа, стал продолжать:

— Святая церковь в своих соборных правилах так узаконивает, что, если кто возьмет свободную девушку и живет с нею, тот обязан на ней жениться после, и это долг требует. Если же девица не пожелает того, то устроить ее жизнь настолько безбедно, чтобы она уже потом, по одной тяготе бедности, не могла впасть в новые грехи и всегда благодарила бы Господа.

— Я так и сделал! — сказал я батюшке.

— Ну очень хорошо, что вы так сделали, и да благословит вас Господь Бог. А были ли у вас от нее дети?

— Были: сын и дочь.

— Живы ли они?

— Нет.

— Ну, если нет, то да упокоит их Господь во Царствии Своем. А если живы были бы, то надлежало вам воспитать их в страхе Божьем, ибо, ваше боголюбие, не надобно презирать и незаконных детей — они не виноваты в своем появлении на свет, да и родителей их лучше не осуждать, ибо неосуждение есть половина спасения».

Несколько раз еще отец Серафим просил Мотовилова жениться на преднареченной ему от Бога невесте и кланялся в ноги, а когда услышал от него, что просьбу эту исполнит, старец сказал:

«— Благодарю вас! Не забудьте же эту девушку! А она, скажу вам я, убогий Серафим, как ангел Божий по душе, и по плоти… Но, может быть, вы смутитесь, когда я вам скажу ее звание! Она простая крестьянка, но не смущайтесь сим, ваше боголюбие!»

Во время этой беседы в октябре 1831 года Мо-товилов не имел еще никакого понятия ни о Дивееве, ни о той роли, которую

он впоследствии должен сыграть в судьбах Серафимовой обители.

Восьмилетняя в то время девочка Елена Мелю-кова (дочь Ивана Семеновича и племянница Прасковьи Семеновны и Марии Семеновны, в схиме Марфы) тогда не могла представить себе, что когда-нибудь выйдет замуж, да еще за богатого дворянина, который в будущем не постоит ни перед чем, чтобы исполнить заветы своего батюшки и в мирском облике станет настоящим «служкой Серафимовым». Девочка Елена, воспитываемая в общине двумя монахинями-тетками, готовилась на всю жизнь остаться в монастыре.

Но настало время и исполнению пророчества о сочетании браком святым двух любимцев отца Серафима. В хлопотах о Дивееве, часто его посещая уже после смерти великого старца, Мотовилов в одну из своих поездок заболел и вынужден был больше года пролежать в своем доме вблизи монастыря. Во время этой болезни он и узнал свою невесту — семнадцатилетнюю красавицу Елену Ивановну Мелюкову, которая жила в монастыре, носила «черненькое», но обетов иноческих не принимала.

Не трудно догадаться, на какой почве произошло это сближение: любовь к почившему старцу, любовь к Дивееву, общие интересы стали основой счастливого благословенного брака, который состоялся в 1840 году при обстоятельствах, во всем согласных с предсказаниями Серафима, Саровского чудотворца. Желание Мотовилова было за его послушание вознаграждено сполна: Елена Ивановна являлась в полном смысле «монастыркой» и при этом «ангел Божий по душе и по плоти». У супругов было шестеро детей. Это тоже предсказал отец Серафим.

Елена Ивановна рассказывала: «Привели меня к батюшке в его пустыньку, что стояла в Саровском лесу. Я еще тогда совсем маленькая была и только начинала учиться грамоте. Батюшка взял меня на руки, поставил меня на стол в своей келье и дал мне шесть азбучек (букварей. — Н. Г.).

— На тебе эти азбучки, по времени они тебе пригодятся!

Были у меня в то время брат и сестра, стало быть — трое. Для кого же, думали мы тогда, еще три? А вышла замуж за своего Мотовилова, и было у меня ровно шесть детей, которых всех по этим азбучкам-то и выучила.

«Служка Серафимов» — это высокое и чрезвычайное звание, не доступное для простого смертного, не могло быть дано человеку без особых испытаний. Обилие чудес и знамений, свидетелем которых оказался Мотовилов, близкое общение с великим светочем православия — такое близкое, что можно назвать сотаинничеством, наконец, величие возложенной на него отцом Серафимом миссии — потребовало от этого человека

мужества необычайного.

Старец заповедал Мотовилову не искать больше руки Языковой. Но, приехав в свое имение, он решился сделать предложение и получил отказ. Это было в мае 1832 года. Языкову уже просватали за известного философа и поэта Хомякова. Наказание Божие не замедлило постигнуть Мотовилова за нарушение обета: у него вновь отнялись ноги.

Прострадав более четырех месяцев, он услышал об открытии в Воронеже мощей святителя Митрофана и по совету родных решился ехать туда. По дороге Мотовилов заехал в Саров, помня о первом своем исцелении молитвами отца Серафима. Он встретил больного участливо, сказал:

— Помолимся, чтоб Господь возвестил нам, мне ли по-прежнему исцелить вас или отпустить в Воронеж.

На следующий день старец произнес свой приговор. Он сказал, что ночью ему было открыто все о жизни Мотовилова от рождения и до самого успения, но об этом не велено было извещать болящего, чтобы он не соблазнился. Отец Серафим только намекнул, что *«вся вашего боголюбия жизнь будет исполнена таких принуд и странностей,* но *это оттого, что у вас светское так тесно соединено с духовным, а духовное со светским, что отделить их нельзя*!.. В самом конце беседы старец сказал: *«Грядите с миром в Воронеж — там исцелитесь!»*

Это была последняя беседа старца с Мотовиловым, в которой он заповедал ему служение Божией Матери через служение Дивеевской обители. Призвав двух сестер — Евдокию и Ирину, в свидетельницы, отец Серафим сказал им, чтобы после смерти его все насельницы общины подробно рассказывали бы Мотовилову обо всем происходящем, ничего бы не скрывали от него и слушались бы его советов мирских, потому что Богородице угодно назначить Мотовилова питателем обители. Обратясь же к Мотовилову, старец приказал ему, чтобы в свое время он бы стал свидетелем всего, что делалось в Дивееве при «убогом Серафиме». И теперь, если мы и знаем тщательное и подробное житие преподобного, то этим православие более всего обязано Николаю Александровичу Мотовилову.

«И давши мне заповедь о служении своим дивеевским сиротам, — записал он, — батюшка отпустил меня с миром в Воронеж, куда я и прибыл 19 сентября 1832 года, а потом в ночь на 1 октября, на праздник Покрова Богородицы, получил я от этой вторичной болезни совершенное и скорое исцеление молитвами Антония, епископа Воронежского и Задонского».

Дни Серафимовы близились к закату. Завет, данный им Мотовилову, уже указывал на то, что и счет этим дням был

известен великому старцу, и старец, предвидя угрозы будущего, нависшие над головой своего служки, как бы передавал его из своих рук в руки другого благодатного покровителя и духовного советника — архиепископа Воронежского Антония.

После своего исцеления в Воронеже Мотовилов был задержан на некоторое время. В покоях архиепископа, полюбившего его и принявшего в его судьбе сердечное участие, Мотовилов занялся собиранием материалов для составления жития и описания чудес новопрославленного святителя Митрофана, Воронежского чудотворца.

К концу декабря 1832 года Мотовилова охватила сильная тревога, и он сказал епископу Антонию, что хочет ехать к батюшке Серафиму. Провидя, что Мотовилов уже не застанет его в живых, и опасаясь потрясения еще не вполне окрепшего организма, епископ Антоний задержал его на время. Рано утром 2 января 1833 года, в день кончины преподобного, томимый предчувствием, Мотовилов вбежал к Антонию во внутренние покои и услышал сам пророчество о смерти отца Серафима. В тот же день епископ отслужил по почившему панихиду. 4 января Мотовилов выехал из Воронежа и 11-го прибыл в Саровскую пустынь, увидев свеженасыпанную могилу дорогого батюшки.

Мотовилов тогда же купил «дальнюю пустыньку» отца Серафима и вместе с «ближней», которую Саров уступил Дивееву, перевез к истинно осиротевшим сестрам. При его посредстве большая часть вещей преподобного была собрана и передана в собственность Дивеевской общины, сохранилась для потомков.

После этого Мотовилов возвратился в Воронеж просить благословения епископа Антония на поездку в Курск для сбора сведений о начале жизни батюшки Серафима. Но епископ долго отговаривал его от поездки, прозревая страшную беду, грозящую Мотовилову… Однако пылкий и скорый на решения «служка Серафимов» не хотел и слышать об отсрочке. Нехотя владыка благословил его.

На обратной дороге из Курска на одной из почтовых станций пришлось заночевать. Перед сном он разбирал бумаги и наткнулся на запись об исцелении при мощах святителя Митрофана бесноватой девицы из дворян. И тут Мотовилов допустил дерзкую мысль:

«Вздор, этого не может быть! Посмотрел бы я, как в меня вселился бы бес, если я часто причащаюсь»… И в это самое мгновение страшное, холодное, зловонное облако окружило его и стало входить в судорожно стиснутые уста. Руки были точно парализованы и не могли сотворить крестного знамения.

Отвратительно ужасное совершилось, и для Мотовилова

начался период тягчайших мучений. В этих страданиях он вернулся в Воронеж: «Продолжались эти муки в течение трех суток, так что я чувствовал, что весь внутри сожигался, но не сгорал». Утихли адские муки только после исповеди и причащения Мотовилова. По всем сорока семи воронежским церквам и монастырям были заказаны заздравные молебны. Епископ Антоний молился сугубо.

Вскоре после этого страшного и недоступного для обыкновенного человека испытания Мотовилов имел видение своего покровителя преподобного Серафима, который утешил страдальца обещанием, что ему дано будет полное исцеление при открытии мощей святителя Тихона Воронежского и что до того времени вселившийся в него бес уже не будет его так жестоко мучить.

Только через тридцать с лишним лет состоялось долгожданное торжество открытия мощей святителя Тихона Задонского, Воронежского чудотворца. В самый день праздника, за литургией, Мотовилов стоял в алтаре, молился и горько плакал о том, что Господь не посылает ему того исцеления, которого, по обещанию Серафима Саровского, ждала его измученная душа. Во время пения Херувимской он взглянул на горнее место и увидел на нем святителя Тихона, который благословил плачущего Мотовилова и стал невидим. Мотовилов в одно мгновение почувствовал себя исцеленным.

Богатый, благочестивый, но болящий муж достался Елене Мелюковой. И нужно было быть истинной «монастыркой», чтобы суметь вытерпеть тяжелые приступы его болезни. Прозорливый старец несомненно провидел будущее и знал, что эта пара соединена на небесах.

Приступы болезни Мотовилова выражались в жестокой по временам, неотвязной тоске, которая грызла его душу и отступала, бывало, только после причащения Святых Тайн и в паломнических поездках в дальние и ближние монастыри Киева, Воронежа, Задонска, Сарова, Дивеева. Он жил в тесном общении со всеми истинными столпами православия своего времени.

Мир не принял Мотовилова, ославил его сумасшедшим за то, что он пытался донести до людей грозные пророчества старца о судьбах России. Теперь святость Серафима Саровского ему, Мотовилову, защита, но в то время ему суждено было испить чашу горечи до дна, и он ее бестрепетно выпил, ни разу не поступившись своей верой и убеждениями.

Последние годы жизни Мотовилов окончательно предался странничеству. По всему простору Руси видели его красную шубу. Его так и звали: «барин в красной шубке». В марте 1878 года

рассказывал он жене Елене Ивановне свой сон:

— Видел я сегодня во сне Царицу Небесную. Милостиво она так на меня взглянула, да и говорит мне: напиши-ка в Задонск к Зосиме (наместнику Задонского монастыря в семидесятых годах прошлого века. — *Н. Г.),* чтобы он выслал тебе точную копию моей иконы, которая служит там запрестольным образом. Когда ты ее получишь, то я поведу тебя по таким святым местам, которых ты еще не видел, и покажу тебе таких угодников Божиих, о которых ты и не слышал… Вот, матушка, не написать ли мне Зосиме, пусть вышлет мне эту икону.

— Куда ж ты ее денешь? Ведь у нас вся образная увешана иконами, — ответила Елена Ивановна.

— Куда-нибудь да денем.

В Задонск написали, и на это письмо наместник Зосима ответил так: «Знаю я, что у тебя места в образной уже нет. Образ большой, Прости, выслать тебе его не могу».

Не прошло и недели, как Мотовиловы получают новое письмо от Зосимы, в котором он просит прощения за отказ, потому что после первого письма явилась ему во сне Богородица, с угрозой ему выговаривающая, как он посмел не исполнить мотовиловской просьбы. «Икона тебе вышлется, как только мы ее напишем», — заключил второе письмо наместник.

Эту икону прислали Мотовилову в июле, место ей нашли. Елена Ивановна вспоминала: «Смотрю — начал он класть под икону ту деньги. Завернет в бумажку — и положит. Так и день, и другой, и много дней. Ну, думаю, собирается, стало быть, к святым местам, денег набирает. Так прошло с полгода, а он все никуда не ехал… И вдруг заболел мой Мотовилов, лег в постель и стал все хиреть и хиреть — доктора и болезни никакой не могли определить. А через день умер, не умер, а заснул — тихо-тихо, как ребенок. В день кончины и Тайн Святых причастился. Тут только я поняла, что это были за святые места и Божии угодники, которых обещала ему показать Богородица. За три дня до смерти застала я его утром такого радостного, веселого.

— Видел я, — говорит, — наш двор полон: все мои святые благодетели у нас на дворе собрались. Вот радость-то!

Похоронили мы его в Дивееве, и сколько собрал Мотовилов мой денег под иконой той, столько и стоили мне его похороны».

Монахиня Елизавета, келейница дивеевской игуменьи Марии, говорила так: «Николай Александрович, уезжая перед своей смертью в симбирское свое имение, был совершенно здоров. Прощаясь с нами, сказал: «Ну прощайте, матери! Бог даст, хоть бочком, да протащите меня к себе». Мы в этих словах усмотрели, что Николай Александрович говорит о жизни будущего века, про

уготованные Богом Дивееву небесные обители. А вышло, что он свою смерть предрекал. Привезли его хоронить к нам, по его завещанию. Хотели внести в наш Рождественский храм, а гроб-то был большой и не мог войти в двери храма, и пришлось внести «бочком», так-таки бочком и протащили».

Окончилась многострадальная жизнь «Серафимова служки» в семьдесят лет. Блаженный он был, блаженным и умер.

«Честна пред Господом смерть преподобных Его»

Было невозможно не удивляться, сколько бодрости сохранялось в теле страшно изнуренного семидесятидвухлетнего старца Серафима, который много раньше смерти чувствовал, что физически мертв… Он так и сказал однажды: «Телом я по всему мертв, а духом только сейчас родился». Мысль о близкой смерти — близкой уже потому, что он почти дошел до обыкновенного предела человеческой жизни, вступив в восьмой десяток, приводила его в восхищение. Как-то одна монахиня, приходившая в Саров навестить его, спросила, прощаясь с ним, когда они увидятся. «Там увидимся! — сказал ей прозорливый старец и, поднимая руки к небу, воскликнул: — Там лучше, лучше, лучше!»

Несколько десятилетий в сенях при келье отца Серафима стоял дубовый гроб, сделанный его собственными руками, так как он был искусен в столярном деле, и давно было отмечено тяжелым камнем место, избранное им для могилы, у алтарной стены. Чуть больше чем за год до смерти отец Серафим начал прощаться с посещавшими его почитателями и говорил им: «Скоро двери убогого Серафима затворятся, и меня более не увидите». Некоторым людям он приказывал писать письма, чтобы приехали проститься с ним. На письма других, просивших его совета и благословения повидаться с ним, диктовал ответы, что более не увидится с ними.

Однажды в последние дни жизни старца один инок саровский, придя к нему вечером, спросил у него, почему, против обыкновения, в келье отца Серафима темно. Едва старец сказал, что нужно зажечь лампадку, и трижды перекрестился, произнося: «Владычице моя, Богородице», как лампада зажглась сама собой.

Тот же инок пришел к нему в другой раз в семь часов вечера и застал его в сенях стоящим у гроба.

Обычно старец давал этому иноку огня из своей кельи, и вот за этим огнем он и пришел теперь. Увидев его, отец Серафим сказал: «Ах, лампада моя угасла, а надобно, чтоб она горела». И начал молиться пред образом Богоматери. В это время перед

иконой появился голубоватый свет, потянулся, подобно ленте, стал навиваться на светильню большой восковой свечи, и она зажглась. Старец, взяв маленькую свечку и засветив ее от большой, дал ее в руки пришедшему брату.

Во время беседы с иноком старец, между прочим, упомянул, что на днях прибудет в обитель гость из Воронежа, назвал его имя, сказал, что следует передать гостю, и добавил: «Он меня не увидит». Лицо старца во время этого разговора сияло светом. Наконец, старец сказал: «Дунь на эту свечку!» Инок дунул, и свеча погасла. «Вот так, — сказал задумчиво старец, — угаснет и жизнь моя, и меня уже более не увидят».

Понял тогда инок, что старец говорит о своем конце, и заплакал. И опять какой-то свет озарил лицо старца, и, поцеловав инока, он с великой любовью сказал ему: «Радость моя, теперь время не скорби, но радости. Если я стяжу дерзновение у Господа, то повергнусь за вас ниц пред Престолом Божиим». Так оно и случилось. Спустя семьдесят лет после своей блаженной кончины батюшка Серафим был причислен к лику святых в чине преподобных и, по молитвам чтущих его, помогает, исцеляет, утешает, как и при своей жизни.

Тому же иноку старец открыл великую тайну своей жизни. «Некогда, — сказал отец Серафим, — читая в Евангелии от Иоанна слова Христа Спасителя: «В доме Отца Моего обителей много», я, убогий, остановился на них мыслью и возжелал видеть сии небесные обители. Пять дней и пять ночей провел я в молитве и бдении. И Господь, по великой Своей милости, не лишил меня сего утешения: по вере моей показал мне сии вечные кровы, в которых я, бедный странник земной, минутно туда восхищенный (в теле или бестелесно — не знаю), видел неисповедимую красоту райских селений и живущих там: Великого Предтечу и Крестителя Иоанна, апостолов, святителей, мучеников и преподобных отцов наших Антония Великого, Павла Фивейского, Савву Освященного, Онуфрия Великого, Марка Фраческого и других святых, сияющих в неизреченной славе и радости…»

За неделю до конца, 25 декабря 1852 года, старец имел продолжительную беседу с одним посетителем, помещиком, который искал у него разрешения множества важных жизненных вопросов. В этот день отец Серафим выстоял литургию, отслуженную игуменом Нифонтом, по обычаю, причастился и после литургии долго беседовал с игуменом. Он просил его о многих иноках, особенно из новоначальных. Тогда же старец напомнил, чтобы после смерти его положили в дубовый гроб, сделанный собственными руками. В тот же день старец передал

иеромонаху Иакову финифтяный образ «Посещение Богоматерью преподобного Сергия Радонежского» и просил, чтобы этот образ положили на него и с ним опустили в могилу. Этот образ был прислан из Троице-Сергиевой лавры, от мощей преподобного

Сергия, наместником лавры архимандритом Антонием, который бывал когда-то у старца и которому отец Серафим предсказал тогда перевод в лавру.

Наступил 1833 год. Первый его день совпал с воскресеньем. В последний раз пришел старец к обедне в дорогую ему больничную церковь соловецких чудотворцев. В свое время инок Серафим ходил по России, собирая пожертвования на постройку этой церкви. Престол в ее алтаре был устроен его руками.

В этот раз заметили, что он сделал то, чего раньше не делал: обошел все иконы, ставя к ним свечи и прикладываясь. Он причастился. Затем стал прощаться со всей присутствующей братией, говоря: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте. Нынешний день вам венцы готовятся». Он казался крайне изможденным, но при телесной слабости был духом бодр, оживлен и весел.

По прощании с братией батюшка Серафим зашел к старцу Высокогорской Арзамасской пустыни иеромонаху Феоктисту. Прощаясь с ним, отец Серафим сказал: «Ты уж отслужи здесь». Торопясь домой, иеромонах от этого отказался. Тогда старец промолвил: *«Ну так ты завтра в Дивееве отслужишь».* Не поняв его слов, иеромонах отправился в путь. Для ночлега он остановился в деревне Вертьяново, у самого Дивеева, и на следующее утро тронулся дальше. Вдруг безо всякой причины оборвалась завертка у его саней, выпряглась лошадь, и он должен был остановиться в Дивееве. Тут он услышал о кончине отца Серафима, и плачущие сестры дивеевские просили его отслужить по старцу панихиду. Так сбылось сказанное накануне старцем слово: «Ну так ты завтра в Дивееве отслужишь».

Была в тот день у отца Серафима одна из дивеевских сестер, и старец сказал ей: «*Матушка, какой нынче будет новый год! Земля постонет от слез».* Инокиня не поняла, что старец говорит про свою кончину.

Как провел старец последний вечер своей земной жизни, известно из свидетельства его соседа по келье отца Павла. Его келья имёла общие сени с кельей старца Серафима, а сами они были разделены глухой стеной. Отец Павел не был келейником старца, потому что батюшка Серафим никогда вообще не имел келейника. Но случалось, что отец Павел по-соседски помогал иногда старцу. Он не раз предупреждал батюшку Серафима, что при его привычке оставлять в свое отсутствие множество горящих

свечей в келье (которые он зажигал за своих духовных чад) может случиться пожар. На это старец давал всегда такой ответ: *«Пока я жив, пожара не будет. А когда я умру, кончина моя откроется пожаром».*

Судя по-человечески, отец Павел имел основания опасаться пожара, потому что келья старца была завалена таким легковоспламеняющимся материалом, как холсты, которые ему во множестве приносили благодарные крестьяне.

Отец Павел заметил, что 1 января старец Серафим три раза выходил из кельи к тому месту, которое им было выбрано для погребения, и, стоя там некоторое время, смотрел в землю. Вечером отец Серафим пел в своей келье победные пасхальные песнопения: «Светися, светися, новый Иерусалиме», «Воскресение Христово видевше… Что ощущала в эти часы душа старца?.. Он был на пути от бедствий земли в отчизну, красоту которой уже познал в дивных видениях. Чудные песни ангелов уже долетали до его слуха…

Его кончина произошла без свидетелей — на молитве, наедине с Богом, к Которому рвался, по Ком тосковал, Кого желал.

Настало утро 2 января 1833 года. Отец Павел, выйдя из своей кельи, почувствовал запах дыма в сенях. Запах шел из кельи батюшки Серафима. Отец Павел сотворил обычную при посещении иноков молитву, но ответа не было. Тогда он позвал идущих в церковь иноков, и один из них — послушник Аникита, сильно рванув дверь кельи, сорвал ее с внутреннего крючка. У дверей внутри кельи тлели холсты. Утро начинало только чуть брезжить, в келье свечи больше не горели, старца не было ни видно, ни слышно. Иноки, думая, что он отдыхает после ночного бдения, не смели войти внутрь, толпились у порога. Тлевший огонь забросали снегом…

Мальчик-послушник оповестил братию о случившемся. Аникита стал ощупью отыскивать старца и наконец наткнулся на него. Принесли зажженную свечу. Отец Серафим в обычном своем белом балахончике стоял на коленях перед малым аналоем. Думая, что он уснул, утрудившись молитвой перед келейной своей святыней — иконой Богоматери «Умиление», его начали осторожно будить. Но ответа не последовало, старец почил смертным сном. Глаза его были сомкнуты, лицо оживлено богомыслием. Тело его еще оставалось теплым.

Старцу омыли, по иноческому чину, чело и колени, облачили его, положили в дубовый гроб, по завещанию, с финифтяным образом на груди. Быстро разнеслась весть о кончине старца по всем окрестностям.

Та инокиня, которой старец накануне предсказывал: «Какой нынче будет новый год! Земля постонет от слез», была в Сарове, когда он скончался. По возвращении ее в Дивеево одна инокиня спросила ее, здоров ли батюшка. Та долго не могла ответить и наконец тихо сказала: «Скончался». Спросившая закричала, заплакала и как безумная, не благословясь, кинулась в Саров. Привязанность, которую возбуждал к себе при жизни отец Серафим, была безгранична, горяча, охватывала все существо человека, его любившего, — и таких было великое множество… Слово его, что земля «постонет от слез», сбылось в полной мере.

Восемь дней тело почившего старца стояло открытым в соборе, не только не подвергаясь тлению, но издавая благоухание. Тысячи людей собрались в Саров из окрестных губерний. В день отпевания из-за большого скопления народа в соборе стояла такая жара, что свечи гасли. Когда духовник хотел положить в руку отца Серафима разрешительную молитву — его рука сама разжалась и приняла листок.

Замечательны два обстоятельства, которые выяснились впоследствии. 2 января, окруженный иноками, выходил от заутрени знаменитый старец игумен Глинской пустыни, что находится в Курской губернии, Филарет. Указывая на необыкновенный свет на небе, он произнес: «Вот как души праведных возносятся на небо. Это душа отца Серафима возносится!»

Архиепископ Воронежский Антоний был также необыкновенным способом извещен о кончине старца Серафима. В то время в Воронеже находился помещик Николай Александрович Мотовилов, «служка Серафимов». В воспоминаниях Мотовилов писал: «2 января 1833 года. В этот день вечером услыхал я от преосвященного Антония, что батюшка отец Серафим в ночь на этот день, во втором часу за полночь скончался, о чем он сам ему, явясь, очевидно, возвестил. Архиепископ Антоний сам в тот же день соборне отслужил по старцу панихиду». При дальности расстояний между Саровом, который находился в Тамбовской губернии, и Воронежем в те годы не могло быть и речи о каком-либо естественном способе передачи в Воронеж к вечеру известия о том, что произошло утром того же дня в Сарове.

Как веруют христиане, для отца Серафима кончина действительно была началом новой, широчайшей жизни и новой, необъятной деятельности. Сразу же после смерти старца ему стали молиться с огромным упованием и надеждой. Открылся новый счет посмертным чудесам батюшки. Ему теперь ведомы величайшие тайны мироздания, которые на земле не может

вместить ни один, даже самый гениальный человеческий ум. Неисповедимые пути Промысла Божия здесь лишь отчасти приоткрываются святым. В небесных обителях Господа они становятся истинными исполнителями Божественной воли…

«Пламенный» Серафим Саровский стяжал от Бога дары прозорливости и чудотворения. Но это не были дары «случайные и напрасные». Господь долго и — как иному может показаться — немилосердно испытывал своего избранника, чтобы доподлинно выяснить, понесет ли он эти дары, не соблазнится и не возгордится ли ими, не обратит ли во зло себе и людям, не превратит ли их в причину своего незаконного обогащения, как это часто делают современные «целители» — экстрасенсы и лживые «прозорливцы», которым эти «дары» вдруг «открываются».

ЧЕТВЕРТЫЙ ЖРЕБИЙ БОГОРОДИЦЫ

Мельничная община

Читатель, вероятно, уже понял, что отец Серафим придавал огромное значение созданию, украшению и благоустройству в Дивееве женского монастыря, который Пресвятая Богородица назвала своим четвертым, последним жребием на земле. Отец Серафим всегда утверждал, что он сам по себе ничего не предпринимал, а действовал только по личному благословению и наставлению Царицы Небесной.

Батюшка сам разработал план будущего Серафимо-Дивеевского монастыря, поручал приобретать земли для его расширения преданным благодетелям (в частности, М. В. Мантурову), руководил постройкой Рождественской церкви. В 1829 году общине было пожертвовано три десятины земли, и тогда отец Серафим велел вспахать эту землю, по меже положить камешки и поставить колышки. Когда же земля после снега высохла, старец приказал по меже обрыть канавку в три аршина глубины и три аршина ширины, а вынимаемую землю бросать в глубь обители, чтобы образовался вал в три аршина. «Много чудного говорил батюшка Серафим об этой канавке. Что канавка эта — стопочки Божией Матери. Тут ее обошла Сама Царица Небесная! Эта канавка — до небес высока»…

И как только окончили сестры рыть эту канавку, отец Серафим скончался, поручив их заступничеству Царицы Небесной и оставив им трогательное завещание: «Когда меня не станет, ходите ко мне на гробик: ходите, как вам время есть, и чем чаще, тем лучше. Все, что ни есть у вас на душе, все, о чем ни скорбите, что ни случилось бы с вами, все приходите, да мне на гробик, припав к земле, как к живому, и расскажите. И услышу вас, и скорбь ваша пройдет! Как с живым со мной говорите. *И всегда я для вас жив буду*»…

Молитвенное правило преподобный дал дивеевским сестрам особое, основанное на Иисусовой молитве, отличное от обычного монастырского правила. Но чтобы не нарушать саровский устав, принятый в Казанской общине по благословению настоятеля отца Пахомия, отец Серафим отделил от нее часть сестер, поселил их отдельно от других, заповедал им жить в бедности, по нескольку человек в келье, выполнять данное им через Царицу Небесную правило молитвенное и заниматься исключительно крестьянским трудом. Для прокормления этих сестер была устроена мельница,

и новая община стала называться Мельничной, в отличие от Казанской общины матушки Александры.

Явившись отцу Серафиму, Богородица, как записал Мотовилов, назвала восемь имен девушек из общины матушки Александры и с этих восьми сестер повелела начать именно ту обитель, которая должна стать ее четвертым жребием. Особый наказ был в том, чтобы в новую общину не брали ни одной вдовицы, а только девиц, на прием которых Она Сама изъявит Свое благоволение.

Прасковья Степановна Шаблыгина, девушка из крестьян, была назначена первой начальницей Мельничной обители, а Мария Семеновна Мелюкова, скончавшаяся девятнадцати лет схимонахиней Марфой, была назначена, по словам старца Серафима, начальницей над дивеевскими сиротами в Царствии Небесном, в обители Богородицы. Надо полагать, что во взаимной молитве основателя обители и двух ее начальниц, на земле и на небе, был великий и сокрытый до времени смысл, понятный, возможно, лишь одному святому старцу.

Перед тем как начать построение мельницы, отец Серафим призвал к себе любимую дивеевскую сестру П. С. Шаблыгину и пятнадцатилетнюю в то время Марию Семеновну. Они втроем долго молились в дальней пустыньке, а до того как они пошли туда, отец Серафим исцелил у Богословского источника Прасковью Степановну, которая долго и сильно кашляла. Батюшка Серафим, видя это, сказал: «Зачем ты кашляешь, брось, не надо!» «Не могу, батюшка!» — ответила больная. Тогда отец Серафим зачерпнул воды из источника и напоил ее, после чего она перестала кашлять и навсегда избавилась от своей надоедливой болезни.

Лес для постройки мельницы отец Серафим купил на собственные деньги (к тому моменту ему много жертвовали денег разные благотворители). Весьма молодую годами сестру Ксению Васильевну батюшка послал в Арзамас купить жернова для мельницы. Очень боялась неопытная девушка браться за такое поручение, но отец Серафим приободрил ее, наперед рассказав, как ей следует ехать, кто встретится, к кому придется обратиться. Сознавая, что сестры только и живут, что чудесами своего старца, Ксения Васильевна поехала и благополучно исполнила послушание.

Как только она вернулась, старец объявил, что Царица Небесная приказала иметь два постава на мельнице, а потому ей следует отправиться в село Хохлово, к знакомому ему торговцу, чтобы там купить большого размера камни. Ксения опять сильно смутилась, ибо не знала дороги в село Хохлово, проходящей все

время по лесу, и никогда не видела у батюшки названного торговца. Но по благословению старца отправилась в трудный путь одна.

Дорогой, никого не встречая, она стала сомневаться, туда ли идет, но потом заметила, что перед ней кружат несколько желтых птичек, которые отлетят и сядут, а когда она подойдет, они снова отлетят. Тут Ксения поняла, что птички посланы ей указывать путь, и пошла весело и радостно. Не заплутавшись, она нашла село, и первый, к кому она обратилась, — крестьянин, смазывающий колесо телеги, — оказался тем самым торговцем.

Михаилу Васильевичу Мантурову отец Серафим поручил ведать всеми работами. 7 июля 1827 года, накануне праздника Казанской иконы, мельница замолола. В том же году старец сказал Мантурову: «Радость моя! Бедная-то общинка наша в Дивееве своей церкви не имеет, а ходить-то им в приходскую (Казанскую, построенную матушкой Александрой. — Н. Г.), где крестины да свадьбы, сестрам не приходится, ведь они девушки. Царице Небесной угодно, чтобы у них была своя церковь, к паперти Казанской церкви пристроена, так как паперть эта алтаря достойна, батюшка! Ведь матушка Агафья Семеновна (Александра. — *Н. Г.),* стоя на молитве, токами слез своего смирения всю ее омыла; вот, радость моя, и выстрой ты храм этот Рождества Сына Ее, сиротам моим!»

У Мантурова хранились неприкосновенными деньги от продажи его имения, которые старец приказал спрятать до времени. Теперь пробил час отдать все свое состояние Господу. Такие деньги несомненно были Ему угодны. Нынешний соборный храм Рождества в Серафимо-Дивеевском монастыре создан на средства человека, принявшего на себя добровольно подвиг нищенства.

Надо заметить, что отцу Серафиму несколько раз предлагали деньги на постройку храма дивеевским сестрам, но он их отвергал как «не чистые» и не угодные Царице Небесной. Сестрам батюшка объяснял: «Мало ли что, другие и рады бы дать, только возьми, да не всякие-то деньги примет Царица Небесная. Смотря какие деньги: бывают деньги обид, слез и крови! Нам такие не нужны, мы не должны принимать их, матушки!»

Сестра Ксения Васильевна вспоминала, как отец Серафим говорил:…Благословила Матерь Божия и церковь свою выстроить, матушка! Во, радость моя, благодать-то у нас какая: и мельница, и церковь, и земля, и все-все свое у нас будет! Это я тебе говорю, а ты умолчи до времени». Ксения хотя и слушала батюшку, но странным казалось ей: как это все может случиться, когда ничегошеньки нет у обители, а сама земля — чужая кругом. Тогда

отец Серафим, провидя ее мысли, взял за руку и произнес: «Ведь вот ты какая! Говоришь, что любишь меня, а усомнилась и не веришь убогому Серафиму! Поверь, поверь мне, матушка, все это свершится!» Вид отца Серафима был при этом чудесен и исполнен благодати Духа Святого.

По прошествии времени вспоминала другая сестра Домна Фоминична:

«…Ничего еще не имея, жили мы все в одной келийке, потом постепенно выстроил нам батюшка еще келью, больничную, после еще, а сестры-то все прибывали да поступали, и *приказал нам батюшка, кроме этих четырех, еще выстроить большую келью, сказав: «В ней госпожа будет жить!»* Мы все так и думали, что в нее приедет жить какая-либо высокородная госпожа-барыня, но все нет да нет никого.

Скончался наш батюшка, а по кончине его принесли к нам прямо в эту келью и поставили чудотворную икону Божией Матери «Умиление», пред которой на коленочках во время молитвы и отошел, словно будто и не умер. Стал этот корпус наш трапезным, и тут только поняли мы все, о какой Великой Госпоже предрекал нам батюшка! И все служили мы Ей, не переставая читали акафисты! Так вот, все, все знал батюшка, ему все открыто, и по вере к нему собирались мы жить все равно что на пустое место: было одно лишь голое поле, да и то чужое, а к смерти батюшкиной явились у нас и кельи, и корпуса, и церковь, и канавка, и земля своя, а по кон-чине-то его пришла Сама Матерь Божия и поселилась у нас. Теперь вот 1887 год, и дожила я, как предрекал мне то батюшка, и все совершилось, и чего-чего только нет у нас! И во сне тогда никому бы такого не приснилось!»

«Лавра-то будет кругом, то есть за канавкою, в обители матушки Александры, потому что как она была вдова, то у ней могут жить в обители и вдовы, и жены, и девицы, а киновия будет только внутри канавки, и так как я, убогий Серафим, был девственник, то и в обители моей будут жить одни девицы, — говорил отец Серафим и прибавлял: — В общежительной обители легче справиться с семью девами, чем с одной вдовицей».

По мудрым наблюдениям старца такое разделение необходимо. Потому что жены, проведшие несколько лет приятной жизни в замужестве, могли рассказывать о том девицам, действуя разрушительно на мирное состояние их духа, столь необходимое для точного соблюдения духовных обетов. Другая могла быть в замужестве несчастной и своими печальными повестями о семейных неурядицах бросала бы несправедливо мрачную тень на богоучрежденное в человеческом

роде брачное состояние. Старец замечал еще, что в супружеской жизни женщина часто приобретает такую настойчивость в характере, упрямство, которое трудно потом исцелить.

Жизнь первых сестер Мельничной общины была неимоверна трудна. Они должны были вести строгую жизнь и, кроме духовных подвигов, занимались тяжелым физическим трудом. Для работ, непосильных девице, при мельнице находился еще старец-работник. Старица Е. Е. Аламасовская (монахиня Евпраксия) вспоминала такой случай. «По благословению батюшки мое послушание было молоть на мельнице: нас всегда было в череде по две сестры и один работник. Раз прихожу я на мельницу одна, а работник говорит, что с одной не будет молоть, и ушел в Вертьяново. Я горько заплакала и закричала громко: «Батюшка Серафим! Ты не спастись меня привел сюда!»

Ветер был страшный, мельница молола на два постава, наконец, сделалась настоящая буря. Я заплакала во весь голос, потому что не поспевала засыпать жита, и вдруг в отчаянии легла под камни, чтобы они меня задавили. Но камни тотчас остановились, и явно передо мной встал батюшка Серафим. «Что ты, чадо, вопиешь ко мне? Я пришел к тебе. Я всегда с теми, кто меня на помощь призывает, — явственно сказал он. — Я вот, матушка, просил барышень, но они отказались, потому что груба пища да бедна община. Я упросил Царицу Небесную, Она благословила мне набрать простых девушек, вот, матушка, я и собрал вас тут и прошу послужить мне и моей старости, а после буду я присылать к вам всякого рода и из дворян, купечества, духовного звания и высоких родов. Звал я многих высокого-то звания — не пошли: в начале трудно-то было бы жить, вот и призвал я вас. Вы теперь послужите, а кто после придет, послужит и вам».

«А как батюшка Серафим не терпел, чтобы кто трогал либо обижал кого из дивеевских… — рассказывала Ксения Васильевна. — Был в Сарове монах Нафанаил, лучший иеродиакон. Келью он имел в монастыре рядом с батюшкиной кельей. Часто требовал к себе дивеевских наш батюшка. Не разбирая, бывало, ни дня, ни ночи, только и знаем — то к батюшке, то от него — то в Дивеево, то в Саров. Придешь к нему утром, да и стоишь и ждешь, дверь-то заперта. А Нафанаил увидит, выйдет и скажет: «Что старик-то морит и морозит вас! Чего стоять-то! Когда еще дождетесь, зайдите-ка вот ко мне да обогрейтесь!» Иные, бывало, по простоте своей и заходили, слушая его уговоры…

И дошло это до батюшки — и растревожился он, и прогневался страшно: «Как, как он хочет сиротиночкам моим

вредить! Не диакон он после этого нашей обители! Нет, нет, от сего времени он не диакон нашей обители!»

И что же! Стал вдруг с этого времени пить иеродиакон Нафанаил, да все больше и больше. Недели через три и выслали его, отдали под начало, да так и пропал он. Вот сколько раз за долгую жизнь свою вспоминаю я всегда батюшку. Как только тронет кто Дивеево ли или кого-нибудь из нас, дивеевских, то не минует того, непременно кончит дурно и в беду попадет».

Этот и многие другие факты лишь подтверждают, что отец Серафим защищал не простую обитель, а владения Пресвятой Богородицы. Оскорбление Самой Царицы Небесной или Ее избранных наказывалось: того требовала и справедливость Божия.

Прозорливость отца Серафима излечивала и утешала сестер от посылаемых искушений, а пророчества старца заставляли их терпеть нужды, неустройство обители и надеяться на благополучное будущее. Сестры были свидетелями многочисленных чудес святого подвижника и верили в него безгранично. Тому приведем несколько удивительных примеров.

Однажды сестра Анна Алексеевна с тремя другими пришли к батюшке в монастырь, и он повел их в свою пустыньку. Остановившись, батюшка вдруг приказал им идти вперед, а сам пошел сзади. «Идем мы лугом, — рассказывала Анна Алексеевна, — трава зеленая да высокая… Оглянулись, глядим, а батюшка-то идет на аршин выше земли, даже не касаясь травы. Перепугались мы, заплакали и упали ему в ножки, а он и говорит нам: «Радости мои! Никому о сем не поведаете, пока я жив, а после моего отшествия от вас, пожалуй, и скажите!» (О подобном стоянии на воздухе отца Серафима, истончившего свою плоть почти до состояния бесплотности, свидетельствуют и несколько человек из мирян, исцеленных старцем.)

Однажды отец Серафим дал сестрам, работавшим у него, луковицы для посадки на приготовленные грядки, что они и исполнили поздно вечером. Наутро же батюшка послал их срезать лук. Сестры улыбнулись, думая, что искушает их батюшка. Наконец решились сказать ему: «Что это вы, батюшка, ведь только вчера вечером лук сажали!» А он отвечает: «А вы пойдите, пойдите!» Приходят — и глазам не верят: лук в одну ночь пустил длинные зеленые стрелки. Он был необычайно вкусен и произвел не одно исцеление.

Случилось так, что одна сестра обители была у батюшки в келье и удостоилась вместе с ним молиться. Вдруг в келье сделалась такая тьма, что она страшно напугалась и пала ниц на пол. Когда же опомнилась, то батюшка приказал ей встать. «Знаешь ли, радость моя, — сказал отец Серафим, — отчего в

такой ясный день сделалась вдруг ужасная тьма? Это оттого, что я молился за одну грешную умершую душу и вырвал ее из рук самого сатаны. Он за то так и обозлился на меня, сам сюда влетел — оттого-то здесь так потемнело». Сестра такими словами закончила свой рассказ: «Вот как еще на земле-то была сильна молитва его, а теперь же на Небе у Господа все, что ни попросит, — может».

Старица Матрона Плещеева рассказывала. Случилось так, что по слабости своего здоровья и дьявольскому наущению она пришла в полное смущение и уныние и решила тихо уйти из обители. Отец Серафим, провидев ее искушение, вдруг прислал за ней. Когда она пришла к нему в келью, он утер ее слезы платком, говоря: «Матушка, слезы твои недаром капают». Потом подвел к любимой своей ей иконе «Умиление» и сказал: «Приложись, матушка, Царица Небесная утешит тебя!» Она приложилась к образу и почувствовала, что совершенно оживотворилась и уныние прошло.

На следующий день старец благословил ее прийти к нему в «дальнюю пустыньку». Назавтра, подходя к назначенному месту, сестра увидела, что отец Серафим сидит около своей кельи на колоде и возле него стоит ужасной величины медведь. Матрона закричала: «Батюшка, смерть моя!» — и упала. Отец Серафим, услышав крики, ударил медведя и махнул ему рукой, и тот, как разумный, пошел сразу в ту сторону, куда показал ему старец. Батюшка Серафим подошел к своей сиротке со словами: «Не ужасайся и не пугайся!» Но она продолжала кричать. На это старец отвечал: «Нет, матушка, это не смерть. Смерть от тебя далеко, а это радость!» Потом, помолившись, посадил гостью и сам сел.

Как только сели — снова медведь вышел из чащи и лег у ног отца Серафима, который обращался с ним, как с кроткой овечкой, кормил его из своих рук хлебом. Лицо батюшки было светло, как у ангела, и радостно. И сестра успокоилась. Когда она совсем пришла в себя, отец Серафим подал ей оставшийся хлеб и просил покормить самой. Она так и сделала, и «с таким утешением, что желала бы еще кормить его, ибо зверь был кроток и ко мне, грешной, за молитвы отца Серафима».

Матрона подумала, как ей рассказать об этом страшном чуде сестрам. Но на ее мысли отец Серафим сам отвечал: «Нет, матушка, прежде одиннадцати лет после моей смерти никому не поведай этого, а тогда воля Божия откроет, кому сказать».

Спустя долгое время случилось Матроне зайти в келью, где по благословению старца крестьянин Ефим Васильев занимался живописью. Увидев, что он как раз рисует почившего давно отца

Серафима, Матрона вдруг сказала: «Тут бы по всему прилично написать отца-то Серафима с медведем». — «Как так?» И она первому ему рассказала о дивном событии. Прикинули — точно одиннадцать лет прошло. Надо заметить, что многие посторонние видели отца Серафима с медведем, но это были лица неизвестные и документальных свидетельств не оставили.

Послушание до смерти

Пример необычайного послушания до самой смерти явила Елена Васильевна Мантурова, *которой святой старец предсказал, что прославится она в лике святых и нетленные мощи ее будут лежать в Дивееве («Четверо столпов — четверо мощей»).*

Ее брат, Михаил Васильевич Мантуров, заболел злокачественной лихорадкой, будучи вдалеке от Сарова. Он написал письмо Елене Васильевне, поручая спросить отца Серафима, как ему быть. Батюшка велел передать ему, чтобы он разжевывал горячий мякиш хорошо испеченного хлеба. Тем он исцелил Мантурова. Вскоре он позвал к себе Елену Васильевну, которая явилась к нему в сопровождении своей послушницы и церковницы Ксении, и сказал ей: «Ты всегда меня слушала, радость моя. И вот теперь я хочу дать тебе одно послушание. Исполнишь ли его, матушка?» «Я всегда вас слушала и всегда готова слушать», — ответила Елена Васильевна. «Вот видишь ли, матушка, Михаил Васильевич, братец-то твой, болен у нас, и пришло время умирать… умереть надо ему, матушка, а он мне еще нужен для обители-то нашей, для сирот… Так вот послушание тебе: умри ты за Михаила Васильевича, матушка!» «Благословите, батюшка!» — ответила Елена Васильевна смиренно и как будто спокойно.

Отец Серафим после этого долго-долго беседовал с ней, касаясь вопроса смерти и будущей вечной жизни. Елена Васильевна все слушала молча, но вдруг смутилась и произнесла: «Батюшка! Я боюсь смерти». «Что нам с тобой бояться смерти, радость моя, — ответил отец Серафим. — Для нас с тобой будет лишь вечная радость».

Простилась Елена Васильевна со старцем и только лишь вышла за порог кельи, тут же и упала. Старец покропил ее святой водой, она очнулась. Вернувшись домой, она заболела, слегла в постель и спокойно сказала: «Я больше не встану».

Три дня всего проболела Елена Васильевна, особоровалась и по возможности часто причащалась. Трое суток она постоянно была окружена видениями и рассказывала — связно и несвязно —

о том, что вокруг нее происходило. На исповеди же отцу Василию Садовскому она поведала о них явно, предупредив, что не должна была рассказывать этого ранее.

К Елене Васильевне приходила Царица Небесная «неизреченной красоты» и водила ее по прекрасному дворцу, показывая судьбу всех бывших, настоящих и будущих дивеевских сестер. Ей были явлены все имена, но запрещено называть их на земле. Во дворце было четыре зала. В первом находились «именитые сановники и необыкновенной красоты юноши». Про них сказала Великая Госпожа: «Это мои благочестивые купцы». Во втором зале — еще более прекрасном, чем первый, были молодые девушки, одна другой лучше, с двумя и тремя венцами на головах. Среди них Елена Васильевна узнала и себя. В третьей зале, несравненно менее светлой, находились все бывшие и будущие сестры Серафимовой обители, только венцы их не столь блестели. Четвертая зала была полумрачная, наполненная также сестрами, которые или сидели, или лежали, иные были скорчены болезнью и без всяких венцов, со страшно унылыми лицами, и на всем и на всех лежала печать болезни и невыразимой скорби. «А это нерадивые! — сказала Царица. — Видишь ли, как ужасно нерадение. Вот они и девицы, а от своего нерадения никогда уже не могут радоваться!»

— Ведь тоже все наши сестры, батюшка, но мне запрещено называть их, — сказала Елена Васильевна и горько заплакала.

После ухода священника келейница умирающей Ксения бросилась к ней и стала умолять сказать еще: «Матушка… тогда нынче ночью-то я не посмела вас тревожить, а вот теперь вы отходите… скажите мне, матушка, Господа вы видели?

— Бога невозможно видети, на Него же не смеют чины ангельские взирати, — тихо и сладко запела Елена Васильевна.

Ксения продолжала молить, настаивать, плакать. И услышала:

— Видела, Ксения… видела как неизреченный Огонь, и Царицу, и ангелов видела просто, — и лицо умирающей сделалось восторженным, чудным, ясным.

— А что же, матушка, а вам-то что будет?

— Надеюсь на милосердие Господа моего, Ксения. Он не оставит.

Затем Елена Васильевна стала говорить о церкви, как и что должно делать, чтобы она всегда была в порядке, и заторопила послушниц: «Собирайте, собирайте меня скорее, не отворяя двери! Выносите сейчас же в церковь! А то сестры вам помешают и не дадут собрать». Сестры стали поспешно убирать ее к смерти. «Ох, Ксения, что это? Какие два безобразные! Это враги! Ну, да

это вражии наветы! Уже ничего теперь мне сделать не могут!» После этих восклицаний Елена Васильевна спокойно потянулась и скончалась. Ей было двадцать семь лет. В тот же час батюшка Серафим, провидев духом, поспешно посылал работавших у него в Сарове сестер в Дивеево, говоря: «Скорее, скорее грядите в обитель, там великая госпожа ваша отошла ко Господу».

Старец и радовался, и горевал вместе. Он уже знал, что недолга разлука с любимой послушницей, предвидя близкое свое отшествие ко Господу. Елена Васильевна скончалась 28 мая 1832 года, в канун Троицы, а в сам праздник, во время пения Херувимской, воочию всех предстоящих во храме Елена Васильевна, как живая, радостно улыбнулась в своем гробу.

По ней был великий плач в Дивееве. Ее похоронили рядом с могилой первоначальницы матушки Александры. В эту могилу не раз уже собирались похоронить многих мирских, но матушка Александра, как бы йе желая этого, совершала каждый раз чудо: могила заливалась водой и хоронить в нее было невозможно. Теперь же могила была суха и в нее опустили гроб праведницы, которая исполнила заповедь Господню во всей ее трагической с точки зрения мира сего полноте: она положила «живот свой за други своя». Михаилу Васильевичу в тот год было тридцать шесть лет, а умер он в 1858-м.

Подобная смерть «за послушание» была исключительным случаем. Его иначе и не назовешь, как промыслительным, показавшим сущность и силу христианской любви и веры, которую несомненно возбудил в Елене Васильевне святой старец.

Рождественский храм был закончен летом 1830 года. Год был холерный. Пушкину холерные карантины не позволяли до глубокой осени приехать в Москву к своей невесте Наталье Гончаровой. (Болдино находилось в Нижегородской губернии, как и Дивеево.) Отец Серафим за несколько лет предсказал холерную язву. И в то время, когда Пушкину приходилось вновь и вновь возвращаться в деревню, Елена Васильевна Мантурова и священник Василий Садовский, по благословению старца, беспрепятственно добрались до Нижнего, получили личную аудиенцию нижегородского владыки, который никого не принимал в период карантина, и взяли у него разрешение на освящение храма. На прощание преосвященный Афанасий сказал ходокам: «Скажите дивному Серафиму, что как желает, так и приеду».

Обратный путь в Дивеево Садовский описывает так. «По случаю страшной в то время холеры в Нижнем был карантин, и весь город был оцеплен войском, так что ни почта, ничто и никто не пропускался без выдержки карантина. Вот и думаем: как мы

поедем, вдруг не пропустят? Знакомые так и говорили. Но мы, помолившись, заложили свою лошадку, потихоньку поехали… Едем мимо караульных солдат, а они на нас не обращают внимания, как будто нас и не видят. Так и приехали домой, невзирая на страшную холеру. Пользуясь тем, что все фрукты были дешевы, как никогда, мы покупали их вволю и ели не разбирая. За молитвы батюшки Серафима приехали целы и невредимы. К этому, кстати скажу, батюшка Серафим говорил, что в обители никогда не будет холеры, что со временем и оправдалось. Когда кругом холера свирепствовала, в монастыре ее не было. И кто из мирских заболевал и приносили его в обитель, тот выздоравливал и выхаживался, а кто из обители без благословения выходил в мир, даже и сестры, напротив, заболевали и умирали»…

После освящения двухпрестольной Рождественской церкви отец Серафим заповедал: *«В верхней церкви Рождества Христова денно и нощно гореть неугасимой свече у местной иконы Спасителя, а в нижней — Рождества Богоматери церкви неугасимо теплиться лампаде у храмовой иконы Рождества Богородицы. Денно и нощно читать Псалтирь, начиная с Царской Фамилии за всех благотворящих обители, а по воскресеньям неопустительно перед литургией служить Параклис Богородице». «И если заповедь мою исполните, то все хорошо у вас будет и Царица Небесная никогда не оставит вас. Если же не исполните, то без беды беду наживете»*, — предупреждал святой старец.

Впоследствии, когда в Дивееве был выстроен новый храм, церковь отца Серафима заперли, вынесли из нее Псалтирь, свечи и лампады не горели. Обитель после этого потерпела множество серьезных испытаний — вплоть до угрозы роспуска.

Было и знамение, которое удостоверяло предсказание старца. После его смерти однажды церковница Ксения Васильевна вылила последнее масло в лампаду. Получить было негде. Когда богослужение кончилось, она подошла к лампаде и увидела, что она потухла, масло выгорело. С горьким чувством Ксения Васильевна отошла от лампады и, вспомнив завещание дорогого батюшки, невольно подумала: «Если так несправедливы оказались слова отца Серафима, потому что для лампады нет теперь масла и денег взять неоткуда, то, может, и во всех других случаях не сбудутся его предсказания, исполнения которых все несомненно ждут».

Тысячи сомнений взволновали душу сестры, вера в прозорливость старца стала оставлять ее. В подобном расположении духа она отступила от иконы Спасителя и вдруг услышала треск, а потом увидела, что лампада сама собой

загорелась. Церковница подошла ближе и заметила, что стакан лампады полон, а на нем лежат два серебряных рубля. Через некоторое время к Ксении подвели крестьянина, который спросил: «Ты церковница?» — «Я, а что тебе нужно?» — «Да вот, знаю, что батюшка Серафим завещал вам о неугасимой лампаде, так я принес триста рублей ассигнациями на лампадное масло, чтобы она горела за упокой родителей моих»…

Отец, Серафим предсказал объединение обеих общин — Казанской и Мельничной. Монахиня Евдокия рассказывала, что однажды привела к батюшке свою малолетнюю сестру и он благословил ее в монашество, потом спросил: «Куда же нам, матушка, поместить ее? В прежнюю обитель или к Прасковье Степановне на мельницу? Нет… возьми-ка ты ее в прежнюю обитель, *а придет время, вы все вместе будете как единая семья!»* Это случилось в 1842 году, через девять лет после смерти старца.

Великая смута в обители

Хотя общины слились в одну, но это еще не был утвержденный монастырь, чего так желали сестры. Отец Серафим говорил: *«Не хлопочите и не доискивайтесь и не просите монастыря, матушки. Придет время, без всяких хлопот сами прикажут вам быть монастырем, тогда не отказывайтесь». Старец даже предсказал, что это будет при двенадцатой по счету начальнице его обители и имя ее назвал — Мария Ушакова.* Указанное событие в точнейших подробностях произошло в 1862 году.

Еще предсказал, что *«у меня, убогого Серафима, в обители моей, в Серафимовой пустыни, целыми родами жить будут, так целыми родами и лягут в Дивееве»*. Это предсказание исполняется.

Но до утверждения монастыря была великая смута в обители. Ее святой старец предвидел еще в ту пору, когда она только пускала корни.

«Вот доживешь ты, матушка, большое у вас будет смятение, и многие разойдутся», — говорил он старице Агафье Лаврентьевне.

С сестрой Варварой Ивановной произошел такой разговор.

— Видела ли ты, матушка, коноплю? — спросил старец.

— Как же ее не знать!

— А когда ее полют-то, радость моя, чтобы лучше была, посконь выдергивают. Чай, тоже знаешь? Видела, радость моя?

— Как не видать, и сама, батюшка, дергала…

— Вот и помни: у вас то же будет. *Как пополют да повыдернут всю посконь-то, матушка, а конопля-то моя*

дивеевская и загустеет еще больше, еще выше поднимется да краше зазеленеет! Помни!

«Раз пришли мы к батюшке с сестрой, — рассказывала Акулина Малышева, — а он нам говорит: *«Вот ты, Марьюшка, не доживешь, а Акулинушка у нас и до судов доживет! Но ничего не убойтесь! Приедут суды к вам, станут судить, а чего судить? Ха-ха-ха! Нет ничего!»* До трех раз повторял это батюшка, подожмет ручки и заливается.

Так и не поняли мы ничего в ту пору, а затем сестрица Марьюшка умерла. А когда впрямь приехали суды, я и вспомнила слова прозорливца».

Дивной старице Прасковье Семеновне Мелюковой, родной сестре схимонахини Марфы, отец Серафим перед смертью сказал на прощание: *«Вот, матушка, упомни, как увидишь ты, что мой источник-то возмутился грязью, от кого он возмутился, тот человек всю обитель возмутит у вас! Тогда, матушка, не убойся и говори правду, всем говори правду! Это тебе заповедь моя! Тут и конец твой!»*

Важное это предсказание не могло быть понято в те годы. Основанием смуты можно считать невыполнение дивеевскими сестрами предсмертного завета старца, которым он приказал: «Кроме Михаила Васильевича Мантурова, Николая Александровича Мотовилова и священника Василия Никитича Садовского, никого не слушать и самим править, никому не доверяя, никого не допуская постороннего вмешиваться в дела обители. Кроме меня не будет у вас отца! Вручаю вас Самой Матери Божией, Она Сама вам Игуменья».

Тот, через кого на долгие годы «возмутилась вся обитель», был саровский послушник Иван Тихонов, который после смерти отца Серафима стал выдавать себя за ближайшего ученика старца и, как ни странно, много в этом преуспел. А ведь еще при своей жизни отец Серафим прозревал все, что лежало на душе послушника-живописца, и говорил, например, сестре Евдокии Ефремовне: «Радость моя, я вас духовно породил и во всех телесных нуждах не оставлю, а отец Иоанн (Иван Тихонов) просит, чтобы я вас после своей смерти отдал ему. ч Нет, не отдаю! Он и его преданные будут сердцем холодны к вам. Он говорит, мол, ты, батюшка, стар, отдай мне своих девушек, а сам просит холодным сердцем».

Старшей сестре Прасковье Степановне объяснял: «Скажу тебе, матушка, что и сестры, которые будут преданы ему, будут холодны для вас. После меня вы останетесь совершенно сиротами, а отец Иоанн только всю жизнь будет нападать на вас».

На некоторых из сестер старец указал: «Иванова» сестра.

До 1842 года обе женские общинки, основанные в Дивееве, хоть и разнохарактерные, но самостоятельные, нисколько не мешали друг другу, жили в совершенном мире, любви и согласии. После смерти отца Серафима послушник Иван Тихонов почти переехал на жительство в общину матери Александры под предлогом заботы и попечения о серафимовых сиротах и постепенно завладел ею.

Утвердившись здесь, он стал вмешиваться в дела Мельничной девичьей общины с намерением также совершенно подчинить своему влиянию, но сестры еще живо помнили завещание старца и его приказание не допускать никого чужого к управлению обителью. Они единогласно заявили Ивану Тихонову свое несогласие на его попечительство.

Тогда озлобленный Серафимов лжеученик, которому уже удалось убедить многих, что он якобы несет крест, возложенный на него самим святым старцем (в том, что отец Серафим его учитель, послушник убедил даже тамбовского архиерея), решил или сломить сплотившихся против него стариц девичьей обители, опровергнуть распространяемое ими мнение, что он никогда не был учеником батюшки, или стереть с земли Мельничную общину.

Когда первое не удалось, Иван Тихонов с усердием принялся осуществлять второй план.

И началось для Дивеева то время, которое предсказывал отец Серафим, говоря сестрам при прощальной встрече: *«До Антихриста не доживете,* но *времена Антихриста переживете!»* Эти времена не могут не упоминаться в летописи Дивеевского монастыря, хотя главные участники и виновники этих смут почили вечным сном.

Иван Тихонов, озлобленный вконец непокорством сестер, сказал, что «сделается змеей и вползет повсюду… Он написал тайно в Петербург к лицам, относившимся с особой любовью и доверием к старцу Серафиму, о положении дел в Дивееве и просил присоединить девичью общину к обители матушки Александры, которая в то время была под начальством болезненной и слабой управительницы. Многие из лиц, веривших рассказам Ивана Тихонова, имели родных при высочайшем дворе, и просьбы их увенчались успехом. 28 июля 1842 года был получен указ о соединении обеих общин в одну Серафимо-Дивеевскую общину. Горестное, никем не ожидаемое событие это, доставившее ликование лжеученику и его избранницам, повергло в глубокую скорбь и печаль остальных. Серафимовы сироты ужасались, что попраны заветы старца, а казанские сестры — что нарушен исконно заведенный порядок и принятый устав из

Сарова. Поправить дело было уже невозможно и поздно. Мир был нарушен на многие десятилетия.

Хотя М. В. Мантуров и жил в то время в Дивееве, но поправить ничего не мог, потому что был совершенно нищий. Видя водворившегося и самовольно всем распоряжавшегося в обители Ивана Тихонова, он терпел все ради завета отца Серафима никогда не покидать без нужды Дивеева. Мантуров, где только возможно, старался действовать на послушника словами и уговорами. Но все было напрасно, потому что безграничное честолюбие его заглушило совесть.

Ради того чтобы прослыть истинным учеником святого старца, Иван Тихонов не чуждался никаких интриг и даже убедил многих архиереев, что он великий страдалец за дело батюшки. Он извращал асе известные его предсказания, подбирая их по своему усмотрению к творимым им событиям.

Лжеученик сумел на некоторое время заморочить даже и Н. А. Мотовилова, который жил в своем симбирском имении, ездил за сбором материалов в Курск, долго болел и не знал истинного состояния дел в Дивееве. Но когда произошло соединение общин, Мотовилов прозрел. Он писал: «За всеми домогательствами Ивана Тихонова и сотрудниц его обитель сия все не рушилась, и сам дух двух слившихся обителей не только сливался в один дух, но что всего удивительнее, это — то, что из обеих общин выделились усердствовавшие к делу соединения сподвижницы Ивана Тихонова, сначала тайно, а потом уже и явно образовали из себя третье общество» (ту самую «посконь», которую, по словам Серафима Саровского, нужно было выдернуть из «конопли»),

Иван Тихонов не погнушался в 1849 году объявить мертвыми всех стариц, знавших отца Серафима лично. Всем, чем только можно, он притеснял серафимовых сирот, стараясь под всякими благовидными предлогами уничтожить все серафимовское, заменяя все лично от себя придуманным. Так, он перенес на версту в поле мельницу, упросил епархиальное начальство запереть Рождественский храм, вместо столь строго заповеданного чтения неусыпной Псалтири заставил читать Евангелие во вновь отстроенной им Тихвинской церкви. После этого он снес все построенные по приказанию батюшки Серафима корпуса-кельи, построив свои, задним фасадом к святой, заповеданной Богородицей канавке с твердым намерением постепенно засыпать ее совсем.

Обо всем этом подробно рассказано в знаменитой «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря». Страсти бушевали. И все же, как первый знак вмешательства Царицы Небесной, 5 июня 1848 года совершилась чудом закладка собора, предреченного великим

старцем. Землю под него отец Серафим купил еще при своей жизни и сказал, что здесь «большой теплый собор выйдет, наподобие Иерусалимского храма».

Почти тридцать лет страдала Серафимова обитель от вмешательства в ее дела Ивана Тихонова, который уже стал иеромонахом Иосафом. Великие старицы и сироты Серафимовы терпели и молчали, пока не пришла пора отвечать на вопросы духовных и светских следователей. О смутах в обители стало известно даже при дворе императора и митрополиту Московскому Филарету (Дроздову).

В 1861 году старица Прасковья Семеновна Мелюкова отправилась вместе с сестрами на могилку к батюшке в Саров и зашла к колодцу Серафимову, И вдруг на их глазах вода замутилась, закипела, все камешки со дна поднялись кверху. Тут и вспомнили предсказание Серафима, что когда вода замутится, то Прасковье Семеновне нужно будет говорить всю правду. А замутился источник при приближении к нему Лукерьи Занятовой — главной ставленницы иеромонаха Иосафа, которую он хотел сделать игуменьей новообразованного Дивеевского монастыря. Он действительно в то время был утвержден по ходатайству властей, но не сестер обители.

В Саров приехало епархиальное начальство во главе с преосвященным Нектарием, дабы положить конец смуте и жребием избрать первую игуменью. Он отслужил обедню в Тихвинской церкви и, когда вышел на молебен, приказал подать на подносе три конверта с именами кандидаток. Взяв один, владыка распечатал и провозгласил: «Господь Бог выбирает начальницей Гликерию Занятову».

В публике произошло смятение, послышались рыдания, некоторые упадали в обморок. Никто не поверил, что Бог мог избрать ставленницу отца Иосафа, который запечатывал храмы, попирал заветы и заповеди Царицы Небесной и отца Серафима. Владыку обвинили в пристрастии, в допущении обмана. Серафимовы сестры провели день в слезах и не выходили из келий, владыка же пил чай у новой начальницы.

И вот после этого случилось то, что предсказал отец Серафим. Прасковья Семеновна, великая старица, стала обличать на виду у всех владыку и За-нятову. Владыка уехал в полной растерянности. Прасковья Семеновна, исполнив завет батюшки об обличении дел неправедных, стала ждать своей кончины, по предсказанию старца. Через девять дней она умерла.

Н. А. Мотовилов, чудом оказавшийся в Дивееве именно в это время, на следующий же день после насильственного избрания Гликерии Занятовой в игуменьи поспешил в Москву.

Преисполненный скорби и негодования на действия владыки, Мото-вилов почувствовал, что настал час, когда он, по заповеди преподобного Серафима, должен до последней капли крови бороться за обитель Царицы Небесной. Он добился, чтобы митрополиту Филарету доложили записку, где Мотовилов рассказывал о всех беззакониях в Дивееве. Митрополит доложил дело императору Александру II, и государь выразил желание, чтобы было произведено самое строжайшее следствие.

Истина, наконец, восторжествовала. Лжеученик был удален из Дивеевского монастыря, а вместо Гликерии Занятовой первой игуменьей Серафимо-Дивеевского монастыря была избрана Елизавета Алексеевна Ушакова, девица из дворян, бывшая казначеем общины и любимицей Серафимовых сирот. В монашестве Елизавета Алексеевна получила имя Мария. О ней-то и предсказывал Серафим Саровский, когда говорил, что на двенадцатой начальнице утвердится монастырь.

Молитвами батюшки Серафима не одолели могучего духа основанной им обители и большевики. После разорения монастырь опять действует и блюдет все заповеди святого старца. Предсказания его не ложны. И «кто доживет, тот увидит», что *«при светопреставлении вся земля сгорит и ничего не останется. Только три церкви со всего света будут взяты целиком, неразрушенными, на Небо: в Киевской лавре* (о второй люди запамятовали. — *Н. Г.), а третья — Казанская, матери Александры в Дивееве».*

Вот в этом и есть смысл Четвертого удела Богородицы на земле: быть последним оплотом православия в мире. Всех защитит отец Серафим, кто с верой и надеждой будет прибегать к его молитвенному предстательству.

«Смотри, я живой!»

Известно, что советская власть предприняла в самом начале своего беззаконного воцарения на русской земле кощунственнейшие акции вскрытия святых мощей во многих чтимых монастырях и церквах, дабы удостоверить всех в своем богоборческом характере и отвратить от Бога кого только возможно.

Подобную попытку решили сделать и в Сарове. Весной 1921 года туда прибыла комиссия для «осмотра мощей». Председателем комиссии был назначен крестьянин из Вертьянова. В ночь перед самим «осмотром» этот крестьянин увидел сон, будто стоит он у раки преподобного и видит его «кости», которые вдруг начинают соединяться, и вскоре сам

Серафим Саровский встает из раки, одетый, как пишут его на иконах, и говорит этому человеку:

— Смотри, я живой!

И при этом двумя перстами коснулся щеки крестьянина. Тот проснулся стоя, весь дрожа и в поту, и с двумя черными пятнами на лице в месте касания. Поутру он рассказал об увиденном. Составил акт за подписью, отказался от поручения и уехал.

Действительно, святитель Серафим Саровский жив и после своей земной кончины. Он неоднократно являлся людям, призывающим его имя и просящих его помощи и заступничества. Некоторых он предупреждал о несчастиях или предсказывал, что необходимо сделать в будущем. Приведем несколько случаев помощи преподобного Серафима, Саровского чудотворца, и первыми те, которые вошли в число 94, обследованных и удостоверенных представительной комиссией Святейшего Синода перед прославлением преподобного.

Вдова бывшего Котельнического купца (Вятской губернии) М. М. Блинова сообщила 27 февраля 1903 года, что в июле месяце 1890 года в городе было несколько случаев смертельного заболевания холерой, в том числе от этой болезни скончалась ее прислуга. Через некоторое время появились признаки холеры и у нее самой. Муж Блиновой находился в это время на Нижегородской ярмарке.

Наконец болезнь М. М. приняла угрожающий характер, открылась рвота и начались судороги. Когда все средства были исчерпаны и ничего не помогло, Блинова была исповедана и причащена Святых Тайн приходским священником отцом А. Силы ее ослабели до того, что она не могла даже приподняться на постели, испытывая нестерпимые боли в животе. В ночь после причащения она забылась на мгновение и вдруг видит, будто к ней подходит сгорбленный старец в монашеском одеянии и с крестом на груди. Благословив, старец поцеловал ее в голову и сказал: «Поживи еще». М. М., обрадованная, спросила: «Кто вы, батюшка?» «Серафим Саровский», — ответил старец и скрылся. Проснувшись, М. М. почувствовала большое облегчение: боль в животе прекратилась и судороги уменьшились. Затем силы вернулись, и через несколько дней она совершенно выздоровела. На следующий год супруги Блиновы ездили на поклонение в Саров.

Крестьянин Московской губернии Клинского уезда села Тиманского И. Д. Горюнов заявил, что у него очень долго болели глаза, пять лет тому назад пришлось сделать операцию, после которой он совершенно ослеп. Неожиданно зимой сын прочитал ему жизнеописание старца Серафима Саровского. В конце

февраля Горюнов отправился паломником в Саровскую пустынь. Он шел с великим трудом целый месяц и наконец 29 марта 1903 года прибыл на место. В этот же день, искупавшись в источнике отца Серафима, Горюнов, к своей великой радости, увидел свет.

Пятого апреля он вторично искупался в источнике, и тотчас же его глаза исцелились, он стал ясно различать все предметы.

14 сентября 1902 года крестьянин Московской губернии Бронницкого уезда деревни Золотовой Г Г. Киярятов сообщил следующее:

Около четырех лет тому назад ему явился во сне Серафим Саровский, которого он узнал по сходству с изображениями, и сказал: «Скажи Кузьме Абрамову, что он про меня забыл; я — отец Серафим Саровской пустыни!» Киярятов проснулся от этих слов. Кузьма Абрамов был знакомый ему крестьянин из с. Надеждина. Наутро Киярятов пошел к нему и рассказал свой сон. Кузьма Абрамов сильно разволновался и воскликнул: «Батюшка, отец Серафим, прости меня, Христа ради!» Затем он объяснил Киярятову, что, когда он жил еще в своей деревне, однажды у него сильно и долго болели зубы. Как-то он зашел с этой нестерпимой болью к своему родственнику и застал там странника, который подарил книжечку — житие старца Серафима и посоветовал молиться ему об исцелении от зубной боли. По молитвам отца Серафима Кузьма Абрамов выздоровел и поэтому более двадцати лет продолжал ежедневно класть по три поклона, молясь преподобному Серафиму. Затем Абрамов поступил на фабрику, где, живя в общем помещении, стал пропускать вечернюю молитву и не делать поклонов. И как только он вернулся с фабрики в свою деревню на жительство, преподобный Серафим не замедлил явиться его товарищу с напоминанием, чтобы Кузьма Абрамов не забывал целителя. Об этом они молчали, пока не прочли в газете о предполагаемом открытии святых мощей угодника Божиего преподобного Серафима.

Мы привели несколько случаев из многих, происшедших накануне прославления святого. Но до этого люди приезжали и присылали письма в Саров, свидетельствуя о многочисленных посмертных чудесах Серафима, Саровского чудотворца.

Одна странница рассказала о следующем чуде.

«Есть у меня единственный сын. Пил он ужасно, и горе мне было страшное. Такое горе, что и рассказать не умею. Что ни делала я с ним — никак не могла отвадить от вина. Слыхала я о батюшке Серафиме, кой-как насилу достала я его образочек бумажный — картинку, и стала ему постоянно и сердечно молиться: батюшка, отвади сына моего пить! Вот раз я сижу, и вдруг вбегает ко мне сын, лица на нем нет, весь трясется,

перепугалась… Что ты, говорю, что с тобой? Маменька, говорит, прости меня, Христа ради, никогда пить не буду, капли больше не возьму в рот! Сейчас я хотел напиться, вдруг вижу, старик-то с палкой, что у тебя повешен в рамке, зашевелился, стал больше, подошел ко мне суровый, грозный такой, поднял на меня дубину и говорит: «Перестань мать огорчать и не смей более пить вина!» Так вот, родимые, с тех пор Бог хранит: вылечился сын-то и капли вина в рот не берет. Вон он у вас милостивец какой, батюшка!..

Монахиня Казанского Касимова монастыря мать Митродора рассказала, что она 6 декабря 1871 года, не имея насущного хлеба уже трое суток, понесла продать свой апостольник, чтобы на те гроши купить хлеба. Не продав его, она со скорбью возвратилась домой в келью, где, припав к изображению батюшки Серафима на камне, взывала: «Ты был сорок дней без пищи, а я только три дня; отче Серафиме, пошли мне пищу не ради меня, а ради престарелой столетней родительницы!» К вечеру того же дня в восемь часов входит в келью незнакомая девица с просьбой погостить. На недоумение матери Митродоры девица напомнила, что год назад она пила — в ярмарку — вдоволь квасу у монахини. Мать Митродора, успокоясь, благословила девицу пожить, а она, привезя с собой два пуда муки, круп, картофеля, гороха, прокормила двух монахинь всю зиму. После февраля она уехала, оставив на март продовольствия. Монахиня говорила, что она просила отца Серафима о пище в первом часу дня и в это же время к ней выехала гостья — девица Пересоева, дочь дьячка села Лесного.

Е. Ф. Кочелевская, старица Дивеевской общины, исполняя послушание на огороде, поскользнулась неловко и упала в глубокий погреб, сильно ударилась боком о кадки, между которыми ее через довольно продолжительное время нашли без чувств. Старицу вытащили с большим трудом — она была точно мертвая и пролежала в своей келье около двух недель. Посылали за фельдшером, но его манипуляции облегчения не принесли. Затем ее перевезли в больницу, по дороге она кричала от каждого толчка, так как у нее было погнуто бедро. Когда на кровати ее поднимали или переворачивали четыре сестры, то она кричала ужасно и падала в обмороки. И так с первой недели Великого поста она страдала до Страстной, когда в Великий четверг всех больных причастил священник Василий Садовский. Болящая монахиня часто призывала имя отца Серафима: «Батюшка Серафим, помоги мне!» После причастия она заснула и вдруг увидела, как входит батюшка Серафим в полумантии и с палочкой, как изображали его на картинах. Старица закричала: «Батюшка Серафим, помоги мне, как я страдаю, у меня очень

болит бок!» А он ответил: «Вот я пришел к вам убогим. Принес тебе пластырь и обязание (повязку)!» После этого старец сел на кровать болящей и так сильно сжал ей бок, что впоследствии она месяца три чувствовала, что будто бы и впрямь у нее пластырь на больном месте. Монахиня проснулась, а батюшки не было, хотя она видела его как наяву. После этого, к удивлению соседки по палате, она повернулась сама и села — без боли. К Пасхе Кочелевская исцелилась совсем.

В архивах Серафимо-Дивеевского монастыря хранится множество свидетельств исцеления людей по молитвам преподобного Серафима. Список этих чудес продолжается и сегодня. Об исцелениях можно услышать от живых людей, приезжающих в Дивеево со всех концов России и СНГ поблагодарить батюшку за помощь в скорбях и болезнях и в надежде на будущее заступничество преподобного.

Составительница этой книги сама исцелилась от многолетней изнурительной болезни легких в Дивееве, окунувшись в Казанский источник рядом с Казанской церковью матушки Александры. До этого, как водится, отстояла литургию и молебен в Рождественском соборе, приложилась к мощам преподобного Серафима с молитвой о помощи. После этого ноги сами собой понесли к Казанскому источнику.

Дело было в ноябре 1997 года, стояла уже зима, снег покрывал окрестности. На русле источника сооружена дощатая купальня, которая только и защищала от нескромных взглядов. Представить себе, что можно раздеться и окунуться в ледяную воду, было немыслимо даже и на подходе к купальне: мне, человеку, не снимавшему шерстяную кофту и жарким летом. Приложившись к маленькой благоухающей иконке Казанской Божией Матери в избушке рядом с купальней, я вдруг почувствовала такую решимость, что остановиться было невозможно. Окунувшись три раза с головой, почувствовала такое тепло и энергию, что не бросилась сразу одеваться, а наблюдала, как две мои подруги делали то же самое. Одна из них тут же исцелилась от боли в горле и от последствий тяжелого гриппа. Она и ехала-то в Дивеево с температурой.

Слава Богу за все. Любому, кто побывал в Дивееве, хочется приехать туда еще и еще раз. Душа сама собой влечется в эти святые места, а преподобный Серафим становится точно близким: пекущимся о тебе мудрецом, вернее — добрым духом…

ПРОРОЧЕСТВА ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА О РОССИИ

О Крымской войне 1853–1855 годов

Вначале тридцатых годов XIX века в беседах о судьбах России, которые, как в открытой книге, были известны благодатному старцу Серафиму, он не раз говорил, что «в *близком будущем на Россию из-за отступления от Православия восстанут три державы. Но за ПРАВОСЛАВИЕ Господь помилует и сохранит ее».* Речь, как открылось после, шла о Крымской войне и обороне Севастополя.

Можно по-разному оценивать причины поражения православной России от католическо-протестантско-мусульманской коалиции: неравенство экономического потенциала, разница в живой силе и вооружении, бездарность командования. Однако была еще одна — основная, по предвидению отца Серафима, причина поражения России в Крымской войне. Речь идет об отступлении некоторых высших по занимаемому положению чинов русской армии от православной веры.

С началом боевых действий в Севастополе «служка Серафимов» послал царю Николаю I для отправки в действующую армию список с иконы Божией Матери «Умиление», перед которой всю жизнь молился и скончался преподобный Серафим. Уже после войны Н. А. Мотовилов узнал от адмирала П. И. Кислинского, что произошло дальше: «Икона Божией Матери от Государя была прислана, но наш светлейший главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму (князь А. С. Меншиков. — *Н. Г.)* на нее не обратил никакого внимания, и она долгое время хранилась в каком-то чулане, пока сам Государь не запросил, куда она помещена. Тогда ее разыскали и поставили на Северную сторону, и только Северная сторона, как вам известно, и не была взята неприятелем.

Да чему вы удивляетесь? Как-то раз я был у светлейшего, и мы с ним засели играть в шахматы. Вдруг входит адъютант и докладывает, что явился гонец от архиепископа Херсонского Иннокентия и хочет видеть главнокомандующего. Не отрываясь от игры, светлейший сказал:

— Спросите ему, чего ему нужно?

— Гонец сказал, что ему нужно лично видеть вашу светлость.

— Ну зовите.

Пришел гонец.

— Что тебе нужно? — спросил главнокомандующий.

— Владыка прислал меня доложить вашей светлости, что он прибыл к Севастополю с чудотворной Касперовской иконой Божией Матери и велел просить встретить ее, как подобает, у Севастопольских ворот. Владыка велел сказать: «Се Царица Небесная грядет спасти Севастополь».

— Что? Как? Как ты сказал? Повтори!

— Се Царица Небесная грядет спасти Севастополь.

— А… Так передай архиепископу, что он напрасно беспокоил Царицу Небесную — без нее обойдемся.

Ответ этот был передан архиепископу. Тогда владыка решил: «Нас не принимают, так мы сами пойдем». И велел везти святую икону впереди себя на бастионы. Вдруг ему объявляют, что икона не идет: лошади встали как вкопанные. «Понесем тогда», — сказал владыка. Но икона не дала себя нести дальше Северной стороны. Ее невозможно было сдвинуть с места, она стала тяжелой, словно в 1000 пудов. Видя это чудо, отслужили Царице Небесной молебен на Северной стороне, и владыка увез икону обратно[8].

Надо думать, что отступление от православия в России не было во время Крымской войны столь широким, и на сей раз Бог, по слову преподобного

Серафима, «за Православие», помиловал и сохранил Россию, хотя и грозно предупредил. В результате Россия потеряла монопольное право защиты христиан в границах Османской империи; в Святую землю началось активное проникновение католических и протестантских миссионеров.

Но вот и другие предсказания святителя Серафима, записанные Мотовиловым и священником Василием Садовским.

О великих бедствиях

Пройдет более чем полвека. Тогда злодеи поднимут высоко голову. Будет это непременно: Господь, видя нераскаянную злобу сердец их, попустит их начинаниям на малое время, но болезнь обратит на главу их, и на верх их снидет неправда пагубных замыслов их. Земля русская обагрится реками кровей, и много дворян будет побиено за Великого Государя и целость Самодержавия Его. Но не до конца прогневается Господь и не допустит разрушиться до конца земле русской, потому что в ней одной преимущественно сохраняется еще Православие и остатки

благочестия христианского».

«До рождения Антихриста произойдет великая продолжительная война и страшная революция в России, превышающая всяческое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее: бунты Разинский, Пугачевский, Французская революция — ничто в сравнении с тем, что будет с Россией. Произойдет гибель множества верных отечеству людей, разграбление церковного имущества и монастырей, осквернение церквей Господних, уничтожение и разграбление богатства добрых людей, реки крови русской прольются. Но Господь помилует Россию и приведет ее путем страданий к великой славе…

«Мне, убогому Серафиму, Господь открыл, что на земле русской будут великие бедствия, Православная вера будет попрана, архиереи Церкви Божией и другие духовные лица отступят от чистоты Православия, и за это Господь их тяжко накажет. Я, убогий Серафим, три дня и три ночи молил Господа, чтобы Он лучше лишил меня Царствия Небесного, а их бы помиловал. Но Господь ответил: «Не помилую их, ибо они учат учениям человеческим и только языком чтут Меня, а сердце их далеко отстоит от Меня».

«Мню, батюшка, что восьмая-то тысяча (от сотворения мира, начало счисления от Р. Х. соответствует 5508 году от сотворения мира. *— Н. Г.) пройдет. Мню, что пройдет! И вот что еще скажу тебе, батюшка: все пройдет и кончится. И обители, батюшка, уничтожатся, а у убогого Серафима в Дивееве до самого дня пришествия Христова будет совершаться Бескровная жертва* (литургия, на которой пресуществляются вино и хлеб в Кровь и Тело Христовы. *— Н. Г.)*.

Отец Серафим предсказал, что мир будет стоять еще лет пятьсот — семьсот, пришествие Антихриста повлечет за собой закрытие всех храмов, в том числе и православных, однако в Дивееве церковь устоит и в ней будет совершаться литургия, за которой будут причащаться последние христиане.

О русских царях и самодержавии

Старец Серафим не единожды высказывался о том, что после православной веры — *верность царю есть «первый долг русский и главное основание истинного христианского благочестия».* Все великие беды посылаются русскому народу за отход от православия и отказ от самодержавной власти.

Из записок Мотовилова: «Разъясняя же, как надобно служить царю и сколько дорожить его жизнью, он (преподобный)

приводил в пример военачальника царя Давида Авессу.

«Однажды он, — так говорил батюшка Серафим, — для утоления жажды Давидовой прокрался в виду неприятельского стана к источнику и добыл воды и, несмотря на тучу стрел из неприятельского стана, пущенных в него, возвратился к нему ни в чем не вредимый, неся воду в шлеме, сохранен будучи от тучи стрел только за усердие свое к царю. Когда же что-нибудь приказывал Давид, то Авесса ответствовал: «Только повели, о царю, и все будет исполнено по-твоему». Когда же царь изъявил желание сам участвовать в каком-то кровопролитном деле для обозрения своих воинов, то Авесса умолял его о сохранении своего здравия и, останавливая от участия его в сече, говорил: «Нас много у тебя, а ты, государь, у нас один. Если бы и всех нас побили, то лишь бы ты был жив, — Израиль цел и непобедим. Если же тебя не будет, что будет тогда с Израилем?

— Так-то, ваше боголюбие, так, — говаривал батюшка. — «Избрах Давида, раба Моего, мужа по сердцу Моему, иже исполнит все хотения Моя»… — и прибавлял, — блаженно царство, имеющее такого царя!»

Этими словами святой старец подчеркивал, что происхождение царской власти — божественно и низвержение царей есть дело богопротивное и наказуемое от Бога.

«Часто от Давида переводил разговор, — продолжает Мотовилов, — к нашему великому Государю императору (Николаю I. — *Н. Г.)* и по целым часам беседовал со мной о царстве Русском и о нем; жалел о зломыслящих противу всеавгустейшей особы его. Явственно говоря мне о том, что они хотели сделать (речь, в частности, шла и о «восстании декабристов». — Н. Г.).

Он приводил меня в ужас, а рассказывая о казни, уготовляемой им от Господа, и удостоверяя меня в словах своих, прибавлял:

— Будет это непременно…

Когда же устрашенный его рассказом, я спросить хотел о Государе, что же с ним будет тогда? — то он, не дав мне и выговорить, отвечал мне на мысль мою:

— А ты уж, батюшка, не пекись о нем — Его Господь сохранит: он велик пред Богом. Он в душе христианин.

И это всегда почти любимые его выражения о Государе, которые он и в прочих беседах со мной о нем говаривал, приводя к тому и доказательства. Это я сам лично слышал из уст его и готов сказать во всеуслышание не только России, но и целому миру, повторяя с отцом Серафимом: «Блаженны мы, что имеем такого царя».

Кстати, не могу умолчать и о том, что, по словам келейного соседа его Павла, батюшка отец Серафим в день самого бунта 14 декабря 1825 года, поутру спокойно перекладывая дрова возле своей кельи, вдруг стал бегать, восклицая:

— Драка! Драка!

И на вопрос отца Павла: «О чем это ты, батюшка, так кричишь?» ответствовал: «В Петербурге бунт противу Государя!» и стал подробно объяснять, что там происходило.

Когда же через несколько дней после того взошел на престол ныне благополучно царствующий Государь император Николай Павлович, то батюшка отец Серафим, еще до получения о том известия, говорил:

— Ну вот, это так! Слава Богу! Слава Богу! Царя богоизбранного даровал Господь земле русской. Сам Господь избрал его и помазал на царство!

И тому же сокелейнику своему Павлу в радости духа неоднократно говаривал он, горя ревностью молитвы о благе августейшего дома:

— Я всегда молюсь, чтобы Господь продлил жизни этого дома для счастия России».

Из дневников 1853–1882 годов фрейлины А. Ф. Тютчевой.

«1855 год. 2 марта… Императрица (Мария Александровна, супруга императора Александра II. — *Н. Г.)* говорила со мной также про предсказание, сделанное одним отшельником Саровским Михаилу Павловичу (вспомним свидание отца Серафима с великим князем Михаилом в 1826 году. — Я. Г.) о смерти его дочери, о его собственной смерти и о смерти императора Николая I. Великий князь никогда не хотел рассказывать того, что было предсказано о детях императора Николая I, говоря, что он откроет это только императрице, но он так и умер, не решившись сказать этого. По-видимому, это было что-то зловещее. (Как известно, старший сын Николая I, Александр II Николаевич, стал русским царем и был убит в 1881 году бомбой, брошенной террористом Гриневецким. — *Н. Г.)*.

1856 год. 1 января… Я послала императрице маленький образ Серафима (интересно, что существовал уже «образ» Серафима Саровского, хотя до прославления его было еще 47 лет. — *Н. Г.),* который должен был быть ей передан ровно в 12 часов. Я очень верю в молитву этого святого и уверена, что он оказывает ей особое покровительство, ибо он предсказал о ней еще прежде, чем она прибыла в Россию, что она будет «благодатная» и матерью для России и для Православной церкви»[9].

О прославлении мощей Серафима Саровского

и о царствовании Николая II

Перед своей кончиной *отец Серафим говорил многим сестрам, что настанет время и в Дивеево приедет вся царская фамилия, и «среди лета запоют Пасху».* Это было тем удивительнее слышать сестрам в начале тридцатых годов

XIX века, что их община была наибеднейшей, а о монастыре и речи еще не было (он был утвержден в 1862 году). *«А как Царская-то Фамилия у нас побывает, то ведь Дивеев-то — диво будет всему свету! Села тут уже не будет, а город. И земля вся, и вокруг все наше будет, и жители кругом — все нам служить станут»* (из разговора отца Серафима со старшей сестрой мельничной обители Прасковьи Степановны). «А как Царская Фамилия приедет к вам, матушка, то выйдите за святые-то ворота, да распахните их широко-широко, да низко-низко поклонитесь до земли, да и скажите: покорно просим пожаловать, покорно просим», — и батюшка сам три раза низко до земли поклонился» (из разговора отца Серафима с А. И. Малышевой).

Существует предание, что во время встречи отца Серафима Саровского с императором Александром I старец предсказал: *«Будет некогда Царь, который меня прославит, после чего будет великая смута на Руси, много крови потечет за то, что восстанут против этого Царя и самодержавия, но Бог Царя возвеличит».*

От кончины старца до его прославления прошло семьдесят лет. В Дивеевском монастыре о нем никогда не забывали и терпеливо ждали обещанного открытия святых мощей. А до этого ежегодно 2 января, в день кончины преподобного, в Сарове пекли блины, и для этого в Саров ездили сестры. Блины раздавали всем паломникам.

В конце XIX века в Саров начал ездить блестящий гвардейский офицер Леонид Чичагов. В первый же его приезд известная дивеевская блаженная-прозорливица Прасковья Ивановна (Паша Саровская) посмотрела на него и сказала: «А рукава-то ведь поповские!» И действительно, вскорости Чичагов принял священство. Прасковья Ивановна стала настойчиво говорить ему: «Подавай прошение Государю, чтобы мощи открывали». Чичагов начал собирать материалы и документы, которые оформил в объемистый 900-страничный том известной теперь «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря».

«По окончании летописи я сидел в своей комнате, — вспоминал он, — в одном из Дивеевских корпусов и радовался,

что закончил, наконец, труднейший период собирания и написания материала о преподобном Серафиме, я увидел его как живого. У меня ни на минуту не мелькнуло мысли, что это видение — так все было просто и реально. Но каково же было мое удивление, когда батюшка Серафим поклонился мне в пояс и сказал: «Спасибо за летопись. Проси у меня все что хочешь за это». С этими словами он подошел ко мне вплотную и положил свою руку мне на плечо. Я прижался к нему и говорю: «Батюшка, дорогой, мне так радостно сейчас, что ничего другого не хочу, как только всегда быть около вас». Батюшка Серафим улыбнулся в знак согласия и стал невидим. Только тогда я сообразил, что это было видение».

После этого видения Чичагов, принявший уже монашество с именем Серафим и ставший архимандритом Спасо-Евфимиевского монастыря в Суздале, вспомнил те слова, которые он слышал от монахини Евпраксии, старицы уже, которая сподобилась вместе с Серафимом Саровским видеть явление Богородицы. Перед своей кончиной преподобный сказал Евпраксии: *«Передай тому архимандриту Серафиму, который будет распорядителем во время моего прославления, то-то…* Что именно, Серафим Чичагов не говорил никому: «Об этом буду знать только я». Видимо, *святитель Серафим предсказал Чичагову мученическую кончину, чтобы быть «рядом со святым Серафимом».* В 1938 году митрополита Серафима (Чичагова) расстреляли. Ему было восемьдесят два года. В 1997 году — причислили к лику святых.

Впервые «Летопись» опубликовали в Москве в 1896 году. Эта книга была преподнесена императору Николаю II. Он проникся убеждением о святости жизни и деяний старца, вознамерился открыть мощи. При обсуждении этого вопроса в Синоде поднялась страшная смута. Практически весь Синод был против. Куда ехать? Зачем? Мощей нетленных нет, только кости. Ехать в глушь, в лес? Все же Николай II настоял на продолжении дела.

Обследование останков преподобного Серафима было в ночь на 12 января 1903 года. В это время в селе Ламасове, в двенадцати верстах, увидели зарево над Саровом. Крестьяне побежали на пожар. Прибегают и спрашивают, где пожар, видели зарево… Им отвечают: никакого пожара не было. Один монах разъяснил: «Знамение было. Сегодня ночью комиссия вскрывала останки батюшки Серафима. От батюшки уцелели лишь косточки, вот и смущался Синод: мощей нетленных нет!» На это одна из стариц Дивеева, жившая еще при отце Серафиме, сказала: «Мы кланяемся не мощам, а чудесам».

Настойчивость императора и доклад новой представительной

комиссии вынудили Синод удовлетворить желание Николая II. Приводим выдержки из «Деяния Св. Синода от 29 января 1903 года», в котором подробно излагается материал, явившийся основой решения о канонизации старца Серафима Саровского.

«В 1895 году преосвященным епископом Тамбовским было предоставлено в Святейший Синод произведенное особой комиссией расследование о чудесных знамениях и исцелениях, явленных по молитвам отца Серафима, с верой просивших его помощи. Расследование это, начатое комиссией 3 февраля 1892 года, окончено было в августе 1894 года и проводилось в 28 епархиях европейской России и Сибири. Всех случаев благодатной помощи по молитвам старца Серафима было обследовано комиссией 94, причем большая честь их была удостоверена надлежащими свидетельскими показаниями.

Святейший Синод, рассмотрев во всех подробностях и со всевозможным тщанием обстоятельства данного дела, нашел, что многочисленные случаи благодатной помощи по молитвам старца Серафима, обследованные надлежащим образом, не представляют никакого сомнения в своей достоверности и по свойству их принадлежат к событиям, являющим чудодейственную силу Божию, ходатайством и заступлением преподобного Серафима, изливаемую на тех, кои с верой и молитвой прибегают в своих душевных и телесных недугах к его благодатному предстательству. Вместе с тем Синод пожелал, чтобы и всечестные останки приснопамятного старца Серафима были предметом благоговейного чествования от всех притекающих к его молитвенному предстательству…

По определению Святейшего Синода от 29 января 1903 года было поручено митрополиту Петербургскому и Ладожскому Антонию совместно с епископом Тамбовским и Нижегородским: 19 июля 1903 года торжественно открыть мощи преподобного отца Серафима, Саровского чудотворца. Император Николай II поручил архимандриту Серафиму (Чичагову) принять заведование всеми подготовительными мероприятиями для устройства многосложных дел, связанных с предстоящими торжествами прославления преподобного Серафима.

Торжества состоялись 17–19 июля (по ст. ст.) 1903 года в присутствии царской семьи. Полная информация о торжествах с большим количеством фотографий была дана в журналах и газетах.

В то время еще не было Казанской железной дороги, ездили в Саров через Нижний Новгород, царский поезд вел начальник дистанции Б. Н. Веденисов. Была устроена временная станция против села Выездного в лугах. Следовало срочно сделать

грунтовую дорогу до Сарова. Никто за такое короткое время не брался за эту работу. Вызвался Веденисов, и, по его словам, преподобный ему помог. Поступили очень просто. Время было жаркое. Дорогу вспахали плугами, затем полили водой из бочек и укатали катками. Дорога получилась гладкая и твердая, как асфальт.

18 июля после поздней литургии была совершена последняя панихида по иеромонаху Серафиму, подвижнику Саровскому, а всенощное бдение уже совершалось в честь святого преподобного Серафима, Саровского чудотворца. Затем с крестным ходом во главе с царем и архиереями мощи преподобного были внесены в Успенский собор Сарова для всеобщего поклонения. Всю ночь совершались молебны новопрославленному святому, и были зарегистрированы несколько исцелений по его молитвам. До трехсот тысяч человек посетило Саров в те торжественные дни.

Если внимательно вчитаться в записи пророчеств святителя Серафима о своем прославлении, то станет ясно, что он предрекал быть упокоен в храме Дивеевского монастыря. Так и случилось в 1991 году, во время второго обретения его мощей, когда они были перенесены в Дивеево из Москвы.

Не без особой надежды ехали Николай II и императрица Александра Федоровна на открытие мощей преподобного Серафима. Ему молились о даровании наследника. В царской семье к тому времени было четыре дочери, а столь желанного мальчика Господь не давал. Царская чета пожелала поехать в Дивеево к известной юродивой Паше Саровской. Но первыми, еще 17 июля, к ней приехали великие князья.

Прасковья Ивановна имела обычай показывать все на куклах, а тут она заранее приготовила куклу-мальчика, мягко ему настелила и высоко на платках уложила, говорила: «Тише, тише… он спит». Повела все это показывать великим князьям, приговаривая: «Это ваш». Великие князья подняли блаженную на руки и стали качать, а она звонко смеялась. Все, что она говорила, пересказали государю, и он сразу же после торжеств приехал в Дивеево. После разговора наедине Прасковья Ивановна стала прощаться с царской четой: открыла комод, вынула новую скатерть, расстелила на столе, стала класть гостинцы: головку сахара, крашеные яйца. Завязала все это крепко и передала государю в руки:

— Государь, неси сам, — сказала. — А нам дай денежку, нам надо избушку строить (новый собор. — Н. Г.).

У него с собой денег не было. Тут же послали, принесли, и государь отдал блаженной кошелек с золотом, который сразу же передали игуменье. Прощаясь, целовали друг другу руки. Царь и

царица обещали вскоре снова приехать, открывать мощи матушки Александры, потому что она являлась во дворце и творила чудеса.

Когда Николай II уходил, то сказал, что Прасковья Ивановна — истинная раба Божия: все и везде принимали его как царя, она единственная приняла его, как простого человека[10].

От Прасковьи Ивановны поехали к Елене Ивановне Мотовиловой, жившей вдовой в Дивееве, тайной монахиней. Царю было известно, что она хранила переданное ей «служкой Серафимовым» письмо, написанное преподобным Серафимом и адресованное государю императору Николаю II. Это письмо преподобный Серафим написал перед своей кончиной, запечатал мягким хлебом и передал Мотовилову со словами: *«Ты не доживешь, а жена твоя доживет, когда в Дивеево приедет вся Царская Фамилия, и Царь придет к ней. Пусть она ему передаст».*

Наталья Леонидовна Чичагова, дочь владыки Серафима (Чичагова), рассказывала, что государь принял письмо, с благоговением положил его в грудной карман, сказав, что будет читать его после. Когда после прочтения письма он вернулся в игуменский корпус, то горько плакал. Придворные утешали его, говоря, что хотя батюшка и святой, но может и ошибаться. Но государь плакал безутешно. Содержание письма осталось никому не известным.

По поводу этого письма участник саровских торжеств игумен Серафим (Кузнецов) писал: «Преподобным Серафимом еще при жизни было написано по откровению Божию собственноручно письмо к этому Царю, которому будет суждено приехать в Дивеево, передав его своему другу Мотовилову, последний передал его перед смертью жене, которая тогда лично вручила его государю Николаю II в Ди-вееве 20 июля 1903 года. Что было написано в письме, осталось тайной. Только можно предполагать, что святой прозорливец ясно видел все грядущее, а потому предохранял от какой-либо ошибки и предупреждал о грядущих грозных событиях, укрепляя в вере, что все это совершится не случайно, а по предопределению Предвечного небесного Совета, дабы в трудные минуты тяжких испытаний Государь не пал духом и донес свой тяжелый мученический крест до конца».

Д. Ходнев: «Незадолго до своей праведной кончины преподобный Серафим Саровский вручил запечатанный конверт верующей и богобоязненной женщине Е. И. Мотовиловой (через своего мужа), наказав хранить его и передать Царю, который приедет в Саров «особо обо мне молиться». Через 70 лет, в 1903 году, этот пакет был вручен Государю во время прославления преподобного Серафима Саровского. Это была рукопись святого, в которой он подготовлял Государя к тяжким испытаниям. Тогда же

и там же об этом поведала ему и блаженная Паша Саровская. Об этом рассказывал мой отец, который тогда, в 1903 году, командуя Фанагорийским гренадерским генералиссимуса Суворова полком, был на охране Царя в Сарове при открытии мощей святого. У меня хранится особый саровский жетон, пожалованный моему отцу Государем».

Протоиерей Стефан Ляшевский (духовный сын митрополита Серафима): «Во время прославления в Дивееве жила знаменитая на всю Россию Христа ради юродивая блаженная Паша Саровская. Государь был осведомлен не только о Дивееве, но и Паше Саровской. Государь со всеми Великими князьями и тремя митрополитами проследовали из Сарова в Дивеево. В экипаже они все подъехали к келье Блаженной Паши. Матушка игуменья, конечно, знала об их предполагаемом визите и приказала вынести из кельи все стулья и расстелить большой ковер. Их Величества, все князья и митрополиты едва смогли поместиться в Пашиной келье. Параскева Ивановна, как почти всегда, сидела на кровати, смотрела на Государя, потом сказала: «Пусть только царь с царицей останутся». Государь извиняюще посмотрел на всех и попросил оставить его и Государыню одних, — видимо, предстоял какой-то очень серьезный разговор.

Все вышли и сели в свои экипажи, ожидая выхода Их Величеств. Матушка игуменья выходила из кельи последняя, но послушница оставалась. И вдруг матушка игуменья слышит, как Параскева Ивановна, обращаясь к Царствующим Особам, сказала: «Садитесь». Государь оглянулся и увидел, что сесть негде, смутился, а блаженная говорит им: «Садитесь на пол». (Вспомним, что Государь был арестован на станции Дно… Великое смирение — Государь и Государыня опустились на ковер, иначе бы они не устояли от ужаса, который им говорила Параскева Ивановна.)

Она им сказала все, что потом исполнилось, то есть гибель России, Династии, разгром Церкви и море крови. Государыня была близка к обмороку, наконец она сказала: «Я вам не верю, этого не может быть!» Это ведь было за год до рождения Наследника, и они очень хотели иметь его. Параскева Ивановна достала с кровати кусок красной материи и говорит: «Это твоему сынишке на штанишки, и когда он родится, тогда поверишь тому, о чем я говорила вам». С посещения Дивеева Государь стал считать себя обреченным на крестные муки и позже говорил не раз: «Нет такой жертвы, которую я бы не принес, чтобы спасти Россию».

По молитвам святителя Серафима и по предсказанию Паши Саровской через год родился наследник царевич Алексей.

Паша Саровская умерла в 1915 году в возрасте ста двадцати лет. Перед смертью она все клала земные поклоны перед портретом государя, а когда была уже не в силах, то ее опускали и поднимали келейницы дивеевские, спрашивали:

— Что ты, мамашенька, так на государя молишься?

— Глупые, он выше всех царей будет. Не знай, преподобный, не знай, мученик. Миленький уже при конце…

Из воспоминаний княгини Н. В. Урусовой: «я знаю о пророчестве преподобного Серафима о падении и восстановлении России: я лично это знаю. Когда в начале 1918 года горел Ярославль и я бежала с детьми в Сергиев Посад, то там познакомилась с графом Ю. А. Олсуфьевым, еще сравнительно молодым. Он для спасения каких-то документов, должных быть уничтоженными дьявольской силой большевизма, сумел устроиться при библиотеке Троице-Сергиевой духовной академии. Вскоре был выслан на Соловки. Он принес мне однажды письмо для прочтения со словами: «Это я храню как зеницу ока». Письмо, пожелтелое от времени, с сильно полинявшими чернилами, было написано собственноручно святым преподобным Серафимом Саровским Мотовилову. В письме были предсказания о тех ужасах и бедствиях, которые постигнут Россию, и помню только, что было в нем сказано и о помиловании России. Года я не могу вспомнить, потому что прошло 28 лет, и память мне может изменить, да каюсь, не прочла с должным вниманием, так как год указывался отдельно, а спасения хотелось и избавления немедленно еще с самого начала революции. Во всяком случае, говорилось о последних годах 20-го столетия. Простить себе не могу, что не списала копию с письма, но голова была так занята и мозги так устали в поисках насущного для детей, что этим только оправдываю и успокаиваю свою недальновидность…

Батюшка Серафим неоднократно говорил своим «дивеевским сиротам»: *«Страшное время идет на Россию. Я молил Господа отвести эту страшную беду,* но *Господь не услышал убогого Серафима».*

В записках князя Путятина, человека, очень близкого Дивееву, сохранилась запись о том, что на вопрос Мотовилова, когда же будет самое страшное время, батюшка Серафим ответил: «Немного позже, чем через 100 лет после моей смерти». Имелись в виду тридцатые годы XX столетия. Вспомним 1937-й…

В Дивееве сохранялось предание батюшки Серафима о том, что придет время и всем сестрам придется на время уйти в мир, а на сколько времени — неизвестно. Как Бог даст.

Видимо, это время зависело от народного покаяния: ведь и

святой Иоанн Кронштадтский в начале XX века говорил, что если русский народ не покается, то кончина мира близка. Прозорливые старцы Оптиной пустыни свидетельствовали, что будет еще период благодати Божией на Руси. Во всяком случае, когда большевики разорили Серафимов монастырь, монахини уходили с крепкой верой, что Дивеев, как и вся русская. Церковь, вновь возродится. Возвращения пришлось ждать больше шестидесяти лет…

Антихрист и дивеевская канавка

Из записок священника В. Садовского: «Много чудного говорил батюшка Серафим об этой канавке. Так что *«канавка эта — стопочки Божией Матери! Тут ее обошла Сама Царица Небесная! Эта канавка до небес высока! Землю эту взяла в удел Сама Пречистая Богородица! Тут у меня, батюшка, и Афон, и Киев, и Иерусалим! И как Антихрист придет, везде пройдет, а канавки этой не перескочит!»* Рыли сестры эту канавку до самой кончины батюшкиной, к концу жизни, по приказанию его, и зимой рыть не переставали. Огонь брызгал из земли, когда топорами ее рубили, но батюшка Серафим переставать не велел. Когда дело не шло на лад, то приказывал хоть на один аршин или хотя бы на четверть аршина рыть, только бы почин сделали, а там дороют!»

«О канавке говорил мне батюшка, — вспоминала монахиня Капитолина, — да и всем говаривал, что потому она так вырыта, что это та самая тропа, где прошла Царица Небесная, взяв в удел себе обитель. «Она, Матерь-то Божия, все это место обошла. Вы и землю-то когда роете, не кидайте так и никому не давайте, а к себе в обитель, в канавку-то и складывайте! И скажу тебе, матушка, кто канавку с молитвой обойдет да полтораста Богородиц прочитает, тому все тут: и Афон, и Иерусалим, и Киев!»

«Канавка чтоб три аршина была глубины и три аршина ширины, и три же аршина вышины, воры-то и не перелезут». «На что, — говорю (вспоминает старица Прасковья Ивановна), — батюшка, нам ограда бы лучше». *«Глупая! Глупая,* — говорит, — *на что канавку? Когда век-то кончится, сначала станет Антихрист с храмов кресты снимать да монастыри разорять, и все монастыри разорит! А к вашему подойдет, а канавка-то и станет от земли до неба, ему и нельзя к вам взойти-то, нигде не допустит канавка, так прочь и уйдет!»*

Старица Феодосия Васильевна сообщила: «Страдая падучею болезнью, пришла я к батюшке Серафиму, он и говорит мне:

«Ступай, радость моя, в Дивеево рыть канавку. Эту канавку Сама Царица Небесная Своим пояском измерила, так что когда Антихрист-то придет, то канавка эта не допустит его туда!» «Батюшка, — говорю я ему, — я ведь больна, вот так-то и так!» Выслушав, взял он меня за плечи и, нагнув мою голову, прочитал молитву. Тут же я почувствовала себя совершенно здоровой. После этого поступила в обитель, и болезнь более не возвращалась ко мне никогда».

К слову сказать, известны исцеления от болезней не только от прикладывания к больному месту земли из канавки, но даже и от засушенного цветка, сорванного на ней.

О великой скорби в последние дни

Водной из своих бесед с Мотовиловым преподобный Серафим, говоря о состоянии духа последних христиан, оставшихся верными Богу перед концом мира, поведал весьма важное:

«И во дни той великой скорби, о *коей сказано в Писании, что не спаслась бы никакая плоть, если бы избранных ради не сократились оные дни, именно в эти дни «малому стаду» верных предстоит испытать на себе нечто подобное тому, что было испытано Самим Господом, когда Он, вися на кресте, будучи совершенным Богом и совершенным человеком, почувствовал Себя Своим Божеством настолько оставленным, что возопил к Отцу: «Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?» Подобное же оставление человечества благодатью Божией должны испытать на себе и последние христиане, но только лишь на самое краткое время, по минованиии которого не замедлит вслед явиться Господь во всей славе Своей и все святые ангелы с Ним. И тогда совершится во всей полноте все, от века предопределенное в Предвечном Свете».*

Великая дивеевская тайна

«*Много раз,* — пишет в своих записках Мотовилов, — *слышал я из уст великого угодника Божия, старца отца Серафима, что он плотью своей лежать в Сарове не будет. И вот однажды осмелился я спросить у него:*

— Вот вы, батюшка, все говорить изволите, что плотию вашей вы в Сарове лежать не будете. Так нешто вас саровские отдадут?

На сие батюшка, приятно улыбнувшись и взглянув на меня, изволил ответить так:

— Ах, ваше боголюбие, как вы! Уж на что царь Петр был царь из царей, а пожелал мощи святого благоверного князя Александра Невского перенести из Владимира в Петербург, а святые мощи-то не похотели!

— Как это не похотели? Когда они в Петербурге в Александро-Невской лавре почивают?

— В Александро-Невской лавре, говорите вы? Как же это так? Во Владимире они почивали открыто, а в лавре под спудом. Почему же так? А потому, — сказал батюшка, — что там их нет.

И много распространившись по сему поводу своими богоглаголивыми устами, батюшка Серафим поведал следующее.

— Мне, *ваше боголюбие, убогому Серафиму, от Господа Бога положено жить гораздо более ста лет. Но так как к тому времени архиереи русские так онечестивятся, что нечестием своим превзойдут архиереев греческих во времена Феодосия Юнейшего, так что главнейшему догмату веры Христовой* (о воскресении. — *Н. Г.) и веровать уже не будут, то Господу Богу благоугодно взять мощи убогого Серафима до времени от сея временной жизни и потом воскресить, и воскресение мое будет, аки воскресение седми отроков в пещере Охлонской во дни Феодосия Юнейшего.*

Открыв мне сию великую и страшную тайну, великий старец поведал мне, что по воскресении своем он из Сарова перейдет в Дивеев и там откроет проповедь всемирного покаяния. На проповедь же ту, а более на чудо воскресения, соберется множество народа со всех концов земли. Диве-ев станет лаврой, Вертьяново — городом, а Арзамас — губернией. Проповедуя в Дивееве покаяние, батюшка Серафим откроет там четверо мощей и, по открытию их, сам между ними ляжет. Тогда придет и конец всему».

Такова великая дивеевская благочестивая тайна, открытая Мотовилову и дивеевской игуменье Марии (которая, построив Дивеевский собор, с 1879 года не освещала там левого придела, веря, согласно дивеевским преданиям, что доживет до прославления отца Серафима и освятит придел в честь святого его имени. Так и случилось. — *Н. Г.),* о воскресении на время перед концом света преподобного Серафима, Саровского и всея России чудотворца.

Любому скептику можно ответить словами игуменьи Марии: «Кто доживет, тот увидит».

Что касается конкретных времен исполнения пророчеств святителя Серафима, то не без намека приведем здесь некий факт заблуждения даже и самого близкого сотаинника преподобного — Мотовилова. Из разных записок Мотовилова — частью в тетрадях, частью на клочках бумаги — можно предположить, что он

приложил немалую энергию к тому, чтобы прославление отца Серафима было совершено еще в царствование Николая I, при супруге его Александре Федоровне и матери — вдовствующей императрице Марии Федоровне. Велико было его разочарование и душевная скорбь, когда усилия его не увенчались успехом, вопреки, как могло тогда показаться, предсказаниям Божьего угодника, связавшего свое прославление с указанным сочетанием августейших имен.

Мотовилов умер в 1879 году, не дождавшись оправдания своей веры. Могло ли ему или кому-то другому прийти в голову, что через сорок восемь лет после смерти Николая I на всероссийском престоле в точности повторятся те же имена: Николая (Второго, правнука Николая I), его жены Александры Федоровны и вдовствующей императрицы Марии Федоровны (супруги императора Александра III), при которых и состоялось столь желаемое и предсказанное Мотовилову прославление великого прозорливца преподобного Серафима…

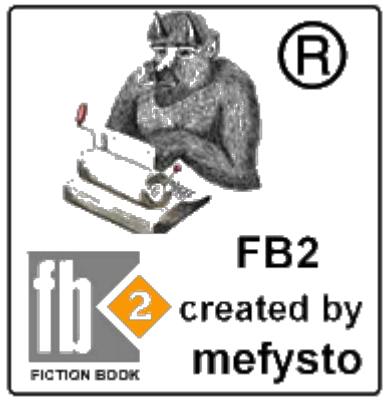
При составлении этой книги были использованы материалы следующих изданий: Архимандрит Серафим (Чичагов). Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. СПб., 1903; Поселянин Е. Преподобный Серафим, Саровский чудотворец. СПб., 1908; Митрополит Серафим (Чичагов). Да будет воля твоя. М.; СПб., «Паломник», 1993; Нилус С. Великое в малом. «Православный паломник». СПб., 1996; Россия перед вторым пришествием. Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1993.

Говорят, будущее известно только Богу и только святые могут пророчествовать. Отец Серафим своей жизнью заслужил это право. Он предсказал Александру I, что род Романовых продлится триста лет и три года, что начнется он в доме Ипатьева и закончится в доме Ипатьева; предрек мученическую гибель Николая II и его детей; пророчествовал о падении и помиловании России. Пламенный Серафим совершил множество чудотворений, о которых узнает читатель этой книги.

ACT
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ISBN 5-237-00450-4

9 785237 004502



notes

Примечания

1

«Серафим» означает «пламенный».

2

Автор стихотворения неизвестен.

3

В 44 году по Р. Х. когда ирод Агриппа начал преследовать христиан, тогда святые апостолы, с соизволения Богоматери, признали за лучшее оставить Иерусалим и кинули меж собой жребий, кому отправиться в какую сторону для проповеди Евангелия. Богородице достались Иверия (нынешняя Грузия), святая гора Афон, Киев со своим Печерским монастырем, и четвертым жребием, по словам Самой Богородицы, стало Дивеево.

4

О р а р ь — длинный, похожий на широкую ленту плат на левом плече дьякона, которым он дает знак к молитве.

5

Старец Даниил действительно просил называть себя братом: «Не называйте меня отцом, а называйте братом, ибо все мы братья во Христе, а один есть наш общий Отец — Господь Бог». Посему современники называли его братом Даниилом до смерти.

6

Л а в р а — «улица, многолюдная обитель» (греч.), обширное поселение иноков или инокинь. Киновия — «общая жизнь» *(греч.),* община из нескольких монахов под руководством избранного старца (старицы); в киновии нет различий ни в роде, ни в заслугах.

7

Речь идет об известной, записанной Мотовиловым, беседе старца о цели христианской жизни.

8

Между тем известно, что чудотворная Касперовская икона Божией Матери во время Крымской войны была принесена с крестным ходом из Херсона в Одессу, осажденную неприятельским флотом, и город остался невредимым. Было решено «сделать это событие незабвенным в научение потомству» и установить празднование иконы 1 октября.

9

Александр II избрал себе жену в 1838 году, путешествуя по Европе. Это была дочь великого герцога Лудвига II Гессен-Дармштадтского принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа» София-Мария (1824–1880), принявшая при переходе в православие имя Мария Александровна. Ее попечению принадлежит продолжение и завершение перевода всего Священного Писания на русский язык, деятельность провинциальных духовных училищ и знаменитые «учреждения императрицы Марии» — больницы и богадельни, приюты для малолетних.

10

В следующей книге нашей серии мы расскажем о блаженной Паше Саровской и о том труднейшем подвиге юродства во Христе, который в основном встречается в российских пределах.